

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АЙЗЕК

АЗИМОВ

всемирная фантастическая сага

РОМАН

ОСНОВАНИЕ

РОМАН

**ОСНОВАНИЕ
И ИМПЕРИЯ**

РОМАН

**ВТОРОЕ
ОСНОВАНИЕ**

Annotation

...Империя с высочайшим уровнем цивилизации. Ее влияние и власть распространены на десятки миллионов звездных систем Галактики. Ничто не предрекает ее краха в обозримом будущем...

И вот однажды психоисторик Хари Сэлдон, создав математическую модель Империи, производит расчеты, которые неопровержимо доказывают, что через 500 лет Империя рухнет...

Великий распад будет продолжаться 30 тысяч лет и сопровождаться периодом застоя и

варварства. Однако Сэлдон создает План, в соответствии с которым появление новой Империи наступит всего через 1000 лет. Для этого на противоположных концах Галактики должны быть созданы два Основания. Основания — системы планет со своим населением, группами ученых, которые должны сохранить и умножить Знания. На одном Основании сконцентрируются естественные науки, в первую очередь — физика. Второе Основание должно дать миру психологов, готовых взять в свои руки управление новой Галактической Империей. И если первое Основание известно всей

Галактике, то второе создается в
строжайшей тайне.

...Проходят века. Рождаются
новые королевства. Звездные
системы освобождаются от влияния
Империи. С переменным успехом
происходят схватки между войсками
прогнившей Империи и Основания.
Постепенно растет влияние
Основания. И вот последняя битва
между темными силами Империи и
воинами Основания...

- [Айзек Азимов](#)
 - [От издателей](#)
 - [Часть первая. Генерал](#)
 - [1. Поиски волшебников](#)
 - [2. Волшебники](#)

- 3. Мертвая рука
- 4. Император
- 5. Война начинается
- 6. Фаворит
- 7. Сделка
- 8. На Трантор
- 9. На Транторе
- 10. Конец войне
- Часть вторая. Мул
 - 1. Муж и жена
 - 2. Капитан и мэр
 - 3. Лейтенант и клоун
 - 4. Мутант
 - 5. Психолог
 - 6. Конференция
 - 7. Визи-сонар
 - 8. Падение Основания
 - 9. Начало поисков

- [10. Конспиратор](#)
 - [11. Интерлюдия в космосе](#)
 - [12. Смерть на Неотранторе](#)
 - [13. Руины трантора](#)
 - [14. Обращенный](#)
 - [15. Смерть психолога](#)
 - [16. Конец поисков](#)
-

Айзек Азимов
Основание и
Империя
Роман

От издателей

Предлагаемая читателям трилогия А. Азимова «Основание, Основание и Империя, Второе Основание» впервые увидела свет в Америке в 1961–1967 гг. К настоящему времени в США и Англии вышли уже продолжения азимовской саги — романы «Край Основания» (1982) и «Основание и земля» (1984).

В СССР сага ни разу не издавалась. Лишь с начала 1993 года ее частично планирует печатать журнал «Аврора» (Санкт-Петербург).

Издатели намерены также в

текущем году опубликовать
отдельными книжками роман А.
Азимова «Камешек в небе», 5
малоизвестных повестей и сборник
из 20 рассказов, только однажды
промелькнувших на страницах
советских газет и журналов.

Часть первая.

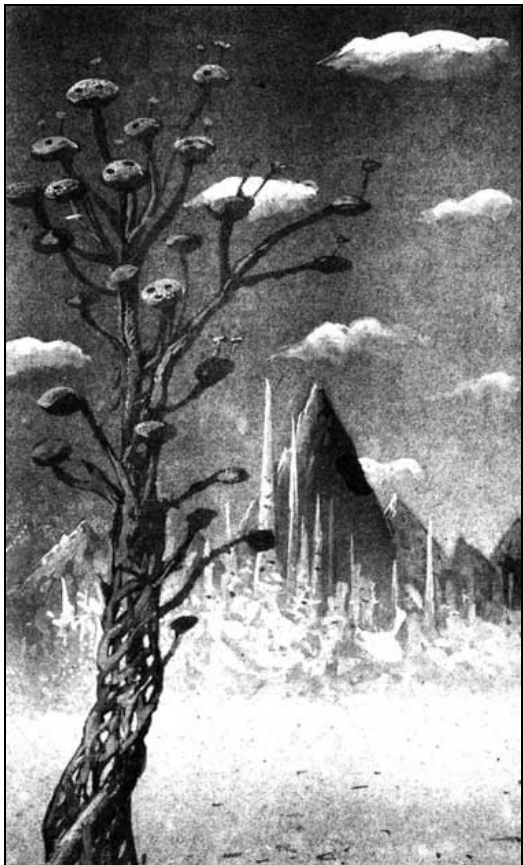
Генерал

1. Поиски волшебников

Бель Риоз... За свою относительно короткую карьеру Бель Риоз по праву заслужил прозвище «Последнего из Великих». Изучение его военных кампаний показывает, что он был равен самому Пьерифо как стратег, а способностью общаться с людьми даже превосходил его. Но он родился в дни заката Империи и поэтому не мог достичь высот Пьерифо-завоевателя. Однако случай

предоставился: ему
первому из приближенных
императора пришлось
столкнуться с
Основанием...

*Галактическая
Энциклопедия*

Будучи адмиралом космического флота, Бель Риоз занимался делами на одной из дальних систем Галактической Империи. Улетал он без телохранителей, что с точки зрения дворцового этикета было не совсем прилично. Оправдывала поступки адмирала лишь молодость, явившаяся, кроме прочего, причиной его высылки расчетливыми придворными.

К тому же, благодаря природному любопытству, он не мог не интересоваться старинными и загадочными историями, повторяемыми на сотни ладов тысячами людей. Кроме того, волновали кровь возможности

военной кампании. Да и комбинация была слишком любопытна.

Риоз вышел из автомобиля у дверей старого дома. Чтобы здесь побывать, он и прилетел на Сивенну. Впустили его не сразу, пришлось подождать. Фотонный глаз у ручки несколько раз подмигнул, наконец дверь открыла человеческая рука. На пороге стоял старик. Бель Риоз улыбнулся:

— Вы не узнаете меня?

— Конечно, узнал.

Старик совсем не удивился, но, так и не поклонившись, продолжал:

— Что привело вас ко мне?

Риоз сделал шаг вперед и слегка поклонился.

— Я пришел с миром. Ведь вы Дучем Бар, не правда ли? Позвольте побеседовать с вами.

Дучем Бар отступил. Генерал вошел в дом, где было светло, как днем, прошел дальше в кабинет, дотронулся до одной из стен и посмотрел на кончики своих пальцев:

— У вас повсюду на Сивенне так светло?

Бар слегка улыбнулся.

— Думаю, что нет. Я стараюсь следить, чтобы свет был в исправности. Но я должен извиниться за ваше долгое ожидание у порога. Автоматическое дверное устройство давно не работает.

— А что мешает вам его починить? — тон генерала был слегка насмешлив.

— Просто не достать больше запасных частей. Прошу вас, сэр, садитесь. Хотите чаю?

— С удовольствием, здесь, на Сивенне, отказаться от чая равнозначно оскорблению, мой дорогой сэр.

Старый патриций медленно удалился с поклоном, являвшимся частью церемониального наследства старой аристократии. Риоз молча посмотрел вслед удалявшейся фигуре хозяина, и ему стало несколько не по себе. Патриций подавлял его морально, а атмосфера старинного

поместья казалась неудобной.

Здесь же, в кабинете, на полках, в черных переплетах стояли древние книги с незнакомыми титулами. Риоз обратил внимание на большой аппарат, находившийся в углу, и подумал, что это, очевидно, проектор, который переводил книги на видео-звукозапись. Генерал никогда не видел такой аппарат в действии, но достаточно был о нем наслышан. Ему говорили, что давным-давно, когда Империя имела тесную связь со всеми планетами Галактики, в девяти домах из десяти были такие установки и длинные ряды книг. Но сейчас границы охраняют. А книгами пользуются

только старики. Да и, скорее всего, половина того, что рассказывают о старине, — выдумка. Может быть, даже больше, чем половина.

Принесли чай, и Риоз уселся поудобнее. Дучем Бар поднял свою чашку:

— Ваше здоровье.

— Спасибо. И ваше тоже.

Дучем Бар нарочито медленно продолжил:

— Я слышал, вы еще очень молоды. Вам сколько: тридцать пять?

— Почти угадали. Тридцать четыре.

— В таком случае, — Дучем Бар произносил слова мягко и в то же время выразительно, — я должен вас

огорчить: у меня нет ни приворотного зелья, ни любовных напитков, ни мазей, ни притираний, и я не смогу заговорить вашу молодую девушку, чтобы она вас полюбила.

— Но, сэр, мне ничего этого не нужно, — в благодушном тоне генерала проскользнуло изумление. — А что? К вам многие обращаются с такими просьбами?

— Хватает. К сожалению, иной народец путает ученых с колдунами, а любовь — такая штука, где трудно обойтись без волшебства.

— Очень может быть. Хотя я так не думаю. По-моему, наука должна решать более сложные задачи.

Сивенец утрюмо кивнул
головой:

— Но вы можете так же
ошибаться, как и они.

Генерал поставил чашку в нишу,
наполнил ее, бросил туда пилюлю
запаха, подождал, пока та потонула,
и продолжил:

— В таком случае, скажите мне,
патриций, кто такие волшебники? Я
имею в виду волшебников
настоящих.

Бар, не скрывая удивления,
долго не отвечал, наконец произнес:

— Волшебников не существует.

— Но люди говорят о них.

Сивенна полнится слухами. А вокруг
них создаются культы. Мне кажется,

все это как-то связано с теми странными группировками на вашей планете, которые спят и видят прошлое и то, что они называют свободой и автономией. Все это может оказаться вредным для государства.

Старик покачал головой:

— При чем здесь я? Вы что, считаете, что я глава заговора?

Риоз пожал плечами.

— Нет-нет. Но, может быть, это не такая уж и нелепая мысль. Ваш отец в прошлом — изгнанник, сам вы тоже были патриотом и шовинистом. Мне как гостю неделикатно говорить об этом, но разговор все же необходим. Причем я

сейчас не считаю вас главой заговора. Тем более что всякое сопротивление на Сивенне давно подавлено.

Старик долго не отвечал:

— Я буду таким же неделикатным хозяином, как вы гостем. Помните, наместник тоже однажды был уверен, что Сивенна сломлена. Но чуть позже он умер ужасной смертью от руки тех самых сломленных сивеннцев.

— Вы сейчас затронули очень важную для меня тему. Я давно хотел с вами об этом поговорить. Вот уже три года эта загадочная смерть для меня больше не загадка. В личной охране наместника я обратил

внимание на одного молодого солдата. Думаю, не стоит напоминать кое-какие его поступки, тем более что именно вы и были тем самым молодым охранником.

Бар нисколько не изменился в лице.

— Чего же вы от меня хотите?

— Чтобы вы ответили на один мой вопрос.

— Но я не люблю, когда мне угрожают. И потом я не настолько молод, чтобы думать о том, как продлить себе жизнь.

— Мой добрый сэр, сейчас другие времена, — со значением ответил Риоз. — А у вас есть дети и друзья. Родина, о которой только что

вы говорили с любовью и гордостью. А что касается угроз, вы слишком ничтожны, чтобы я использовал против вас силу.

— Чего же вы хотите? — холодно повторил Бар свой прежний вопрос.

Риоз повертел в руках пустую чашку.

— Патриций, выслушайте меня. В наши дни наибольших успехов достигают те полководцы, которые устраивают парады по праздникам в честь его императорского величества или эскортируют звездолеты, отправляющиеся с императором на отдых. А я предпочитаю парадам сражения. Поэтому я неудачник. Да,

неудачник в 34 года, и останусь им до конца.

Меня выслали подальше от двора, потому что я создаю слишком много неудобств для императорского окружения, денди и господ адмиралов, но от хорошего предводителя звездолетов не так-то легко избавиться, вышвырнув в космос. Вот поэтому я на Сивенне. Здесь, в пограничной небогатой провинции, очень редко происходят волнения и беспорядки. И мне совсем нечего делать. Никаких восстаний не надо усмирять, а здешние наместники давно уже не устраивают революций, по крайней мере, с тех пор как отец его

императорского величества усмирил последнего.

— Сейчас мы живем при сильном императоре.

— Да, именно такие властители нам нужны, но не забывайте о том, что император — мой господин и я охраняю его интересы.

Бар безразлично пожал плечами.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Я скажу вам в двух словах. Волшебники, о которых я начинал говорить с вами, появились... из-за границ Империи, из той области, где мало звезд.

— Где мало звезд, — медленно повторил Бар, — и холод космоса

беспределен.

— Это что, поэзия?

Риоз нахмурился. Ему показалось неуместным читать стихи в такую минуту.

— В любом случае, они пришли с периферии, из той ее четверти, где я могу дать сражение во славу моего Императора.

— Чтобы служить интересам его императорского величества и одновременно удовлетворять свою жажду битвы?

— Вот именно. Но я хочу знать, против кого мне предстоит сражаться. И тут вы сможете мне помочь.

— Вы в этом уверены?

Риоз рассеянно ковырял пирожное.

— Вот уже три года я слежу за каждым слухом, каждым мифом, дыханием, за всем, что касается волшебства. И из всей информации, которую я получил, только два события подтверждаются фактами. Во-первых, волшебники появились с самого края Галактики, расположенного как раз напротив Сивенны. Во-вторых, ваш дед однажды встретился с волшебником, настоящим живым волшебником, и говорил с ним.

Старый сивеннец уставился на него не мигая. Риоз продолжал:

— Лучше бы вы сами мне

рассказали обо всем.

Бар задумчиво ответил:

— Слушать все вам будет неинтересно. Я расскажу лишь некоторые вещи. Не хотите ли поучаствовать в психоисторическом эксперименте?

— В каком?

— Да, вы не ослышались. Я поставлю над вами психоисторический эксперимент.

В улыбке старика промелькнуло что-то нехорошее.

— Давайте-ка я налью еще чая. И приготовьтесь меня выслушать.

Старик откинулся на мягкие подушки кресла. Свет стен померк до цвета слоновой кости и смягчил

даже жесткий солдатский профиль Риоза.

— Мои собственные знания, — начал Дучем, — получены в результате двух происшествий: я — сын моего отца и я — уроженец Сивенны. Итак, все началось 40 лет назад, вскоре после Великой революции, когда мой отец стал изгнанником в лесах юга, а я в это время был конвоиром в личном флоте наместника, того самого, что сначала приказал умертвить революцию, а потом сам умер страшной смертью.

Бар хмуро улыбнулся и продолжал:

— Мой отец был патриархом

Империи и сенатором Сивенны. Его звали Онум Бар.

Риоз нетерпеливо прервал его:

— Я хорошо знаю подробности его ссылки. Не надо задерживаться на этом.

Сивеннец не обратил на эти слова никакого внимания и все тем же размеренным тоном продолжал:

— Когда отец находился в изгнании, к нему однажды пришел скиталец. То был торговец с самого края Галактики. Он говорил со странным акцентом, ничего не знал о недавней истории Империи и, самое удивительное, был окружен индивидуальным силовым полем.

— Индивидуальным силовым

полем? — Риоз не отрываясь, во все глаза глядел на старика: — Вы говорите какой-то бред. Ни у одного генератора не хватит мощности, чтобы создать поле на одного человека. Великая Галактика, может быть, он захватил с собой генератор, правда, он весит 5 тысяч тонн?

— Но вы, кажется, хотели услышать о настоящем волшебнике?! А ведь имя «волшебник» заслужить нужно. У него не было с собой генератора, который можно сразу увидеть, но даже самый сильный бластер никогда не пробьет это поле.

— И это весь ваш рассказ? Может быть, волшебники родились из галлюцинаций старика,

сломленного ссылкой и страданиями, выпавшими на его долю?

— О волшебниках шли разговоры еще до моего отца, сэр. И доказательства неоспоримы. Покинув моего отца, торговец, которого люди называли волшебником, посетил в городе техника (по совету отца), где оставил атомный генератор. Этот генератор создавал поле, подобное тому, что окружало торговца. Когда кровавый наместник был казнен и мой отец вернулся из ссылки, торговец отыскал этот генератор, хотя и затратил немало времени и труда. Вот он, висит позади вас, на стене, сэр. Правда, не работает. И никогда

не работал, за исключением первых двух дней, но если вы на него посмотрите, то сразу поймете, что создан генератор был не в Империи.

Бель Риоз потянулся за поясом-цепочкой, который висел за ним на стене. Как только он прикоснулся, поле связи нарушилось, раздался хлопающий звук, и цепочка очутилась у него в руке.

Внимание Риоза привлек эллипсоид на самом конце. Он был размером с грецкий орех.

— Это... — начал он.

— То, что было когда-то генератором, — улыбнувшись, кивнул Бар. — Секрет его действия сейчас уже не открыть.

Субэлектронный анализ показал, что там все сплавилось в один кусок металла, и даже при самом тщательном исследовании не смогли определить, из каких частей он состоял до сплавления.

— Тогда ваше «доказательство» все еще остается словами. А других подтверждений нет?

Бар пожал плечами:

— Я рассказал вам всю правду, но не потому, что вы угрожали мне силой. И если вы не хотите в нее верить, то я больше не произнесу ни одного слова.

— Нет, говорите, — хрипло сказал генерал.

— Я продолжил исследования

отца и после его смерти. А потом мне помог один случай, о котором я упоминал, ведь Сивенна была хорошо известна Хари Сэлдону.

— Я не знаю, о ком вы говорите?

— При императоре Далубине IV жил такой ученый по психоистории, последний и самый великий. Однажды он прилетел на Сивенну, еще считавшуюся центром коммерции, искусства и науки.

— Гм-м-м, — кисло пробормотал Риоз, — найдите хоть одну планету, которая не утверждала бы, что пережила лучшие времена и была богатой до беспредельности.

— То, о чем я говорю,

происходило двести лет тому назад, когда власть императора распространялась еще на всю Галактику. И тогда Сивенна была одним из центральных миров, а не варварской полупограничной планетой. Еще в те дни Хари Сэлдон предвидел упадок императорской власти и неизбежное варварство, которое должно было наступить во всей Галактике.

Внезапно Риоз рассмеялся.

— Он это предвидел? В таком случае, его предвидения ошибочны, дорогой мой ученый. Мне кажется, что вы имеете право называть себя так. Неужели вы не знаете, что Империя сейчас более

могущественна, чем за последнюю тысячу лет. Ваши слабые глаза ослеплены холодом и пустотой пограничной жизни. Прилетайте когда-нибудь в наш мир, в теплоту и богатство центральных областей Галактики.

Старик угрюмо покачал головой.

— Коммуникации прерываются прежде всего на внешних планетах. Пройдет совсем немного времени, и разрушение достигнет центра планеты. А то, что это произойдет и уже происходит, очевидно.

— Так значит, этот ваш Хари Сэлдон предсказал, что всю Галактику будут населять варвары? — с добродушным юмором

спросил Риоз. — И что же потом, а?

— Да, Хари Сэлдон предвидел катастрофу и потому организовал на противоположных концах Галактики два Основания, самых лучших и самых сильных, он надеялся, что они будут расти, развиваться и множиться. Все было организовано таким образом, что будущее, предсказанное точной психоисторической наукой, началось с изоляции двух Оснований от главного тела Галактики, и они должны постепенно вырасти до Второй Галактической Империи. Неизбежный период варварства при этом сокращается с тридцати до одной тысячи лет.

— И откуда вам все это известно? Вы рассказываете мне такие подробности...

— Подробностей я не знаю и никогда не знал! — спокойно ответил старый патриций. — Все эти знания собирались по кусочкам сначала моим отцом, а потом мной... Основа их очень спорна, и многое дополнено воображением. Но я убежден, что, в принципе, это правда.

— Вас легко убедить.

— Почему вы так говорите? Мои знания отняли у меня сорок лет моей жизни.

— Гм, сорок лет! Я бы решил этот вопрос в сорок дней. Мне даже

кажется, что так и надо будет сделать. Правда, несколько по-другому...

— А как, позвольте полюбопытствовать?

— Самым простым способом. Я стану исследователем. Найду эти Основания и понаблюдаю собственными глазами. Сколько их? Два?

— Документы говорят о двух... Но найдено пока только одно Основание. Это вполне понятно, если учесть, что второе находится на другом конце Галактики.

— Ну что же, тогда навестим ближайшее, — генерал встал с кресла, натягивая свой пояс.

— И вы знаете, где оно? — спросил Бар.

— Приблизительно. В документах предпоследнего наместника, того самого, которого вы так эффектно убили, есть подозрительные записи о недалеких варварских планетах. Честно говоря, одна из его дочерей даже была отдана замуж за какого-то там варварского принца. Я найду туда путь.

Он протянул руку.

— Благодарю вас за гостеприимство.

Дучем Бар дотронулся до руки генерала кончиками пальцев и сделал формальный поклон.

— Ваш визит — большая честь для меня.

— Что же касается сведений, которые вы мне сообщили, я решу, как мне отблагодарить вас, только после моего возвращения.

Дучем Бар покорно последовал за своим гостем. А вслед удаляющемуся автомобилю губы старика прошептали:

— Если вы вернетесь...

2. Волшебники

Основание... После сорока лет развития торговли Основание встало перед угрозой вторжения со стороны Риоза. Эпически дни Хардина и Мэллоу прошли, а с ними в какой-то степени исчезли и безрассудная смелость, и мудрость решений...

*Галактическая
Энциклопедия*

Комната имела такое месторасположение, что непосвященный человек ни за что бы

в нее не попал. Находились в ней четверо. Сначала они молча посмотрели друг на друга, потом — на стол, разделявший их. Там стояли четыре откупоренные бутылки, четыре стакана были налиты до краев. Но никто из присутствующих так и не решился выпить первым. Тот, что сидел к двери ближе других, забарабанил по столу кончиками пальцев и, явно нервничая, заговорил:

— Так и будем сидеть и молчать?.. Какая разница, кто начнет первым?!

— В таком случае, вы и говорите, — подхватил второй, самый высокий, сидевший как раз

напротив. — Вам следует волноваться больше других.

Сеннет Форелл — так звали первого — усмехнулся беззвучно и без тени юмора. Пальцы продолжали барабанную дробь:

— Это потому, что вы думаете, будто я самый богатый. Ну что же... А может быть, вы просто хотите, чтобы я продолжал в том же духе, как и начал. Надеюсь, вы не забыли, что это именно мои торговый флот захватил в плен их разведочный звездолет?

— У вас самый большой флот, — заговорил третий. — И лучшие пилоты; это значит, можно сказать по-другому, что вы самый

богатый. Но надо признать, что с вашей стороны это был отчаянный шаг. Вы действительно рисковали.

Сеннет Форелл снова
усмехнулся.

— В конце концов, самое главное в любом риске, чтобы он оправдывал себя. Да, я рисковал и мне повезло: вражеский корабль был изолирован и захвачен без потерь с нашей стороны и без того, чтобы об этом узнал неприятельский флот. Что же касается умения рисковать, — добавил он, — эту черту я унаследовал от отца.

Все Основание знало, что Форелл был незаконным сыном Хобера Мэллоу. И давно уже это

воспринималось как должное.

Четвертый, прежде чем заговорить, замигал своими маленькими глазками. А когда первые слова с трудом прошли сквозь его тонкие губы, показалось, будто кто-то невидимый помогает их выталкивать изо рта:

— Не понимаю, чему вы тут радуетесь? Братъ в плен маленькие корабли — еще больше разозлить этого молодого человека.

— Вы считаете, что он ищет повод для нападения? — скорбно спросил Форелл.

— Считаю. А после того что вы сделали, ему уже ничего не надо будет искать.

Четвертый говорил очень медленно:

— Хобер Мэллоу поступал не так. И Сальвор Хардин. Они ждали, пока другие применяют силу, а сами маневрировали спокойно и уверенно.

Форелл пожал плечами.

— Захват звездолета оправдал себя. Мы продали его с выгодой.

Он говорил тоном прирожденного торговца. Спустя минуту он продолжил:

— Этот молодой человек из старой Империи.

— Но мы об этом знали, — возразил второй громким и недовольным тоном.

— Мы не знали, а только

подозревали, — мягко заметил Форелл. — Если богатый гражданин прибывает к нам со множеством кораблей, предлагает дружбу и хочет завязать с нами торговые отношения, разумнее ни в чем не противоречить ему, пока мы не будем уверены, что он просто нацепил свою респектабельную маску для каких-то своих целей. Но теперь...

Легкая хрипота слышалась в голосе третьего, который сейчас же заговорил:

— Нам следовало быть более осторожными: сначала выяснить что к чему, прежде чем позволить ему улететь.

— Этот план уже обсуждался, и

мы от него отказались, — свой ответ Форелл подкрепил движением руки, которое означало, что вопрос решен окончательно.

— Правительство поступает слишком мягко, — пожаловался третий. — Наш мэр — просто идиот.

Четвертый оглядел остальных по очереди, вынул окурок сигареты изо рта, небрежно уронил его в щель справа от кресла, и окурок исчез во вспышке пламени. С достаточной долей иронии он произнес:

— Я думаю, что слова последнего оратора были сказаны просто в силу привычки. Между собой нам нечего притворяться: правительство — это мы.

По комнате пронесся шепоток одобрения.

Четвертый продолжил:

— Так что давайте не будем говорить о политике правительства. А молодой человек... незнакомец, мог стать возможным заказчиком. Такие случаи, вы сами знаете, бывали. Но все вы втроем пытались умаслить его подписать контракт. У нас ведь было соглашение — джентльменское, между прочим, — по этому поводу, но вы все равно пытались.

— Так же, как и вы, — не выдержал второй.

— Я это знаю и без вас, — четвертый казался спокойнее

ОСТАЛЬНЫХ.

— Тогда давайте забудем, чем вы занимались раньше, — нетерпеливо прервал Форелл, — и поговорим с другом: что нам предстоит. Мы не знаем его намерений, и в любом случае — убей мы его или посади в тюрьму — нас ожидает полная неизвестность. Сейчас мы не сможем победить Империю, даже если покончим с этим человеком. А вдруг, если он не вернется, на нас нападет весь имперский космический флот.

— Конечно, вы правы, — одобрил его речь четвертый, — но меня интересует другое: какие сведения вы получили с захваченного

звездолета? Я слишком стар, чтобы заниматься пустой болтовней.

— Все можно сказать в двух словах, — ответил Форелл. — Он имперский генерал, или не знаю, как еще называется его титул. У молодого человека блестящие военные способности и довольно романтическая карьера. Так мне, по крайней мере, говорили. Словом, он образец для подражания. То, что о нем рассказывают, безусловно, наполовину выдумка, но даже если считать, что вторая половина правда, то он удивительный человек.

— А кто о нем рассказывает? — требовательно спросил второй.

— Команда захваченного нами

звездолета. Послушайте протоколы их допросов, заснятые на микро пленку. Они хранятся у меня в надежном месте. Но в основном я рассказал вам все.

— А вы уверены в том, что они говорят правду?

Форелл нахмурился:

— Я не кормил их пряниками, дорогой мой сэр. Их били сначала, создавали им стрессовые ситуации, доводили до безумия, а потом использовали детектор лжи. Они и заговорили. Думаю, им можно верить.

— В старину, — неожиданно не к месту сказал третий, — хватило бы самой простой психологии.

Психоанализ — вещь безболезненная, но зато обмануть совершенно невозможно.

— В старину многое умели, — сухо ответил Форелл. — А мы живем сейчас.

— Но, — вмешался в разговор четвертый, — что ему здесь надо было? — говорил он мягко, но настойчиво.

Форелл бросил на него быстрый взгляд.

— Вы что, считаете, что он посвящал в свои планы команду? Они не знают цели вторжения на Основание. И можете мне поверить, им нечего скрывать, уж об этом я постарался.

— Что дает нам...

— Что заставляет нас делать свои собственные заключения? — перебил Форелл.

Его пальцы выбивали нетерпеливую дробь на столе.

— Этот молодой человек, — главнокомандующий военными силами Империи. И тем не менее он выдавал себя за мелкого принца с какой-то дальней планеты периферии. Одно это заставляет подозревать его в неискренности. Вы только вдумайтесь, какая у него профессия?! И вспомните, что Империя уже однажды напала на нас во времена моего отца. Теперь все ясно? Да, в первый раз у них ничего

не вышло. И сомневаюсь, что после этого Империя испытывает к нам особо нежные чувства.

— Скажите, — осторожно сказал четвертый, — вы можете подтвердить фактами свои мысли?

Ровным голосом Форелл ответил:

— Я ничего не могу скрывать в подобном положении. С этих пор между нами не должно быть и тени торгового соперничества. Наше единство диктует необходимость.

— Неужели патриотизм?

В тонком голосе третьего слышались нотки иронии.

— Плевал я на патриотизм, — спокойно ответил Форелл. —

Неужели вы думаете, что я отдам хоть самый маленький прибор за будущее Второй Империи или рискну хоть одним своим делом, чтобы выправить этот путь. Как вы считаете, победа Империи поможет нашему делу? Если Империя выиграет, боюсь, что мы с вами не заработаем и ломаного гроша за всю свою жизнь, а они набросятся на нас, как воронье на падаль.

— А падаль — это мы, — сухо добавил четвертый.

Второй внезапно вмешался в разговор и заерзал на своем кресле, так что оно закрипело:

— К чему вообще говорить?! Империя не может выиграть войну?

Сам Сэлдон заверил нас, что в конце концов возникнет Вторая Империя. Это просто еще один кризис. Их было у нас три.

— Просто еще один кризис, да? — Форелл задумался.

— Но в первых двух нас направлял Сальвор Хардин, третий решил Хобер Мэллоу. А кто у нас сейчас?

Форелл хмуро оглядел своих собеседников и продолжал:

— Психоисторические законы Сэлдона, на которые так удобно ссылаться, подразумевают естественную активность со стороны самих жителей Основания. Законы Сэлдона помогают тем, кто сам себе

помогает.

— Человек должен быть хозяином положения, — сказал третий. — Вспомните поговорку.

— На это нельзя рассчитывать, потому что полных гарантий не существует, — резко бросил Форелл. — Мне кажется, что если это четвертый кризис, значит, Сэлдон его предвидел и будущее покажет, насколько он прав.

— В настоящий момент Империя сильнее, чем мы, и так было всегда. Но впервые мы находимся под непосредственной угрозой ее нападения, и это неприятно. Но если мы сможем победить, то, как и в остальных

кризисах, не тем, чтобы отвечать силой на силу. Мы должны обнаружить слабое место врага и напасть именно там.

— И какое ее слабое место? — спросил четвертый. — Или вы хотите сначала создать целую теорию?

— Нет. Я не об этом. Наши великие деятели прошлого всегда видели слабые струнки у врага и действовали именно там. Но сейчас...

В его голосе прозвучала безнадежность, и на мгновение никто не решился прервать затянувшуюся паузу.

Наконец четвертый заговорил тяжело, но, как всегда, продуманно:

— Нам нужны разведчики.

Форелл быстро повернулся к нему.

— Верно. Неизвестно, когда Империя нападет на нас. Может, у нас еще есть время.

— Хобер Мэллоу самолично отправился в имперскую провинцию, — вспомнил второй.

Но Форелл покачал головой.

— Этого нам делать нельзя. Мы уже не молоды и по горло заняты торговыми проблемами и административными делами. Нужны молодые люди, которые ничего не боятся.

— Свободные торговцы? — спросил четвертый.

Форелл кивнул головой и
прошептал:

— Если еще не поздно...

3. Мертвая рука

Бель Риоз прервал свои стремительные хождения по комнате и с надеждой посмотрел на вошедшего помощника.

— Какие-нибудь новости со «Звездочки»?

— Нет. Поисковая партия прочесала весь квадрат космического пространства и ничего не обнаружила. Командир Юм доложил, что флот готов к немедленной атаке и все команды мечтают только о мести.

Генерал покачал головой.

— Нет, мы не будем мстить за патрульный корабль. Пока не будем.

Прикажите ему удвоить... Хотя подождите, я сам отдам приказ. Закодируйте и отправьте указания передатчиком.

Он говорил и одновременно писал, потом отдал листок ожидавшему офицеру.

— Сивеннец еще не прибыл?

— Нет, сэр.

— Проследите, чтобы его доставили ко мне, как только он появится.

Офицер резко отсалютовал и вышел из комнаты. Риоз вновь начал мерить ее шагами. Когда дверь открылась во второй раз, на пороге стоял Дучем Бар. Медленно, подталкиваемый офицером, он вошел

в комнату с высоким потолком, на котором была выложена стереоскопическая модель Галактики. Бель Риоз вышел навстречу, он был в военной походной форме.

— А, патриций, добрый день!

Генерал подтолкнул ногой стул, сделал знак офицеру и приказал:

— Дверь этой комнаты должна оставаться закрытой до тех пор, пока я ее сам не открою.

Он остановился перед сивеннцем, расставив ноги и заложив руки за спину, и начал медленно раскачиваться на носках назад и вперед.

Затем вдруг резко спросил:

— Скажи, патриций, ты верен нашему императору?

Бар, который до сих пор хранил беспристрастное молчание, слегка приподнял одну бровь:

— У меня нет никаких причин любить правление нынешнего императора.

— По крайней мере, ответ правдивый и показывает, что вы еще далеки от того, чтобы стать предателем.

— Верно. Но не быть предателем — еще не значит стать помощником.

— Тоже верно. Но ваш отказ помочь нам сейчас, — нарочито медленно проговорил Риоз, — будет

рассмотрен как предательство. И нам придется вас наказать.

Бар нахмурил брови.

— Оставьте свои угрозы для подчиненных. Вполне достаточно, если вы мне просто скажете, что вам нужно?

Риоз уселся в кресло и скрестил ноги.

— Бар, мы уже говорили об этом полгода назад.

— О волшебниках?

— Да. Вы помните, что я собирался сделать?

Бар кивнул головой. Руки его спокойно лежали на коленях.

— Вы собирались отправиться на их поиски и отсутствовали все эти

четыре месяца. Вы их нашли?

— Нашел? Это уже точно! — вскричал Риоз. Губы его побелели, он еле сдерживал свое нетерпение.

— Патриций, они не волшебники, они дьяволы. В это так же трудно поверить, как в космическое облако. Вы только представьте себе! Этот мир размером с носовой платок или ноготь, с крохотными ресурсами, малюсенькой энергией, микроскопическим населением — хуже, чем самая захудалая провинция Черных Звезд. И вместе с тем, его народ, такой гордый и властолюбивый, спокойно и уверенно мечтает об управлении

целой Галактикой. Эти люди настолько уверены в себе, что даже не торопятся. Они идут вперед медленно и флегматично, говорят о необходимых им столетиях. Они лениво и спокойно завоевывают все новые и новые миры и целые звездные системы.

— О, к тому же они преуспевают. Никого нет, чтобы остановить их. Они создали мерзкое торговое сообщество, которое протянуло свои щупальца дальше, чем могут дотянуться их крошечные звездолеты. Торговцы, как они себя называют, завоевывают все новые и новые пространства.

Дучем Бар перебил этот поток

сердитых слов:

— Скажите, чего больше в ваших словах: точной информации или ярости?

У солдата перехватило дыхание, но он справился с собой и заговорил спокойно:

— Моя ярость не ослепляет меня. Говорю вам, я побывал в мирах ближе к Сивенне, чем к Основанию, на которых об Империи говорят как о далеком мифе, а о торговцах — как о существующей реальности. Нас самих приняли ошибочно за торговцев.

— И вам прямо сказали на Основании, что они собираются захватить господство над целой

Галактикой?

— Прямо сказали!?

Риоз вновь вспыхнул:

— При чем здесь сказали или нет? Естественно, их администрация ничего такого не говорила. Мы обсуждали только торговые операции. Но я разговаривал с простыми людьми, знаю, что думают о так называемом их «манифесте». Они спокойно ожидают великого будущего. Эти мысли невозможно спрятать, а свою вселенскую уверенность они и не пытаются скрыть.

На лице сивеннца проскользнуло явное удовлетворение.

— Вы хотите сказать, что об

этом я и говорил полгода назад?

— Несомненно, — саркастически ответил Риоз. — Я отдаю должное вашим научным изысканиям. Ваши аналитические способности так приятно подтвердили, что Империи угрожает все большая и большая опасность.

Бар безразлично пожал плечами, и Риоз, внезапно наклонившись вперед, схватил старика за плечи и с любопытством заглянул ему в глаза.

— Не надо так, патриций, бросьте, — Бель Риоз заговорил снова. — Я не испытываю никакого желания поступать с вами подобно варвару. Лично для меня наследственная неприязнь Сивенны

к императору — тяжелая ноша, очень хотелось бы избавить вас от нее. Но, как военный, я не имею права вмешиваться в гражданские дела. Ведь меня могут отозвать, и тогда я вообще не принесу никакой пользы. Вы это понимаете? Мне кажется — да. Патриций, я готов все забыть и честно признаю, что вы правы. Пускай это будет вашей местью за зверства сорокалетней давности. Мне необходима ваша помощь, и я на все согласен.

В голосе молодого человека прозвучал страстный призыв, но Дучем Бар медленно и непреклонно покачал головой.

— Ну как же ты не понимаешь,

патриций? — умоляюще сказал Риоз. — Мне трудно вести спор на научной основе, потому что я не ученый и это не моя область. Но я уверен только в одном: что бы ни подумали об Империи, никто не сможет отрицать ее пользы. Да, ее вооруженный флот совершал отдельные преступления. Но в основном она была оружием мира и цивилизации. А благодаря имперскому космическому флоту Империя властвовала над Галактикой две тысячи лет. Сравнить только: два тысячелетия мира под знаком звездолета и солнца и столько же лет межзвездной анархии, им предшествовавшей. Подумайте о

многочисленных разорительных войнах, которые тогда происходили, и скажите: разве не стоит сохранить Империю, несмотря на все ее недостатки?

— Подумайте, — страстно продолжал он, — во что превратилась периферия Галактики после того, как она откололась и получила независимость, и скажите же: неужели из-за чувств мелкой мести вы будете спокойно смотреть, как Сивенна переходит из-под власти и защиты мощного флота Империи под влияние какого-то мирка в варварской Галактике, обманывающегося временной независимостью и купающегося в

собственном ничтожестве?

— Неужели все так плохо? — прошептал сивеннец.

— Нет, — признался Риоз, — нам с вами ничего не грозит, даже если и проживем вчетверо дольше, чем нам отпущено. Но я сражаюсь за Империю и ее военные традиции, близкие лично мне, но которых, к сожалению, я не могу внушить вам. Да, я служу именно этим военным традициям, основанным на императорской власти.

— Вы говорите загадками, а для меня это всегда было слабым местом.

— Неважно. Вы прекрасно понимаете, какую опасность несет в

себе Основание.

— Но на эту самую опасность я уже указывал вам, когда вы прилетали на Сивенну:

— Тогда вы, как никто другой, должны понимать, что ее надо уничтожить в зародыше. И здесь без вашей помощи не обойтись, ведь вы знали об Основании прежде, чем кто-либо услышал о нем, и сейчас знаете гораздо больше других. В таком случае, кому еще, как не вам, построить план атаки и предупредить меня о возможных с их стороны контрмерах. Вы слышите меня, патриций, давайте будем друзьями!

Дучем Бар поднялся на ноги.

Ровным голосом ответил:

— Та помощь, которую я вам могу предложить, ровным счетом ничего для вас не значит. А посему я освобождаю вас от нее, даже несмотря на столь энергичные требования.

— Мне виднее: значит ваша помощь что-нибудь или нет.

— Послушайте, я говорю серьезно. Даже вся мощь Империи не в состоянии сокрушить этот пигмейский мирок.

— Почему?!

Глаза Бель Риоза страстно засверкали.

— Патриций, прошу вас, сядьте на место. Я скажу, когда вам можно

будет идти. В чем же дело? Если вы считаете, что я недооцениваю врага, то ошибаетесь...

Дальше он заговорил, понимая, что вынужден быть более откровенным:

— На обратном пути я потерял один из своих звездолетов. Доказательств, что он попал в руки Основания, нет, но мы не можем найти его до сих пор, а если бы произошел просто несчастный случай, звездолет, несомненно, был бы обнаружен на обратном пути. Это незначительная потеря, менее чем десятая часть одного эскадрона. Главное в другом: Основание готово к военным действиям, а это значит,

что у них есть тайные силы, неизвестные мне. Помогите, ответив всего на один вопрос: какой их военный потенциал?

— Понятия не имею.

— В таком случае извольте объяснить. Что вы имели в виду, когда говорили, что Империя не может победить такого ничтожного врага?

Сивеннец вновь уселся в кресло и отвел глаза от пристального взора Риоза. Он устало заговорил:

— Потому что я непреклонно верю в принципы психоистории. Эта странная наука достигла математической зрелости только при одном человеке — Хари Сэлдоне —

и умерла вместе с ним, потому что после него никто не был в состоянии оперировать всеми его сложными математическими выкладками. Но даже за короткий период времени психоистория показала, что это наиболее могущественная наука, когда-либо изобретенная для изучения человечества. Не пытаясь предопределять действия отдельных личностей, она формулировала определенные математические законы, по которым развивались человеческие массы.

— Значит...

— Именно науку психоисторию Сэлдон и его последователи и применили при закладке Основания.

Время, место и условия были выбраны математически так, чтобы все привело к развитию Второй Галактической Империи.

Голос Риоза задрожал от возмущения:

— Вы думаете: можно было предсказать, будто я нападую на Основание, выиграю такую-то и такую-то битвы по той-то и той-то причине? Вы пытаетесь внушить мне, что я глупый робот, который следует по заранее намеченному курсу к своему разрушению?

— Нет, — резко ответил патриций. — Я уже сказал вам, что наука эта не имеет ничего общего с индивидуальными действиями. Было

просчитано куда более обширное будущее.

— Значит, мы с вами зажаты в твердой руке ее величества исторической необходимости?

— Психоисторической необходимости, — мягко поправил Бар.

— А если я воспользуюсь своей прерогативой свободной воли? Если я решу напасть через год или вообще не буду нападать? Насколько уступчива богиня? Или насколько изобретательна?

Бар пожал плечами.

— Нападайте сейчас или никогда, одним звездолетом или всем флотом Империи, военной силой или

экономическим нажимом, простым объявлением войны или из засады. Делайте все, что хотите или что вам подсказывает свободная воля. Но все равно вы проиграете.

— Согласно мановению мертвой руки Хари Сэлдона?

— Согласно математическим законам человеческого поведения, которые нельзя ни остановить, ни изменить, ни нарушить.

Они долго смотрели друг другу прямо в глаза, пока генерал не сделал шага назад. Он просто сказал:

— Я принимаю вызов. Пусть будет мертвая рука против живой воли.

4. Император

Калеона II в народе называли Великим. Последний сильный император Первой Империи, он очень важен с точки зрения наступившего политического и художественного ренессанса, который имел место в течение его долгого правления. Истории он, правда, больше известен как Правитель времен Бель Риоза, и в простонародье его обычно так и называли: император Риоза. Очень важно не путать последний год его правления с тем добром, которое он принес за предшествующие сорок лет...

Галактическая Энциклопедия

Калеон II был властелином Вселенной. Он же страдал какой-то неизвестной и очень тяжелой болезнью. Из-за странных поворотов, случающихся в человеческой жизни, эти два предыдущих утверждения вовсе не исключают друг друга и даже не мешают один другому. История знает еще и не такое.

Но Калеону II была безразлична история. Проведение подобных сравнений не уменьшило бы его страданий ни на йоту. Точнее, его так же мало утешало, что его дед правил только одной, и то пиратски захваченной, маленькой планеткой, а

сам он спал во Дворце Наслаждений Амменетека Великого, став наследником линии галактических правителей, уходящей своими корнями в невообразимое далекое прошлое. В настоящее время его не утешало даже то, что усилия его отца освободили Империю от всяческих восстаний и выступлений и восстановили мир и единство, которыми она наслаждалась при Станнеле VI, в результате чего за 25 лет правления даже облачко революций не затемняло ее сверкающий горизонт.

Император Галактики и ее властелин хныкал, катая голову по подушке. На какой-то момент боль

утихла, и Калеон расслабился. Он с трудом уселся на постели и уставился на противоположную стену своей огромной спальни.

Лучше быть одному в течение этих долгих приступов, чем выносить толпу льстецов, их соболезнования, их вкрадчивую утомляющую скуку. Лучше быть одному, чем смотреть в эти выжидающие глаза, маски вместо лиц, а ведь именно они решают, кому быть изгнанным, а кому возвыситься. Мысли торопливо перебивали одна другую в его голове. У него было три сына, три многообещающих молодца, полных всяческих добродетелей. Куда же они исчезли в эти ненастные

дни? Ждут его смерти? Шпионят друг за другом, и все вместе шпионят за ним? Он тревожно заерзал в постели. А теперь еще Бродрих требует аудиенции. Верный Бродрих, хоть и плебей, верный, потому что его ненавидели жгучей ненавистью абсолютно все клики, — эти раздробленные многочисленные группки придворных вместо единого двора. Да, чувство ненависти было единственным, что их связывало.

Бродрих — преданный фаворит, который должен быть таковым, потому что в ином случае у него никогда не было бы самого быстроходного звездолета во всей Галактике и он окончил бы свои дни

в атомной камере уже на следующий день после смерти императора.

Калеон дотронулся до полированной рукоятки на подлокотнике своего огромного дивана, и массивная дверь на другом конце комнаты растворилась в воздухе и стала прозрачной.

Бродрих приблизился по малиновому ковру и, преклонив колено, поцеловал безжизненную руку императора.

— Ваше здоровье, сир? — спросил личный секретарь. В его голосе чувствовалось волнение.

— Я живу, — слабо ответил император, — если это можно назвать жизнью. Каждый негодяй,

умеющий читать медицинские книги, использует меня для своих идиотских опытов. Если и есть хоть одно лекарство химическое, физическое и атомное, которое на мне еще не испробовали, то можешь не сомневаться: тут же прискачет какой-нибудь лекаришко из другого конца Галактики, чтобы всучить его мне. И тут же покажет мне заново открытую медицинскую книгу, скорее всего подделку, в доказательство своей теории.

Клянусь памятью своего отца, — все более распаляясь, продолжал он. — По-моему, не осталось ни одного стоящего врача, который мог бы, исследовав меня, сказать

наконец, что же со мной. Все они ссылаются на какие-то старинные авторитеты, и ни один не может даже измерить пульса. Я болен, а они говорят, что болезнь неизвестна. Кретины! Если за тысячу лет в человеческом теле появилась какая-то новая болезнь, то при чем тут труды древних? Как они могли ее раскрыть или, тем более, придумать лечение? Лучше бы эти древние жили сейчас или я жил раньше.

Император закончил свою речь ругательством и выдохся. Бродрих терпеливо ждал. Наконец Калеон II сварливо сказал:

— Много там людей?

Он мотнул головой в сторону

дверей.

Бродрих спокойно ответил:

— В приемной обычное количество людей.

— Ну и пусть подождут. Меня занимают государственные дела. Пусть капитан Гвардии так и объявит. Или подожди, к черту государственные дела. Пусть лучше объявит, что я не даю аудиенции, и разбирается сам. Если среди придворных есть шакалы, они себя выдадут.

Император с отвращением хмыкнул.

— Ходит слух, сир, — гладко продолжал Бродрих, — что у вас не в порядке с сердцем.

Улыбка императора мало чем отличалась от предыдущего хмыканья:

— Если кто-то решится на действия, исходя из этого слуха, ему будет куда хуже, чем мне. Но теперь скажи, что ты сейчас считаешь самым важным?

Повинуясь жесту императора, Бродрих поднялся с колен и произнес:

— Это касается генерала Бель Риоза, военного губернатора Сивенны.

— Риоз?

Калеон II недовольно нахмурился.

— Я его не помню. Подожди,

это не тот самый, который прислал какое-то донкихотское послание несколько месяцев тому назад? Да, теперь припоминаю. Он просил разрешения начать победное завоевание во славу Империи и императора.

— Так точно, сир.

Император коротко рассмеялся.

— Можно ли было подумать, что у меня еще остались такие генералы, Бродрих? Любопытный атавизм. И каков был ответ? По-моему, ты занимался этим делом?

— Да, сир. Ему было велено прислать дополнительную информацию и не предпринимать никаких военных действий без

приказа императора.

— Гм-м. Вполне безопасно...
Но кто этот Риоз? Он был при дворе?

Бродрих кивнул головой, и его губы чуть искривились.

— Он начал свою карьеру десять лет назад в гвардии Вашего Величества. Он принимал небольшое участие в деле Лемура Кластера.

— Лемура Кластера? Ты знаешь, моя память мне изменяет что-то... Это не тогда, когда молодой солдат спас два звездолета от взрыва? Но... — он нетерпеливо махнул рукой. — Я не помню подробностей... нечто слишком героическое.

— Риоз и есть тот самый

молодой солдат, — сухо ответил Бродрих. — Тогда же его назначили капитаном звездолета.

— А сейчас военный губернатор пограничной провинции! И в его-то годы! Способный человек, Бродрих!

— Небезопасный, сир. Он живет прошлым и мифами о тех временах. Таких людей обычно считают дураками, и безвредны они, если удалены достаточно далеко. Кстати, подчиненные, — добавил он, — находятся, насколько я понимаю, под полным его контролем. Он один из *ПОПУЛЯРНЫХ ГЕНЕРАЛОВ*.

— Вот как, — мечтательно сказал император. — Ну что же, Бродрих, я не желаю, чтобы мне

служили одни бездари. Тем более что о преданности их и говорить не приходится.

— Бездарный подданный не представляет опасности. За человеком способным всегда следует наблюдать.

Калеон II рассмеялся, но тут же скорчился от боли.

— Ты относишься к последним, Бродрих? Ладно, не будем об этом. Что нового прислал нам этот молодой завоеватель? Надеюсь, ты явился сегодня не только ради воспоминаний?

— От генерала Риоза получено еще одно сообщение, сир.

— О! И о чем же?

— Он обнаружил, где находятся варвары, и предлагает военную кампанию. Его объяснения длинны и слегка утомительны. Не стоит раздражать ваше императорское величество сейчас, когда вы еще не так хорошо себя чувствуете. Тем более что дело все равно будет рассмотрено на сессии Совета лордов.

Он искоса взглянул на императора. Калеон II нахмурился.

— Лорды? Но разве это их дело? А потом все закончится дальнейшими требованиями более широкого толкования Хартии.

— Ничего не поделаешь, сир. Конечно, лучше было бы, если бы

ваш августейший отец подавил последнее восстание, не подписывая Хартии. Но раз уж это случилось, придется потерпеть временно.

— Ты прав, ничего не поделаешь. Пусть будут лорды. Но скажи, к чему вся эта торжественность? В конце концов, это не такое уж и важное дело.

Бродрих чуть растянул губы в улыбке. Он хладнокровно ответил:

— Это дело романтического идиота, но даже романтический идиот может стать смертоносным оружием в руках неромантического повстанца, который его использует. Сир, этот человек был популярен здесь и не менее популярен там.

Если он аннексирует одну-две беспомощные варварские планетки, он станет завоевателем. А молодой завоеватель, доказавший свои способности, может вызвать энтузиазм пилотов, рабочих, торговцев и прочей черни, следовательно, он опасен. Даже если у него нет и ни малейшего желания сделать то, что сделал ваш августейший отец с узурпатором Ривером, всегда найдется какой-нибудь преданный родовитый лорд, который использует его как оружие.

Калеон II нетерпеливо дернул рукой и застыл от боли. Он медленно расслабился, но улыбка его была вялой, а голос тихим.

— Я очень ценю тебя, подданный Бродрих. Ты всегда подозреваешь больше, чем необходимо, и достаточно принять всего половину предлагаемых тобой мер предосторожности, чтобы быть в полной безопасности. Мы отдадим дело, в Совет лордов. И посмотрим, что они скажут. Насколько я понимаю, молодой человек еще не предпринял никаких враждебных действий?

— В его донесении ничего такого нет. Но он уже требует подкреплений.

— Подкреплений!?! — глаза императора широко раскрылись от удивления. — Какими силами он

располагает?

— Десять боевых кораблей, сир, с полным комплектом разведочных звездолетов. На двух кораблях стоят атомные двигатели от старого Великого флота Империи. Остальные корабли не новые, изготовлены последние пятьдесят лет назад. Но все они вполне пригодны.

— Десяти кораблей, по-моему, достаточно для любого самого рискованного завоевания. Да что и говорить, у моего отца их было куда меньше, когда он одержал свои первые победы над узурпатором. Но кто эти варвары, с которыми он собирается биться?

Личный секретарь поднял свои

высокомерные брови.

— Он пишет о каком-то Основании.

— Основание? Что это такое?

— У нас оно нигде не зарегистрировано, сир. Я перерыл все архивы. Упоминаемая им площадь — это старинная провинция Анакреон, в которой вот уже 200 лет царит анархия. Однако в этой провинции нигде не упоминается планета Основание. Есть небольшая ссылка на группу ученых, посланных туда перед тем как провинция вышла из-под вашей протекции. Эти ученые должны были подготовить к выходу в свет Галактическую Энциклопедию.

Он слегка улыбнулся.

— Они как раз и называли ее Энциклопедией Основания.

— Ну и что же? — император сдвинул брови и задумался. — Это уже ниточка клубочка, который можно размотать, — добавил он через минуту.

— Я не собираюсь его разматывать, сир. После того как в этом районе наступила анархия, мы не получили ни одного сообщения о посланных туда отличных ученых. Если их потомки еще и живы, то, вне всякого сомнения, стали такими же варварами, как и все остальные.

— Итак, он требует подкреплений?

Император бросил недовольный

взгляд на своего серьезного секретаря.

— Это очень странно. Иметь десять больших звездолетов для войны с дикарями и требовать еще, когда война не началась. Мне кажется, что я сейчас припоминаю этого Риоза: такой красивый мальчик из преданной нам семьи. Бродрих, тут есть какие-то осложнения, которых я что-то не понимаю. Может быть, это более важно, чем кажется с первого взгляда.

Его пальцы лениво перебирали сверкающую белизной простыню.

— Мне нужен там свой человек, — сказал он. — Человек преданный, умный и с хорошими

зоркими глазами. Бродрих...

Секретарь склонил покорную голову.

— А звездолеты, сир?

— Пока еще нет.

Император слегка застонал, пытаясь переменить свое положение. Он поднял вверх ослабевший палец.

— Не раньше, чем мы будем знать больше. Советую вам собрать на этой неделе Совет лордов. Заодно представится хорошая возможность для ограничений. И пусть ПОПРОБУЮТ возражать, если им недорого жизнь.

Он склонил свою больную голову на силовое поле подушки.

— А теперь иди, Бродрих, и

пришли ко мне доктора. Он самый
ярый болтун на свете.

5. Война начинается

Взяв за свою отправную точку Сивенну, имперские силы осторожно вступили в неизведанные черные просторы периферии. Гигантские звездолеты преодолели обширное пространство, отделяющее далекие звезды Галактики, и осторожно приблизились к дальней границе, которая находилась под влиянием Основания. Планеты, начавшие новую жизнь двести лет назад, вновь ощутили веяние имперской власти на своей земле. Под дулами вражеских пушек, нацеленных на столицы миров, вновь была выражена полная покорность императору.

Повсюду были оставлены гарнизоны людей в имперской военной форме со знаком звездолета и солнца на погонах. Старики обратили на это внимание и вспомнили давно забытые старые легенды, передаваемые прадедами из уст в уста о тех временах, когда Вселенная была богатой и мирной и эта самая эмблема звездолета и солнца правила всем.

А затем гигантские звездолеты продвинулись еще дальше вперед, ближе к Основанию, оставляя за собой свои базы. И с каждой новой захваченной планетой, согласно ранее намеченному плану Риоза, отчеты посылались ему в Главный

штаб, который он организовал на скалистой и безжизненной планете, не имеющей солнца.

В настоящее время Бель Риоз сидел, полностью расслабившись, и улыбался Дучему Бару.

— Итак, что вы думаете, патриций?

— Я? Какую ценность могут представлять мои мысли? Ведь я не военный.

Брезгливым взглядом он окинул высеченную в скале комнатку с искусственным воздухом, светом и теплом, напоминавшими о жизни среди пустоты холодного мира.

— За ту помощь, которую я могу вам оказать, — пробормотал он, —

или захочу оказать, вы должны вернуть меня на Сивенну.

— Пока еще нет.

Генерал повернулся вместе с креслом в углу, в котором помещалась сверкающая прозрачная сфера с картой старой имперской провинции Анакреон и окружающих ее секторов.

— Позже, когда все кончится, вы вернетесь к своим книгам, и не только к ним. Я прослежу за тем, чтобы конфискованные у вас поместья были возвращены на вечное пользование вам и вашим детям.

— Благодарю, — не скрывая иронии, ответил Бар. — Но у меня нет вашей веры в благополучный

исход этого дела.

Риоз хрипло рассмеялся.

— Только не начинайте снова пророчествовать. Эта карта говорит громче, чем все ваши зубодробительные заумные истории.

Он ласково погладил прозрачную сферу рукой.

— Вы умеете читать карту в радиальной проекции? Должны уметь. Вот, смотрите сами. Звезды в золотом кружке — это имперские владения. Красные звезды находятся под непосредственным влиянием Основания, а розовые — те, на которые распространилось его влияние. А теперь смотрите...

Пальцы Риоза обхватили

круглую рукоятку, и медленно белые точки стали голубыми. Они напоминали перевернутую чашу, которая накрывала розовые и красные звезды.

— Эти голубые звездочки уже захвачены мной, — когда Риоз говорил казалось, жажда мести его была наконец удовлетворена.

Он продолжил:

— И их все больше. Мы нигде не встретили сопротивления. Варвары ведут себя тихо. И со стороны самого Основания нет сопротивления. Они...

— Вы слишком сильно рассредоточили свои небольшие силы, верно? — спросил Бар.

— По правде говоря, — ответил Риоз, — такое впечатление только кажущееся. Ключевые пункты, на которых приходится оставлять гарнизоны и всячески их укреплять, довольно немногочисленны, но они тщательно выбраны. В итоге малыми силами достигнут большой стратегический результат. В таком расположении колоссальное количество преимуществ, куда больше, чем покажется любому, не изучавшему стратегию и тактику космической войны. Зато каждому очевиден тот факт, что я могу произвести нападение с любой точки замкнутой сферы. И когда буду полностью готов, Основание не

сможет атаковать меня ни с флангов, ни в лоб: по отношению к ним у меня просто не будет ни флангов, ни тыла. Эта старая стратегия предварительного окружения была испытана с успехом в кампаниях Лориса IV примерно две тысячи лет тому назад, хотя она и была не совсем совершенной, так как враг всегда пытался ей помешать. Сейчас все по-другому.

— Прямо как по книге! — голос Бара был спокоен и безразличен.

Риоз нетерпеливо дернулся.

— Вы что, все еще думаете, что я проиграю?

— Это должно произойти.

— Вы отдаете себе отчет в том,

что во всей военной истории не было случая, когда при полном окружении атакующие силы проигрывали бы войны, за исключением, конечно, того, что это окружение прорывалось звездолетами снаружи?

— Если вы так говорите...

— И вы все еще считаете себя правым?

— Да.

Риоз пожал плечами.

— Ну что же, продолжайте считать.

Бар сердито молчал несколько секунд, потом спокойно ответил:

— Вы получили ответ от императора?

Риоз достал сигарету из

стенного шкафа у себя над головой, сунул ее фильтром в рот и осторожно раскурил.

— Вы имеете в виду мою просьбу о подкреплениях? — спросил он. — Ответ пришел и не больше, просто ответ.

— А звездолетов нет?

— Нет, этого я и ожидал. Честно говоря, патриций, мне не следовало пугаться ваших теорий и просить подкреплений. Это выставляет меня в неприглядном свете.

— Вот как?

— Несомненно. Каждый звездолет на счету. Гражданские войны последних двух столетий уничтожили больше половины

Великого флота, а то, что осталось, в довольно плачевном состоянии. Вы прекрасно знаете цену кораблям, которые мы строим сейчас. Мне кажется, что во всей Галактике не осталось ни одного человека, который мог бы изготовить первоклассный гиператомный двигатель.

— Это я знаю, — согласно кивнул сивеннец.

Глаза его были задумчивы и непроницаемы. Он продолжил:

— Но я не думал, что и вы это ЗНАЕТЕ. Так его императорское величество не не хочет, а не может выделить звездолеты. Психоистория могла предвидеть это, да наверняка

так и сделала. Я бы сказал что мертвая рука Хари Сэлдона выигрывает первый раунд.

— У меня хватает кораблей, — резко ответил Риоз. — Ваш Сэлдон ничего не выигрывает. Если положение окажется более серьезным, то тогда появятся и новые звездолеты. А до сих пор император еще и не знает всего.

— Вот как? А что же вы ему сказали?

— О ваших теориях — ничего.

Губы Риоза скривились в саркастической улыбке.

— Как я вас ни уважаю, но то, о чем вы говорите, просто невероятно. Если события как-то предупредят

меня, если я получу хоть малейшее доказательство — только тогда пошлю сообщение о грозящей опасности.

— И к тому же, — продолжал Риоз небрежно, — сообщение, не подтвержденное фактом, будет рассматриваться как оскорбление, что вовсе не понравится его императорскому величеству.

Старый патриций улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что вашему сообщению об опасности для августейшего трона со стороны кучки варваров на периферии Галактики не поверят и, главное, не оценят. Значит, вы ничего оттуда не ждете?

— Ничего, если не считать

доверенного посланника.

— А зачем вам этот доверенный посол?

— Старый обычай. Прямой представитель короны обязан присутствовать при любой военной кампании, проводящейся по приказу правительства.

— Вот как? Почему?

— Это как символ того, что император лично присутствует при любой битве и ведет свои войска в атаку. К тому же такой человек выполняет роль соглядатая и присматривает за верноподданныческими чувствами генералов. Правда, в последнем они не всегда преуспевают.

— Вам это покажется неудобным, генерал. Я имею в виду лишнее начальство.

— Не сомневаюсь, — краска проступила на лице Риоза. — Но такому горю можно помочь...

Аппарат связи, вмонтированный в подлокотник кресла генерала, слегка покраснел, и в щель выскочило свернутое в трубку сообщение. Риоз развернул листок.

— Прекрасно! Наконец-то!

Бар вопросительно поднял брови.

— Видите ли, — сказал Риоз, — мы взяли в плен одного торговца, он жив, и звездолет совсем не поврежден.

— Да, я слышал об этом.

— Так вот, его привезли сюда ко мне и он будет здесь через минуту. Вы можете остаться, патриций. Я хочу, чтобы вы присутствовали при допросе. Честно говоря, для этого я вас сегодня и пригласил. Вы, может быть, заметите то, на что я просто не обращаю внимания.

Прозвучал сигнал, и дверь отворилась. На пороге стоял высокий бородатый мужчина, одетый в куртку из искусственной кожи с откинутым капюшоном. Руки ему не связали, и если он и заметил, что вокруг все были вооружены, то не подал вида. Он спокойно вошел в комнату и оценивающим взглядом окинул ее.

Потом приветствовал генерала легким взмахом руки и полупоклоном.

— Ваше имя? — резко спросил генерал.

— Латан Деверс.

Торговец заложил пальцы рук за свой широкий и безвкусный пояс.

— Вы здесь самый большой босс?

— А вы торговец с Основания?

— Совершенно верно. Но, послушайте, если вы здесь босс, скажите вашим людям, чтобы они не трогали груженный звездолет.

Генерал поднял свой взгляд и холодно оглядел пленника.

— Отвечайте на вопросы.

Приказываю здесь я.

— Хорошо. Я человек покладистый. Но один из ваших мальчиков уже проделал в своей груди дырку размером в два фута, сунув руку, куда не следует.

Риоз поднял глаза на лейтенанта охраны.

— Этот человек говорит правду? Но в вашем отчете, Франк, написано, что обошлось без человеческих жертв.

— Так и было, сэр, — отрапортовал лейтенант. — Но позже прошел слух, что на звездолете есть женщина, и мы начали все обыскивать. Никакой женщины не нашли, но обнаружили большое

количество самых разнообразных приборов и аппаратов. Пленный утверждает, что это его торговый груз. Когда один из моих солдат взял в руки какой-то прибор и стал его рассматривать, произошла вспышка, и солдат погиб.

Генерал повернулся к торговцу.

— На вашем звездолете есть атомная взрывчатка?

— Великая Галактика, конечно, нет. Зачем? Этот болван схватил атомное сверло другим концом и дал максимальное напряжение. Так сделать — все равно, что выстрелить себе в голову из нейтринного пистолета. Если бы пятеро солдат не сидело на моей груди, я бы

остановил его.

Риоз махнул рукой лейтенанту.

— Можете идти. Опечатайте захваченный корабль, чтобы никто в него не мог проникнуть. Садитесь, Деверс.

Торговец спокойно уселся в предложенное ему кресло. Он был достаточно хладнокровным человеком, чтобы смутиться под пристальным взглядом генерала и любопытным сивеннца.

— Вы разумный человек, Деверс, — сказал ему Риоз.

— Благодарю. На вас произвело такое впечатление мое лицо, или вы просто от меня чего-то хотите? Однако могу сказать вам, что я

хороший бизнесмен.

— Это почти одно и то же. Вы сдались в плен, хотя могли даром потратить наши боеприпасы на звездолетах и превратиться в электронную пыль. Продолжайте в том же духе, и я гарантирую вам свое хорошее отношение.

— Хорошие отношения я ценю больше всего на свете.

— Прекрасно. А я больше всего ценю, когда со мной добровольно сотрудничают.

Риоз улыбнулся и наклонился к уху Бара:

— Надеюсь, слово «ценить» значит именно то, что я имел в виду. Вы когда-нибудь слышали такой

варварский жаргон?

Деверс ответил очень благожелательным тоном:

— Хорошо, я вас понимаю. Но какого сотрудничества вы от меня ждете? По правде говоря, я даже не знаю, на каком свете я нахожусь.

Он огляделся вокруг и продолжил:

— Например, что это за планета? И зачем, собственно, я вам понадобился?

— Ах, да, я совсем забыл представиться, извините меня!

Риоз был в хорошем настроении.

— Этот джентльмен — Дучем Бар, патриций Империи. Я — Бель Риоз, пэр Империи и генерал

третьего ранга вооруженных сил его императорского величества.

У торговца чуть не отвалилась нижняя челюсть.

Затем он сказал:

— Империя? Вы хотите сказать, та самая Империя, которую мы проходили в школе? Ого! Забавно! Мне почему-то казалось, что ее больше не существует.

— Посмотрите вокруг себя, — хмуро посоветовал Риоз, — и вы убедитесь в обратном.

— Да, я мог бы и сам догадаться.

Латан Деверс задрал бороду в потолок.

— Какой колоссальный

звездолет взял меня в плен! Ни одно из королевств периферии не могло изготовить такого.

Он нахмурил брови.

— Но все-таки, что это за игра, босс? Или мне следует называть вас генералом?

— Эта игра называется войной.

— Империя против Основания, так?

— Да, именно так.

— Почему?

— Мне кажется, вы и сами знаете.

Торговец быстро окинул его взглядом и покачал головой.

Риоз дал ему некоторое время подумать, потом мягко спросил:

— Я все же уверен, что вы знаете почему.

— Жарко здесь, — пробормотал Латан Деверс и встал на ноги, чтобы скинуть с себя куртку с капюшоном. Затем он вновь спокойно уселся, вытянул вперед свои длинные ноги, окончательно разнежившись, решил продолжить разговор.

— Видите ли, вы ожидаете, будто я вскочу сейчас с криком и начну рвать на себе волосы?! А ведь мне ничего не стоит убить вас, вы не успеете и глазом моргнуть. И этот старикашка тоже не помешает.

— Но вы этого не сделаете, — убежденно сказал Риоз.

— Не сделаю, — добродушно

согласился Деверс. — Во-первых, если я вас убью, война все равно не остановится. Там, откуда вы прибыли, хватает генералов.

— Совершенно верно.

— Кроме того, я буду схвачен через несколько секунд после вашей смерти, а мне самому умирать не хочется. Ни быстро, ни медленно. Я не могу себе этого позволить, когда составляю какие-нибудь планы. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Я уже говорил, что вы разумный человек.

— Но мне все же хотелось выяснить одну вещь, босс. Что вы имели в виду, когда сказали, будто я знаю, почему вы на нас напали?

Ничего я не знаю и загадок никогда не любил.

— Да? А вы слышали когда-либо о Хари Сэлдоне?

— Нет. Я уже сказал, что не люблю загадок.

Риоз бросил быстрый взгляд на Дучема Бара, на лице которого промелькнула, как всегда, очень мягкая улыбка и быстро спряталась, и сразу же появилось выражение спокойно-созерцательное. От этого Риоза чуть не перекосило, и он сказал:

— Прекратите играть со мной, Деверс. Существует предание или историческая теория, называйте это, как хотите, мне все равно. Так вот,

ваше Основание в конечном итоге разовьется во Вторую Империю. Я в деталях знаю психоисторическую версию Хари Сэлдона по этому поводу. И о ваших агрессивных планах против Первой Империи тоже знаю.

— Вот как?

Деверс задумчиво кивнул головой.

— И кто вам все это сказал?

— Разве это имеет какое-то значение? — в голосе Риоза появились угрожающие нотки. — Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что знаете о Сэлдоновском Плане.

— Но если это басни...

— Не играйте словами, Деверс.

— И не думаю. Я разговариваю с вами абсолютно откровенно. Это действительно полубасня-полулегенда. Каждое слово имеет свое значение, никуда от этого не денешься. Да, я слышал все эти разговоры. Сэлдон, Вторая Империя и так далее. Эти сказки рассказывают детям перед сном. Мальчишки забираются ночью под одеяло и читают сэлдоновские детективы с фонариками. Но все это не для взрослых. По крайней мере, не для интеллигентных взрослых.

Глаза имперского генерала потемнели от злости.

— Ах, вот как! Вы совершенно напрасно мне лжете! Я был на вашей

планете Терминус. Я знаю
Основание. Я столкнулся с ним
лицом к лицу.

— И вы спрашиваете меня?
Меня, который не был там и двух
месяцев за последние десять лет! Вы
совершенно напрасно теряете время.
Но если вы так верите сказкам,
валяйте, начинайте вашу войну.

И тут впервые за все время
заговорил Бар:

— Вы так уверены, что
Основание выиграет эту войну?

Розовая краска медленно
покрыла лицо торговца, отчего
старый шрам на его виске сразу стал
бросаться в глаза, и он внимательно
посмотрел на патриция:

— Гм-м-м, молчаливый компаньон. Из чего вы вывели ЭТО заключение?

Риоз едва заметно кивнул Бару головой, и сивеннец тихим голосом продолжал:

— Потому что сама ВОЗМОЖНОСТЬ войны беспокоила бы вас. Ведь вы прекрасно должны понимать, что означает поражение и каковы будут последствия. Я это знаю. Однажды такое же случилось на моей планете и продолжается до сих пор.

Латан Деверс погладил бороду, перевел свой взгляд с патриция на Риоза и коротко рассмеялся.

— Он что, всегда так

разговаривает, босс?

Лицо торговца снова стало серьезным.

— Послушайте, что такое поражение? Я видел войны и знаю, чем они заканчиваются. Что с того, что к власти придет кто-то другой? Кого это волнует? Меня? Таких, как я?

Он упрямо покачал головой.

— Поймите же вы, — убежденно и искренне продолжал Деверс. — Любой планетой обычно управляют пять-шесть жирных болванов. Они гребут к себе все, что могут, но мне на это наплевать. А народ? Обычная толпа. Конечно, многих убьют, а остальные некоторое

время будут платить повышенные налоги. Но постепенно все образуется и станет на свои места. И опять все будет по-старому, только к власти придут новые пять-шесть человек.

У Дучема Бара гневно раздулись ноздри и вздулись вены на правой руке, но он ничего не сказал. Торговец смотрел прямо на патриция, стараясь заметить любое выражение его лица, малейшее движение с его стороны.

— Посудите сами, — снова заговорил Деверс. — Всю жизнь я провел в космосе со своим грошовым товаром и дурно пахнущим пивом из корабельных автоматов. Эти жирные бездельники, — тут он указал

большим пальцем назад, — сидят у себя дома и собирают налоги с меня и таких, как я. Теперь допустим, что это ВЫ — глава Основания. Без нас вам все равно не обойтись. Мы станем куда более важными и нужными, чем раньше, потому что вы прекрасно понимаете, каковы наши интересы. К тому же мы будем платить звонкой монетой. Думаю, с Империей можно заключить куда более выгодный договор. Да, я человек дела. И если это дело выгорит, то я обеими руками — за.

Воинственно задрав голову, он насмешливо стал смотреть на собеседников.

Несколько секунд ничто не

нарушало молчания, а потом в щель снова выскочило свернутое в трубку донесение. Генерал развернул листок, быстрым взглядом окинул отпечатанный текст и ловким движением включил телевизионные экраны.

— Приготовьте план расположения каждого звездолета. Помните о самообороне. Боевая готовность. Ждите дальнейших приказаний.

Риоз потянулся за шлемом и, наклонившись к Бару, прошептал ему на ухо:

— Оставляю этого человека на вас. Жду результатов. Помните, это война и она жестоко обходится с

неудачниками.

Он вышел из комнаты, отсалютовав обоим.

Латан Деверс поглядел ему вслед.

— Кажется, его все-таки заело. Что происходит?

— Очевидно, сражение, — угрюмо ответил Бар. — Основание решило дать свою первую битву. Пойдемте со мной.

В помещение прошло несколько вооруженных солдат. Они вели себя с должным уважением, но лица их были тверды. Деверс вслед за старым патрицием вышел из комнаты. Другая комната, в которую их привели, была меньших размеров и

выглядела почти пустой. Кроме двух кроватей, телеэкрана и душа, в ней ничего не было.

Солдаты вышли, а тяжелая дверь с грохотом закрылась за ними.

— А?

Деверс недовольно огляделся вокруг.

— Как в тюрьме.

— Все равно, — коротко ответил Бар.

Затем старый сивенец повернулся к торговцу спиной.

Тот раздраженно бросил:

— Что это за шутки, док?

— Никаких шуток. Просто вы находитесь в моем распоряжении, вот и все.

Торговец вытянулся во весь рост и быстро приблизился к Бару. Его огромное тело нависло над неподвижным патрицием.

— Да. Но вас посадили в эту камеру вместе со мной, и когда мы шли по коридору, пистолеты так же были нацелены на вас, как и на меня. А когда я заговорил о войне и мире, вас всего так и передернуло.

Он долго ждал ответа и, так и не дождавшись, спокойно продолжал:

— Ну, хорошо, я вам задам еще один вопрос. Вы сказали, что ваша планета испытала все ужасы поражения, от кого? Чудищ с кометы из соседней Галактики?

Бар поднял голову и посмотрел

на усмехающегося молодого человека!

— От Империи.

— Вот как? В таком случае, что же вы здесь делаете?

Бар хранил красноречивое молчание.

Торговец выпятил нижнюю губу и медленно кивнул головой. Он стянул браслет-цепочку с правого запястья и протянул Бару.

— Что вы думаете об этом?

На левой руке торговца висел точно такой же браслет. Сивеннец взял его и, повинувшись жесту торговца, медленно надел себе на руку. Странное покалывание в левой кисти быстро, прошло. Голос Деверса

изменился в ту же секунду.

— Все в порядке, док, прибор начал действовать. Теперь можно говорить о чем угодно. Если комната прослушивается, то они ровным счетом ничего не поймут. Это искажитель поля конструкции Хобера Мэллоу. Продается за 25 кредиток на любой планете: отсюда и до самой отдаленной. Вам я его дарю. Сожмите губы, когда вы разговариваете, и не волнуйтесь. Сейчас научитесь.

Дучем Бар внезапно почувствовал сильную слабость. Огромные сверкающие глаза торговца впились в него. Он чувствовал, что не может

сопротивляться.

— Чего вы хотите? — спросил Бар, глотая слова плотно сжатыми губами.

— Я вам уже говорил. По нашим меркам вы ведете себя не как самый яркий патриот. Ваша планета была завоевана Империей, а вы сидите здесь и изо всех сил помогаете этому имперскому генералу. Почему?

— Я сыграл свою роль, — ответил Бар. — Победитель — наместник — мертв благодаря мне. Я его убил.

— Вот как? Недавно?

— Сорок лет назад...

— Сорок... лет... назад?!

Казалось, эти слова имели для

торговца какое-то значение. Он нахмурился.

— По-моему, вы уже довольно долго живете одними воспоминаниями. А этот молодой вертихвост в генеральской форме все знает?

Бар кивнул головой. Глаза Деверса потемнели, и он задумался.

— Вы хотите, чтобы Империя выиграла?

И внезапно вся ненависть старого патриция вырвалась наружу:

— Пусть Империя и все, что с ней связано, погибнет в мировой катастрофе. Вся Сивенна только и молится об этом еженощно. Когда-то у меня были братья, сестра, отец. Но

сейчас у меня есть дети и внуки. Генерал знает, где их найти.

Деверс молча ждал. Бар продолжал шепотом:

— Но меня бы это не остановило, если бы я знал, что риск будет оправдан. Они знают, как умирать.

Торговец заговорил мягким голосом:

— Так, значит, вы убили наместника. Видите ли, кажется, я что-то начинаю понимать. У нас был мэр, его звали Хобер Мэллоу. Он посетил Сивенну, ведь так называется ваша планета? Там он встретил человека по имени Бар.

Бар смотрел на него твердым и

подозрительным взглядом.

— Что вы знаете об этом?

— То же, что и каждый торговец на Основании. Вполне возможно, что вы просто хитрый старикашка, которого поместили со мной в одну камеру, чтобы выведать какие-нибудь секреты. И ничего странного, что они целили из пистолетов не только в меня, но и в вас. А когда вы расскажете, что ненавидите Империю и готовы отдать Все ради ее разрушения, я в свою очередь должен буду открыть свое сердце и выплакаться у вас на груди. А потом генерал запрыгает от радости. Не очень-то надейтесь на это, док. Но все же мне хочется видеть в вас сына

Онума Бара с планеты Сивенна — шестого и самого младшего — единственного, кто избежал кровавого побоища.

Лишь только Деверс закончил говорить, Дучем Бар потянулся к углублению в стене. Рука его дрожала, пока он вынимал плоскую металлическую коробочку. Затем старик достал еще один металлический предмет, тихо звякнувший, и протянул его Деверсу.

— Взгляните.

Деверс долго не мог оторвать взгляда, затем поднес запекшееся центральное звено цепочки к глазам и выругался.

— Это монограмма Мэллоу, будь

я проклят, конструкция
пятидесятилетней давности.

Он посмотрел на старика и
улыбнулся.

— Вашу руку, док. Портативное
силовое поле — единственное
доказательство, которое могло меня
убедить.

Деверс протянул свою большую
руку Бару.

6. Фаворит

Крохотные звездолеты возникли из космических глубин и ринулись на гущу Армады. Без выстрела, без малейшей потери энергии они пронеслись между гигантскими неповоротливыми кораблями Империи, которые заворочались, как неуклюжие звери, и вновь унеслись в далекий космос. Две беззвучные вспышки пронзили пространство в том месте, где находились комариные звездолеты, остальные улетели неизвестно куда. Большие корабли начали было поиск, но потом вернулись к своей первоначальной задаче: стали

заглатывать мир за миром, завершая окружение.

Бродрих носил одежды государственного секретаря, тщательно сшитые и еще более тщательно им носимые. Он шел по садам далекой планеты Ванда, временного Главного штаба, лениво помахивая рукой. Выражение его лица было мрачным.

Вместе с ним в черной форме шел Бель Риоз, воротничок его мундира был расстегнут.

Риоз указал рукой на черную скамейку, вокруг которой рос папоротник, создавая тень своими широкими развернутыми листьями, тянущимися к белому солнцу.

— Подумайте только, сэр, какая реликвия. Узорные скамейки для влюбленных все так же красивы и свежи, в то время как все заводы и дворцы обратились в руины.

Он уселся поудобнее, а личный секретарь Калеона II остановился рядом и точным движением посоха из слоновой кости сбил несколько листьев.

Риоз предложил Бродриху сигареты и, закулив, обратился к нему.

— Я должен благодарить мудрость его величества за то, что он прислал сюда именно вас, такого смелого и умного, наблюдателя. Я сразу перестал волноваться, что

какое-то более важное дело в Империи затемнит нашу войну на периферии.

— Глаза императора повсюду, — ответил Бродрих. — Мы ничуть не преуменьшаем важность вашей кампании, но мне все же кажется, что ее трудности сильно преувеличены. Разве крохотные звездолеты — такой уж большой барьер, чтобы особенно тщательно проводить предварительное окружение?

Риоз покраснел, оставаясь спокойным.

— Я не могу рисковать ни жизнью своих людей, которых и так достаточно мало, ни, тем более,

своими звездолетами, потеря которых будет невосполнима, если мы поспешим с прямым нападением. Когда же завершится окружение, в четыре раза повысятся шансы на победу. Избранную мной военную тактику я вам объяснил еще вчера.

— Ну что же, я не военный. В данном случае вы убедили меня: правильным не всегда является то, что просто и очевидно; тут мы не возражаем. Но ведь ваша осторожность излишняя. Во втором сообщении вы потребовали подкреплений. И против кого? Немногочисленного врага, варваров, с которыми в ту пору у вас еще не произошло никаких маломальских

сражений. Требование подкреплений при таких обстоятельствах указывает на некомпетентность, с чем трудно согласиться, учитывая вашу смелость и блистательные заслуги в прошлом.

— Благодарю вас, — холодно ответил генерал. — Но позвольте вас уверить, что между смелостью и слепостью есть существенная разница. Можно рискнуть, зная своего врага и хотя бы приблизительно рассчитав степень риска, но начинать войну против неизвестного — безрассудная смелость. С таким же успехом можно удивляться, что человек прокладывает удачный курс в космос, а у себя дома спотыкается на

каждом шагу.

Бродрих отмахнулся от слов генерала одним движением руки.

— Очень драматично, но неубедительно. Вы ведь посетили этот варварский мир и захватили в плен торговца, правда, который больше смахивает на шута. Не так уж и плохо вы осведомлены, если хотите знать.

— Да? Но я прошу вас не забывать, что планету, самостоятельную уже в течение 200 лет, нельзя рассматривать с точки зрения атаки за какой-то месяц. Я солдат, а не бесстрашный герой детектива. Что же касается торговца, то он, как представитель громадной

экономической группировки, не имеет прямого отношения к Основанию и, естественно, не может рассказать мне об их тактике и стратегии.

— Его допрашивали?

— Да.

— И что же?

— Сведения полезные, но не более того. Его звездолет крохотных размеров и ничего особенного из себя не представляет. Сам он продает всякие игрушечные приборчики, очень любопытные, умно сконструированные, и я даже намереваюсь послать несколько в подарок императору как диковинки. Конечно, я не понимаю очень

многого в звездолете и в работе его приборов, но я же не техник.

— А ведь в вашем окружении есть техники, — педантично напомнил Бродрих.

— Несомненно, — слегка ироническим тоном заметил Риоз. — Но им еще учиться и учиться, прежде чем они объяснят мне все подробности. Я уже отправил просьбу прислать мне людей, разбирающихся в атомной технике, и до сих пор не получил ответа.

— Такие люди слишком заняты, генерал. Но неужели во всей вашей огромной провинции не нашлось ни единого техника?

— Если бы он нашелся, я

прежде всего заставил бы его починить энергостанции. Из-за недостатка энергии у меня простаивают две флотилии маленьких звездолетов и два больших. Считайте, что одна пятая моих сил должна оставаться на приколе только из-за Технических неисправностей.

Секретарь нетерпеливо щелкнул пальцами.

— Не один вы находитесь в таком положении, генерал. Император испытывает точно такие же трудности.

Генерал пожал плечами и закурил новую сигарету.

— Что же, в конце концов,

отсутствие первоклассных техников не такая уж и первоочередная задача. Но я мог бы значительно больше узнать от пленников, будь мой детектор лжи в порядке.

Брови секретаря поднялись.

— У вас есть детектор?

— Старинный. Но он подвел меня как раз в самый нужный момент. Я включил его, когда пленный спал, и не получил никаких результатов. Вот вам и детектор. А на своих людях я испытывал его всегда с положительными результатами. Но, опять-таки, среди моих подчиненных нет техника, способного объяснить, почему прибор не действует на пленника. Дучем Бар, который все-

таки ученый, говорит, что психическая структура пленника может не поддаваться детектору, потому что тот с детства воспитывался в чужеродной обстановке и испытывал иные внешние раздражители. Не знаю. Но торговец еще может быть мне полезен, поэтому я его не трогаю.

Бродрих оперся о посох.

— Я посмотрю, нет ли в столице лишнего специалиста. Кстати, что за человек этот сивеннец? По-моему, вы допускаете в свое окружение слишком много врагов.

— Он хорошо знает нашего противника. И сможет мне

понадобиться в будущем.

— Но он сивенец и сын известного мятежника?!

— Он стар и беззащитен, а его семья играет роль заложника.

— Понятно. Но мне все же думается, что надо самому поговорить с этим вашим пленником.

— Безусловно.

— Наедине, — холодно добавил секретарь, ставя точки над «і».

— Безусловно, — вежливо повторил Риоз. — Как преданный гражданин Империи, я считаю личного представителя императора моим начальником. Однако торговец находится на одной из моих временных баз и я покидаю вас. А

вам придется покинуть линию фронта в самый интересный момент.

— Вот как? В каком же это отношении он самый интересный?

— В том, что сегодня завершено окружение. А в течение недели двадцатый пограничный флот сломит сопротивление противника.

Генерал Риоз, улыбнувшись, отвернулся.

Личный секретарь его императорского величества Бродрих вдруг понял, что он побежден.

7. Сделка

Сержанта Мори Люка можно считать образцом рядового солдата. Был он родом с огромных сельскохозяйственных планет Плеяд, и только армейская жизнь смогла перебить его связь с землей и той черной, нудной работой, которую приходилось ему выполнять. Сержант был типичным представителем своего народа. Лишен воображения ровно настолько, чтобы без страха смотреть опасности в глаза, но зато силен и подвижен, и создан для того, чтобы преодолевать опасности. Он выполнял приказы без единого

вопроса, держал своих подчиненных в строгой дисциплине, восхищался генералом, даже не задумываясь. И вместе с тем был очень добродушным малым. Люк бы ни секунды не колебался, убивая человека, если бы считал, что выполняет военный долг, но делал бы это без малейшего чувства ненависти к своему врагу.

Сержант всегда стучался в дверь, прежде чем войти, что было также показателем его воспитанности, потому что он, безусловно, имел полное право входить без стука.

Два человека оторвались от своего ужина, один из них дотянулся ногой до карманного передатчика, из

которого неслись оживленные голоса, и выключил его.

— Еще книги? — спросил Латан Деверс.

Сержант протянул ему туго свернутый цилиндрик микропленки и почесал нос.

— Пленка принадлежит инженеру Орру, но ее надо будет вернуть: он собирается отослать ее своим детишкам, знаете, как сувенир.

Дучем Бар с интересом повертел цилиндрик в руках.

— А откуда инженер ее вообще достал? У него разве есть передатчик?

Сержант выразительно покачал

головой и глазами показал на полуразвалившийся передатчик у кровати.

— Этот здесь единственный. А Опп достал книгу на одной из захудалых планет, которую мы захватили. Для этой книги было специально отведено здание. И ему даже пришлось убить несколько туземцев, прежде чем удалось захватить ее.

Сержант окинул цилиндрик оценивающим взглядом:

— Что ж, получится неплохой сувенир для детей.

Он промолчал, затем вкрадчиво добавил:

— И вновь генерал сделал все

по-своему.

— Вот как? — удивился Деверс. — И что же такое он сделал?

— Вчера завершил окружение, вот и все!

Сержант медленно и восхищенно кивнул головой и улыбнулся. Он гордился генералом, как своим отцом.

— Ну, не герой ли он? О, он здорово все придумал. Один наш парень, который умеет красиво выражаться, сказал, что генерал действует так же гладко, как музыка поющих сфер. Не знаю, что это обозначает, но наш генерал просто молодец!

— Словом, сейчас начнется

большой поход? — вкрадчиво спросил Деверс.

— Надеюсь, — последовал немедленный ответ. — Теперь, когда моя рука поправилась, я хочу непременно вернуться на свой звездолет. Мне надоело сидеть тут в тылу.

— Мне тоже, — внезапно с гневом пробормотал Деверс.

Нижняя губа его была закушена, и он теребил ее зубами.

Сержант с опаской посмотрел на него и сказал:

— Лучше я пойду. Скоро обход, а мне совсем не хочется, чтобы капитан застал меня здесь.

У двери сержант задержался.

Ему явно хотелось обратиться к Деверсу с чем-то сокровенным.

— Кстати, сэр, — скромничая, сержант казался несколько неуклюжим, — жена прислала мне письмо. Пишет, что тот ваш маленький холодильник, который я ей переслал, прекрасно работает. Денег он не стоит, а месячный запас пищи можно держать полностью замороженным. Большое спасибо.

— Ерунда. Не стоит благодарности.

Тяжелая дверь бесшумно затворилась за трогательно улыбающимся сержантом.

Дучем Бар вскочил со своего кресла.

— По крайней мере, мы получили хорошую информацию по поводу холодильника. Давайте посмотрим на эту новую книгу. Ах, черт, она без титульного листа.

Он прокрутил несколько ярдов отлично сохранившейся пленки и проверил ее на свет.

Потом он пробормотал:

— Черт меня побери, если это не «Сад суммы знаний», Деверс!

— Вот как? — без всякого интереса сказал тот. — Садитесь, Бар, у меня нет никакого желания слушать старинную литературу. Вы обратили внимание на то, что сказал сержант?

— Конечно. Ну и что?

— Начинается наступление. А мы сидим здесь.

— А где вы хотите сидеть?

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Это бессмысленно: сидеть здесь и ждать у моря погоды!

— Вы в этом уверены?

Бар осторожно вынул из маленького передатчика старую пленку и вставил новую.

— За последний месяц вы мне рассказали почти всю историю Основания. И, как мне помнится, все ваши великие лидеры в прошедший кризисах ничего существенного не совершали, они просто сидели и ждали.

— Ах, Бар, но они знали, что

делали.

— Да? Несомненно, они так говорили, когда кризис кончался. Хотя я в этом не уверен. Но нет никаких доказательств, что что-то изменилось бы, если бы они ничего не знали. Глубокие экономические и социальные процессы не могут находиться под контролем индивидуумов.

Деверс фыркнул.

— Нет никаких доказательств и того, что дела пошли бы намного хуже. Это бессмысленный спор, — одним взглядом он задумчиво окинул комнату. — Как вы думаете, может, мне лучше убить его?

— Кого? Риоза?

— Да.

Бар вздохнул. Мысленно он вдруг представил картины молодости.

— Покушение — это не выход. Однажды меня спровоцировали на убийство (мне было тогда 25), но это ровным счетом ничего не решило. Я убрал негодяя с Сивенны, но остались имперские холуи, и дело именно в них, а не в каком-то там негодяе.

— Но, док, Риоз не какой-то там негодяй. Он — это армия. Без него она распадается в течение недели. Солдаты висят на нем, как малые дети. Этот наш сержант чуть не всхлипывает, когда упоминает имя

генерала. Вот еще пример: Бродрих — единственный человек, который имеет влияние на императора, — может потребовать сотню кораблей, в то время как Риоз изворачивается с десятью.

— Я наслышан о репутации Бродриха достаточно.

— Вот как? И что же это за репутация? — рассеянный взгляд торговца внезапно исчез, глаза с интересом блеснули.

— Вам нужна вся его родословная? Пожалуйста: этот негодяй плебейского происхождения непрестанной лестью добился расположения императора. Его ненавидит вся дворцовая

аристократия, такие же паразиты, но ему не приходится выдумывать себе знатных предков и соблюдать этикет. Он советник императора по всем вопросам и исполнитель по самым неприглядным из них. Ему нельзя ничего доверять, но он предан по необходимости. Нет второго человека во всей Империи более скользкого и подлого в делах и более низкого и грубого в наслаждениях. Говорят, что невозможно добиться милости императора без его участия и вашего позора.

Деверс задумчиво погладил свою аккуратно подстриженную бороду.

— Вы знаете, у меня в связи с

этим молодцом, которого император прислал присматривать за Риозом, появилась одна мысль.

— Думаю, что догадываюсь.

— Допустим, Бродриху не понравится наш молодой покоритель сердец.

— Возможно, уже не понравился.

— Допустим, советник возненавидит генерала. Император услышит об этом, и у Риоза будут неприятности.

— Ну-ну. Вполне возможно. Но что вы предлагаете?

— Не знаю. Может быть, мы его подкупим?

Патриций мягко рассмеялся.

— Да, теоретически это возможно, но не так, как вы подкупили сержанта, — портативным холодильником. Подкуп должен быть достойным Бродриха. Но это все слова — на деле ничего не выйдет. Весь ужас положения в том, что во всей Великой Галактике не сыщешь другого человека, которого можно было бы так легко подкупить, но у Бродриха нет элементарного чувства чести и порядочности. Он предаст вас в самый ответственный момент за каких-нибудь тридцать сребреников. Так что придумайте что-нибудь другое.

Он замолчал потому что в дверь вновь постучали. На пороге появился

сержант, очень возбужденный, с хмурым выражением на красном лице.

— Сэр, — начал он, пытаюсь выровнять дыхание. — Я благодарен вам за холодильник, и, вообще, вы всегда говорили со мной очень ласково, хотя вы знатный лорд, а я простой фермер.

Он так волновался, что его плеядский акцент усилился и понимать его речь становилось все труднее. А с лица начисто сошел налет вымуштрованного солдата.

— В чем дело, сержант? — мягко спросил Бар.

— Вас хочет допросить лорд Бродрих. Завтра! Я знаю, потому что

капитан велел надеть нам парадную форму, чтобы... чтобы приветствовать его. Мне показалось... я думал, мне надо предупредить вас...

— Спасибо, сержант, мы очень вам признательны, — сказал Бар. — Но все в порядке, нет никаких причин для...

Лицо сержанта вдруг стало страшным, и он заговорил грубым шепотом:

— Вы не слышали, что о нем рассказывают? Лорд Бродрих продался космическому дьяволу. Вы не смейтесь. О нем рассказывают самые ужасные истории. Говорят, что, куда бы он ни пошел, за ним

следуют люди с бластерами и если он хочет доставить, видите ли, себе удовольствие, то просто приказывает убить первого попавшегося. И они убивают, а он смеется. Говорят, что даже сам император боится его и это он заставляет императора увеличивать налоги и не позволяет выслушивать никаких жалоб народа. И он ненавидит генерала, вот что говорят. Я слышал, он хочет убить генерала за то, что тот великий и мудрый. Но он не сможет этого сделать, потому что наш генерал никого не боится и знает, что лорд Бродрих — плохой человек.

Сержант моргнул, а затем, внезапно смутившись, улыбнулся. И

вдруг, как бы удивляясь своей горячности, попятился к двери, неловко кивая головой.

— Помните, что я вам говорил.

Будьте с ним осторожны.

Он выскользнул из комнаты.

— Это в вашу пользу, не так ли, док?

— Все зависит от Бродриха, — сухо ответил Бар.

Но Деверс о чем-то задумался и не слушал патриция.

Чтобы войти в кают-компанию корабля торговца, лорду Бродриху пришлось наклонить голову. Два его вооруженных телохранителя быстро прошли следом. Они держали бластеры наизготовку, и лица их

сохраняли обычную жесткую улыбку профессионалов. Личный секретарь в это время очень мало походил на пропащую душу. Если он и продался космическому дьяволу, то по нему этого никак нельзя было сказать. Скорее, Бродрих напоминал человека, внесшего свежую струю в скучную армейскую жизнь.

Строгие прямые линии его отлично сшитого костюма создавали иллюзию высокого роста; белоснежные манжеты рукавов легонько порхнули, когда он поставил трость на пол и оперся о нее. Холодный взгляд своих бесстрастных глаз он остановил на длинном носе торговца.

— Нет-нет, — произнес Бродрих, небрежно махнув рукой. — Оставайтесь на месте. Не надо демонстрировать свои игрушки, они мне неинтересны.

Он придвинул к себе кресло, тщательно смахнул с него несуществующую пыль и уселся. Деверс оглянулся в поисках второго кресла, но Бродрих лениво сказал:

— Вы будете стоять в присутствии пэра Империи.

Он улыбнулся и замолчал.

Деверс пожал плечами.

— Если вас не интересует моя торговля, то зачем вы пришли?

Личный секретарь продолжал хранить ледяное молчание, и Деверс

нехотя выдавил из себя «сэр».

— Для того чтобы остаться наедине, — отозвался секретарь. — Как вы думаете, стал бы я лететь за двести парсеков и смотреть на ваши побрякушки? Я хотел видеть только ВАС.

Из коробочки с монограммой он достал маленькую розовую таблетку, аккуратно положил ее под язык и медленно, с явным удовольствием принялся сосать ее.

— Например, — продолжал он, — кто вы? Действительно, житель этого варварского мира, вокруг которого подняли сейчас военную шумиху?

Деверс утвердительно кивнул

головой.

— Он, в самом деле, взял вас в плен уже ПОСЛЕ начала этой стычки, которую называет войной? Я имею в виду нашего генерала.

Деверс снова кивнул.

— Вот как! Прекрасно, мой дорогой, прекрасно. Я вижу, что вы не очень-то многословны, и постараюсь вам помочь. Мне кажется, что наш генерал ведет здесь бессмысленную войну, затрачивая на нее колоссальную энергию. И все из-за какой-то дрянной планеты у черта на куличках, ради которой ни один здравомыслящий человек не пожертвовал бы и выстрелом из бластера. Но нашего генерала нельзя

назвать нелогичным и неумным, напротив. Вы меня понимаете?

— Пока не очень хорошо, сэр.

Секретарь внимательно оглядел свои ногти и продолжил:

— Тогда слушайте дальше. Наш генерал никогда не станет жертвовать людьми и звездолетами только ради того, чтобы покрыть себя славой. И пускай он говорит о славе и чести Империи, но я-то знаю, что времена честных героев давно прошли. Во всяком случае, я в них не верю. Здесь есть нечто большее, чем просто жажда славы, и о вас он проявляет совсем неожиданную и ненужную заботу. Если бы вы были моим пленником и сказали так же

мало, как генералу, я вспорол бы вам брюхо и удавил вас вашими же собственными кишками.

Деверс остался неподвижен. Лишь взгляд его остановился сначала на одном телохранителе, потом — на другом. Эти люди были готовы сделать с ним все что угодно.

Секретарь улыбнулся.

— Вы молчаливый дьявол. Мне говорил генерал, что даже детектор лжи вас не взял. Только я уверен — это неправда. Генерал мне солгал, и в этом я убедился.

Казалось, Бродрих был в прекрасном настроении.

— Мой честный торговец, — сказал он, — у меня есть

собственный детектор лжи, и я думаю, он подойдет вам больше. Видите, что это?

И между его большим и указательным пальцами, как по волшебству, появились желто-розовые треугольники, которые ни с чем нельзя было спутать.

Деверс воскликнул.

— Деньги?

— Вот именно, деньги, и лучшие деньги во всей Империи, потому что они обеспечиваются моими поместьями, еще более обширными, чем у императора. Здесь, между двумя пальцами, сто тысяч, и они ваши!

— Но я, как торговец, знаю

одно: за деньги покупают и ради денег продают.

— Я хочу знать правду. Что нужно генералу? Ради чего он затеял эту войну?

Деверс вздохнул, задумался, погладил свою бороду и заговорил:

— Что нужно генералу?

Глаза его следили за руками секретаря, которые медленно-медленно, одну за другой пересчитывали кредитки.

— Одним словом, ему нужна Империя.

— Гм-м, как неинтересно. В конце концов все к этому стремятся. Но каким образом? Что это за дорога, которая так заманчиво зовет

генерала с самого края Галактики к вершинам Империи?

— Основание! — с горечью ответил Деверс. — Оно имеет свои секреты. Там есть книги, очень старые, их язык понимают всего несколько самых высокопоставленных людей. Все эти секреты окружены ритуальными обрядами и религией. И поэтому никто не может ими пользоваться. Я пытался это сделать и очутился здесь, а там надо мной висит смертный приговор.

— Понятно. И что это за старые секреты? Говорите. За сто тысяч, я думаю, можно знать мельчайшие подробности.

— Трансмутация элементов, — коротко ответил Деверс.

Глаза секретаря сузились, он явно был заинтригован.

— Мне говорили, что по законам атомики трансмутация практически невозможна.

— Так и есть, если использовать атомную энергию. Но наши предки не были дураками. В природе существует другая энергия, гораздо большая, чем атомная. Если бы только Основание применило ее, как я им предлагал...

Деверс почувствовал в желудке пустоту и неприятный холод. Наживка была брошена, рыба обнюхивала приманку.

Секретарь нетерпеливо сказал:

— Продолжайте. Я уверен, что генерал об этом знает. Но что он собирается делать, когда закончит такую пышную театральную постановку?

Твердый голос Деверса не поколебался ни на секунду.

— Овладев секретом трансмутации, он будет контролировать экономику всей Империи. Акции разработок полезных ископаемых опустятся до нуля, если Риоз сможет делать тунгстем из алюминия и иридий из железа. Вся огромная производственная система, основанная на редкости отдельных

минералов и большом количестве остальных, полетит вверх тормашками. Наступит грандиозный экономический кризис, и только Риоз будет в состоянии остановить его. Кроме того, он получит в свое распоряжение ту новую энергию, о которой я уже вам говорил. Ее использование даст ему в придачу еще и религиозные силы. И тогда его уже ничто не остановит. Он будет держать основание в жестких тисках и, как только покончит с ним, станет императором не далее чем через два года.

— Вот как? — Бродрих слабо рассмеялся. — Иридий из железа? Так вы сказали? Я открою вам

государственный секрет, если хотите? Знаете ли вы, что Основание уже связалось с нашим генералом?

Деверс весь напрягся.

— Вы выглядите удивленным? Почему? Теперь это кажется логичным. Они предложили ему сто тонн иридия в год, если он согласится на мир. Сто тонн железа, превращенного в иридий, несмотря на религиозные принципы. Думаю, вполне приличное предложение со стороны торговцев. Но наш неподкупный генерал отказался — ведь он может иметь сразу и иридий, и Основание, а потом и Империю. А бедный Калеон II называл его своим единственным честным генералом.

Мой бородатый купец, вы заслужили свои деньги.

Он кинул кредитки, и Деверс бросился их поднимать.

У дверей лорд Бродрих остановился, улыбнулся и добавил:

— Хочу напомнить вам одну вещь. У моих друзей с бластерами нет ни ушей, ни языков, ни образования, ни ума. Они не умеют ни писать, ни говорить, ни слышать. Они даже не реагируют на детектор лжи. Но они специалисты по казням. Я купил вас ровно за сто тысяч. Это была удачная покупка, не правда ли? Но если вы когда-нибудь забудете о том, что вас купили, и попытаетесь повторить содержание нашей беседы,

скажем, Риозу, вы будете казнены, причем так, как умею казнить только я.

Страшная гримаса внезапно исказила утонченное лицо Бродриха. На какое-то мгновение Деверс почувствовал на себе взгляд самого космического дьявола, купившего наконец то, чем давно хотел владеть.

Деверс молча шел впереди, а сзади с нацеленными на него бластерами шли «друзья» Бродриха.

Уже в камере Деверс ответил на беспокойный взгляд Бара с угрюмой удовлетворенностью:

— Нет-нет, все в порядке, но странно другое: не я, а он купил меня.

Два месяца трудной военной кампании давали о себе знать. Бель Риоз чувствовал усталость во всем теле. Он стал нетерпеливым в разговоре. Особенно раздражал его сержант Люк, по-прежнему смотревший на него с обожанием. Заговорил генерал довольно резко:

— Подождите меня за дверью, сержант; когда я кончу допрос, отведете этих людей обратно в камеру, и никто не должен входить, пока я не позову. Никто, вы поняли?

Прежде чем выйти из комнаты, сержант отсалютовал, стоя по стойке смирно, а Риоз с отвращением стал что-то бормотать, разворошил

бумаги, лежавшие у него на столе, скинул их в верхний ящик и с силой захлопнул его.

— Садитесь, — хмуро бросил он Деверсу и Дучему Бару. — У меня мало времени. И вообще, мне следовало бы сейчас находиться совсем в другом месте, но надо поговорить с вами.

Генерал повернулся к Бару, который все это время вертел в руках хрустальный бюст с изображением его императорского величества Калеона II.

— Во-первых, патриций, должен сообщить, что ваш Сэлдон проигрывает. Буду справедливым, дерется он хорошо, а эти люди с

Основания бьются, как сумасшедшие, до последнего. Каждая планета отчаянно сопротивляется, и даже после победы ее трудно удержать из-за непрерывных восстаний. Но тем не менее мы их завоевываем. Сэлдон проигрывает!

— Пока проигрывает, — вежливо прошептал Бар.

— Даже само Основание настроено не так оптимистично, как вы. Они предлагают мне миллионы, только бы я не испытывал этого Сэлдона до конца.

— Я слышал об этом.

— Ах, значит, слухи дошли раньше меня. Последние новости вы тоже знаете?

— Что за последние новости?

— Лорд Бродрих, стал моим заместителем по его просьбе.

И тут в первый раз заговорил Деверс.

— По его собственной просьбе, босс? Как так? Или вы переменили к нему свое отношение на лучшее?

Торговец усмехнулся.

— Не могу сказать, что это так, — спокойно ответил Риоз. — Он уплатил мне за эту просьбу честную цену.

— То есть?

— Он попросил у императора подкреплений.

Презрительная улыбка Деверса стала еще шире.

— Значит, он поддерживает связь с императором? И, как я понял, босс, вы ждете подкреплений и они придут со дня на день.

— Нет. Они уже пришли. Пять больших звездолетов с личными подразделениями императора и обещаниями прислать еще. Что это с вами, торговец? — внезапно в его голосе появились саркастические ноты.

— Ничего.

У Деверса похолодели губы.

Риоз стремительно вышел из-за стола и очутился перед торговцем, положив руку на бластер.

— Я спрашиваю, в чем дело, торговец? Кажется, мои новости

обеспокоили вас? Ведь не заинтересовались же вы вдруг Основанием?

— Нет.

— Да... и все же в вас есть нечто странное.

— Вот как, босс?

Деверс принужденно улыбнулся, но руки его в карманах сжались в кулаки.

— Скажите, что, и я постараюсь объяснить, босс.

— Пожалуйста. Вас взяли в плен с неожиданной легкостью. Вы сдались после первого удара по защитному полю вашего корабля и были готовы предать свой собственный мир, причем без всякой

цели. Не так ли?

— Я предпочитаю быть на той стороне, которая выигрывает, босс. Я разумный человек, как вы сами только что сказали.

Хрипло и напряженно Риоз продолжил:

— Допустим! И тем не менее с тех пор ни один торговец не был взят в плен. Хотя ни один торговый звездолет не имел такой скорости, как ваш, и такого защитного поля. Как нам удалось установить, торговцы везде и всюду являются инициаторами и вдохновителями партизанских войн на захваченных планетах и в космосе. Так неужели же вы ЕДИНСТВЕННЫЙ разумный

человек среди них? Вы не пустились наутек, не вступили в сражение, вы дали спокойно взять себя в плен и стали предателем. Причем мне не пришлось даже вас уговаривать. ВЫ просто удивительно бесподобны, подозрительно бесподобны.

Деверс мягко сказал:

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но вам не в чем меня упрекнуть. Я нахожусь у вас уже шесть месяцев и веду себя достаточно хорошо.

— Это верно, и я в свою очередь отплатил вам хорошим отношением: оставил звездолет в полной неприкосновенности и делал все, чтобы вам было у меня удобно.

Между тем вы ничего особенного мне не сказали. Например, вы могли бы рассказать о принципах, по которым работают ваши приборы и аппараты. В войне с нами Основание применило их, только в более крупном масштабе.

— Я всего лишь торговец, — сказал Деверс. — Я продаю свой груз, а не изготавливаю его.

— Что ж, скоро мы в этом убедимся. Поэтому я и прилетел. Сейчас ваш звездолет подвергнут тщательному обыску: мы будем искать личное силовое поле. На вас никогда его не было, а все жители Основания носят его. И если мы его обнаружим, то ваш повод не давать

показаний будет налицо. Верно?

Ответа не последовало.

Риоз продолжал:

— Скоро я получу и более веские доказательства. Я привез с собой детектор лжи. Он подвел меня когда-то, но более долгое обращение с врагом многому меня научило.

Его голос стал угрожающим, и Деверс почувствовал, как в живот ему уперся бластер, который только что лежал в генеральской кобуре.

— А теперь вы снимете браслет, — спокойно сказал Риоз, — и остальные металлические предметы, которые на вас есть, и передадите их мне. Немедленно! Силовые поля детектора могут быть

искажены, понимаете, поэтому так оно будет лучше. Я сам их у вас уберу.

За столом генерала загорелся свет, и в щель проскользнуло очередное сообщение. А рядом Дучем Бар все еще держал в руках трехмерный бюст императора.

Риоз отступил к столу, держа бластер наготове.

— И вы тоже, патриций, — сказал он. — Браслет выдает вас с головой. Однако когда-то вы мне были полезны, к тому же я не мстителен. И потому подожду окончательно осуждать членов вашей семьи, взятых заложниками, пока не поработаю с вами на детекторе лжи.

Риоз наклонился, чтобы поднять

свернутое в трубку послание. В этот момент Бар перестал вертеть в руках бюст Калеона II и спокойно опустил его на голову генерала. Все произошло настолько быстро, что Деверс не успел опомниться. А в старика, казалось, вселился демон.

— Скорее! — прошептал он сквозь сжатые зубы. — Идем!

Бар схватил валявшийся на полу бластер Риоза и спрятал его под куртку.

Сержант Люк обернулся на скрип открываемой двери и увидел, как Бар и Деверс появились на пороге. Бар спокойно сказал:

— Пошли, сержант.

Деверс, до сих пор стоявший в

двери, чтобы нельзя было заглянуть внутрь, прикрыл ее.

Сержант Люк в молчании довел их до камеры, а затем, после секундного колебания, повел дальше, почувствовав, что в ребро ему уперлось дуло бластера, а в ушах раздались слова:

— К звездолету торговца.

Деверс вышел вперед, открывая входной люк звездолета, и Бар сказал:

— Стойте на месте, Люк. Вы честный человек, и мы не хотим убивать вас.

Но сержант узнал монограмму на рукоятке бластера и с неожиданной яростью закричал:

— Вы убили генерала!

С диким, неповторимым криком он ринулся на патриция и на полпути был встречен лучом бластера.

Звездолет стал подниматься над мертвой планетой, когда внезапно снизу загорелись огоньки и в огромной сети звезд появились темные пятна.

— Ну, держитесь, Бар, — сказал Деверс. — Теперь посмотрим, есть ли у них звездолеты, способные потягаться с моим в скорости.

Он знал, что таких звездолетов не было, и уже в открытом космосе с горечью произнес:

— Наживка, которую я бросил

Бродриху, оказалась слишком привлекательной. По-моему, он решил объединиться с генералом.

Бесшумно и быстро они летели в россыпях звезд называвшихся Галактикой.

8. На Трантор

Деверс склонился над темной полусферой, пытаясь найти хотя бы искорку жизни в неизмеримых провалах космоса. Направленные в космическое пространство лучи тщательно и методично обшаривали сектор за сектором.

Бар терпеливо наблюдал со своего места в углу.

— Оторвались? — наконец спросил он.

— От имперских молодчиков? Ну, конечно.

Деверс отвечал с явным нетерпением.

— От них-то мы ушли давным-

давно. Им никогда не догнать нас: скорость у них меньше, и мы часто меняли направление. О, Великий Космос! С этими гиперсветовыми скачками мы еще счастливо отделались: могли угодить в объятия какого-нибудь солнца.

Торговец откинулся на спинку пилотского кресла и рывком расстегнул ворот рубашки.

— Никак не могу понять, что натворили тут имперские молодчики. Что за странная расстановка сил?

— Так, значит, вы хотите лететь на Основание?

— Нет. Я просто пытаюсь связаться с Ассоциацией.

— Ассоциацией? Какой еще

Ассоциацией?

— Ассоциацией свободных торговцев. Никогда о такой не слышали? Не вы один. Мы пока себя не рекламируем.

На некоторое время наступила тишина, потом Бар спросил:

— А может быть, мы слишком далеко и радиоволны не доходят?

— Понятия не имею. Ни малейшего представления, где мы находимся, никаких расчетов у меня нет. Вот почему приходится пользоваться направленным передатчиком. Так ведь можно просидеть год.

— Но не нужно.

Бар указал пальцем на

приемник, Деверс подскочил и торопливо надел наушники. В темной полусфере заискрилась маленькая точка. В течение получаса Деверс терпеливо, методично ловил ее, устанавливая связь, которую волны света донесли бы только лет через пятьсот. Наконец он устало откинулся на спинку сидения и, поглядев на Бара, снял наушники.

— Давайте перекусим, доктор. Если хотите, можете принять душ, только осторожнее расходуйте горячую воду.

Он подошел к одному из стенных шкафов и принялся в нем рыться.

— Надеюсь, вы не вегетарианец,

док?

— Я всеяден, — ответил Бар. — А как дело с вашей Ассоциацией. Потеряли связь?

— Похоже на то. Держались на пределе, слишком уж далеко. Теперь это не имеет значения. То, что нужно, я уже узнал.

Он выпрямился и поставил на стол две металлические банки.

— Минут через пять, док, можете их открывать. Нажмите вот на эту кнопку, и вам сразу будет обед, тарелка и вилка. Довольно удобно, если спешишь и не особенно заинтересован в таких тонкостях, как салфетки. Я думаю, вам интересно знать, о чем я разговаривал с

Ассоциацией?

— Если это не секрет.

Деверс покачал головой.

— Не для вас. Риоз сказал нам правду.

— О том, что ему предложили выкуп?

— Вот-вот. И о том, что он отказался. Сражения идут уже у наружных звезд Лориса.

— Лорис близко от Основания?

— Ну, конечно, вы не знаете. Это одно из самых первых Четырех Королевств. Можно назвать эту область внутренним краем, передней линией обороны. Но это еще не самое худшее. Им приходится выдерживать натиск звездолетов,

которые не были приняты в расчет. Значит, Риоз и тут нам не лгал: он ПОЛУЧИЛ подкрепления, Бродрих перешел на его сторону, а я только УСУГУБИЛ ПОЛОЖЕНИЕ.

Он нажал кнопку на металлической банке и задумчиво смотрел, как крышка открывается. Аромат пищи распространился по всей каюте. Дучем Бар уже принялся за еду.

— Вот так и кончилась наша импровизация, — сказал он. — Мы ничего не можем сделать здесь, и трудно прорваться через передовую имперских сил, чтобы попасть на Основание. Значит, самое разумное, что нам остается, это сидеть и

терпеливо ждать. Однако, если Риоз уже добрался до передовой линии защиты, ждать нам придется недолго.

Между тем Деверс отложил вилку.

— Ждать, вот как? — вспыхнул он. — Может быть, для вас это и выход. Вам нечего терять.

— Почему же? — Бар принужденно улыбнулся.

— Могу объяснить.

Раздражение Деверса вылилось наружу.

— Я уже устал относиться к этому делу, как к малозначительному, смотреть на него со стороны, как на интересный спектакль. А там гибнут мои друзья, и от всего моего мира

скоро останутся одни воспоминания.
Вы чужой и ничего не понимаете.

— Я видел, как умирают друзья.

Руки старика неподвижно
лежали на коленях, глаза были
закрыты.

— Вы женаты? — спросил он.

— Торговцы не женятся.

— Что ж, а у меня есть два сына
и племянник. Они, правда,
предупреждены, но по
определенным причинам не смогли
ничего сделать. Наш побег означает
их смерть. Я надеюсь, что моя дочь и
внуки смогли безопасно покинуть
планету, но и без них я рисковал и
потерял больше, чем вы.

— Я знаю, — вскричал

Деверс. — Но у вас был выбор, — остаться на стороне Риоза. Я никогда не просил вас...

Бар покачал головой.

— Дело не в выборе. Пусть вас не гложут угрызения совести. Я рискнул своими сыновьями не для вас. Я старался подыгрывать Риозу до конца, но он собирался проверить нас на детекторе лжи.

Сивеннский патриций открыл глаза, в них было больно смотреть.

— Как-то раз Риоз пришел ко мне, это было больше года назад. Он говорил о волшебниках и культе, их окружавшем. Но он был далек от истины. Это, конечно, не культ. Видите ли, Сивенна уже сорок лет

находится в тех тисках, которые грозят теперь вам. Пять революций было усмирено. Затем я прочел старинные отчеты Хари Сэлдона, и теперь этот «культ» ждет своего часа. Он ждет именно прихода волшебников, и мы готовы. Мои сыновья во главе тех, кто ждет. Детектор лжи не должен был выведать этот секрет у моего мозга. И поэтому мои сыновья умрут как заложники, иначе они были бы казнены как повстанцы и половина Сивенны захлебнулась бы в крови. Сами видите, у меня не было выхода. Я не чужой!

Деверс опустил глаза, а Бар продолжал:

— Все свои надежды Сивенна возлагает на победу Основания. Именно ради этой победы и принесены в жертву мои сыновья. Но Хари Сэлдон не высчитал победы неизбежной для Сивенны, как это он сделал с Основанием, — у меня и моего народа нет уверенности, есть только надежда.

— И, тем не менее, вы спокойно предлагаете ждать, когда враг уже у Лориса.

— Даже если бы они приземлились на Основании.

Торговец недоуменно нахмурился.

— Не знаю. Не верю, что все кончится благополучно, как по

волшебству. Психоистория за нас или нет, но у них сила, а у нас она отсутствует. Что может сделать мертвая рука Хари Сэлдона против живой силы?

— Ничего не надо делать. Все уже сделано. Теперь события разворачиваются. Если вы и слышите, как при этом поют трубы и гремят барабаны, — ничего не изменится.

— Может быть, но я все же предпочел бы разбить череп Риозу раз и навсегда. Он больше наш враг, чем вся его армия.

— Убить Риоза сейчас, когда его помощником является Бродрих?

Лицо Бара исказилось от гнева

при одном воспоминании о личном секретаре Калеона II.

— Тогда вся Сивенна станет заложником. Бродрих уже давно доказал, на что способен. На некоторых планетах каждого десятого казнили только за то, что люди не могли платить все повышающиеся налоги. Эти налоги собирал Бродрих. Нет, пусть Риоз живет. Его наказания можно считать великой милостью, вспоминая подвиги Бродриха.

— Да, но шесть месяцев. Целых шесть месяцев на вражеской базе — и ничего не сделать!

Деверс с такой силой сжал свои руки, Что суставы хрустнули.

— Никаких результатов!

— Ну-ну, подождите... Вот вы мне, кстати, напомнили.

Бар стал рыться в своем кармане.

— Посмотрите: вдруг пригодится.

Он кинул на стол свернутый бумажный цилиндрик, и Деверс тотчас жадно схватил его.

— Что это такое?

— Послание — то самое, которое Риоз собирался прочесть, но я ударил его по голове. Годится?

— Не знаю. Зависит от того, что в нем.

Деверс уселся в кресло поудобнее и осторожно покрутил

цилиндрик в руках.

Когда патриций вышел из душа и с наслаждением вступил в кабину с теплым воздухом, торговец молчаливо и сосредоточенно над чем-то работал.

Бар, громко и ритмично похлопывая себя по телу, поинтересовался:

— Что вы делаете, Деверс?

Торговец поднял глаза. На его лбу сверкали крупные капли пота.

— Пытаюсь вскрыть цилиндрик.

— Но разве это возможно без личных характеристик Риоза? — в голосе сивеннца прозвучало неподдельное изумление.

— Если я этого не сделаю,

уволюсь из Ассоциации и никогда больше не буду торговцем. Я уже получил трехмерный электронный анализ поверхности, используя приспособления, о которых в Империи никогда и не слыхали. Надеюсь, они помогут мне прочесть содержимое капсулы. Кстати, когда-то я был взломщиком, — торговец должен знать всего понемногу.

Он низко наклонился над цилиндром и начал осторожно прикасаться к нему неизвестным Бару инструментом, на конце которого то и дело вспыхивали искры. По ходу работы он вдруг сказал:

— Грубо сделано. Все-таки

маленькие вещи, созданные в Империи, далеки от совершенства. Вы когда-нибудь видели капсулы Основания? В два раза меньше и не поддаются никакому электронному анализу.

А затем торговец весь напрягся, рука его, казалось, одеревенеет, он осторожно прикоснулся своим инструментом к определенной точке цилиндра и нажал на кнопку. Открылся цилиндрик совершенно бесшумно. Деверс расслабился и вздохнул, увидев перед собой сложенный в трубку лист бумаги.

— От Бродриха, — сказал он.

Потом с презрением добавил:

— Среда бумаги постоянная. В

капсуле Основания послание
испарилось бы ровно через минуту
после прочтения.

Но Дучем Бар махнул рукой,
жестом упрасывая как можно скорее
прочитать послание.

«От Амелла Бродриха,
чрезвычайного посла его
императорского величества, личного
секретаря Совета лордов, пэра
Империи. КОМУ: Бель Риозу,
военному губернатору Сивенны,
генералу Имперского флота, пэру
Империи приветствие и наилучшие
пожелания.

Планета 1120 сдалась после
долгого сопротивления. Все планы
атак идут по расписанию. Враг

заметно ослабел, и в результате наша конечная и главная цель будет несомненно достигнута».

Бар поднял голову от микроскопического шрифта и с горечью воскликнул:

— Дурак! Болтун несчастный! И вот то послание!

— А? — спросил Деверс. Он тоже выглядел разочарованным.

— Тут ничего нет, — простонал Бар. — Наш Бродрих теперь решил немного поиграть в вояку. С отсутствием Риоза он остается начальником и пишет пышные рапорты о военных делах, не им подготовленных, и в которых он ничего не понимает. Такая-то и

такие-то планеты сдались после долгого сопротивления. Планы по расписанию. Враг слабеет. Пустоголовый кретин! Давайте...

— Э, подождите минутку, не надо...

— Можете это выкинуть, — старик с отвращением отвернулся. — Видит Бог, я не думал, что мы найдем здесь сверхсекретную тайну, но в военное время всего можно ожидать в посланиях генералов: какие-то передвижения войск, их расстановка. Вот почему я и схватил его. Но такое! Лучше бы я оставил все как есть. Риоз потерял на прочтение этой ерунды целую минуту, которая, несомненно, сейчас

используется им более продуктивно.

Но Деверс поднялся с кресла.

— Можете ли вы на минутку замолчать? Ради Сивенны...

Он сунул послание к самому носу Бара.

— Прочтите еще раз. Что он имеет в виду под «конечной и главной целью»?

— Победу над Основанием. Ну и что?

— Да? А, может быть, над всей Империей? Ведь именно это считает он своей конечной целью.

— Ну и что же, если это так?

— Если это так!

Усмешка Деверса затерялась где-то в бороде.

— Если это так, то я сейчас вам многое покажу.

Одним движением пальца он сунул лист бумаги внутрь и что-то передернул на капсуле. Цилиндрик вновь стал сплошным, без единой щели. Где-то внутри раздался мягкий звук работающих моторчиков, потом все стихло.

— А теперь эту капсулу нельзя снова вскрыть, не имея личных характеристик Риоза. Не так ли?

— Ну и что?

— Но ведь император может ее вскрыть, как вы думаете? Личные характеристики правительственных служащих должны храниться в картотеках. По крайней мере, на

Основании это так.

— Ив имперской столице тоже, — согласился Бар.

— Значит, когда вы, имперский патриций и пэр Империи, сообщите императору Калеону, что его любимец-плебей и самый блестящий генерал объединились для того, чтобы свергнуть его с трона, и протянете цилиндрик, то что он подумает о конечной цели?

Бар, ослабев, опустился в кресло.

— Подождите, я не успеваю за вами.

Он почесал пальцем щеку и сказал:

— Но ведь вы все это говорите

не вполне серьезно, а?

— Вполне.

Деверс выглядел злым и возбужденным.

— Послушайте. Девять из десяти последних императоров были убиты тем или иным путем собственными генералами, у которых в голове возникали светлые идеи. Вы сами говорили мне об этом не раз. Калеон поверит так быстро, что Риоз не успеет и очухаться.

Бар слабо пробормотал:

— Он все-таки серьезен. Ради самой Галактики! Нельзя победить сэлдоновский кризис такой заранее не обдуманной, непрактичной, совсем не по книге схемой. А если

бы вам в руки никогда не попало
это послание? Или Бродрих не
написал бы «конечная цель»? В
своих расчетах Сэлдон не мог
полагаться на такие
микроскопические вероятности.

— Но если это счастье
подвернулось? Нет такого закона, по
которому Сэлдон запретил бы нам
им воспользоваться.

— Конечно... но...

Бар замолчал, потом заговорил с
видимым напряжением.

— Послушайте, как вы
собираетесь попасть на Трантор? Вы
не знаете расположения этой
планеты в космосе. А я, естественно,
не помню ее пространственных

координат, не говоря уже о сверхпространственных. Вы даже не знаете своего собственного положения в космосе.

— В космосе нельзя потеряться, — ухмыльнулся в свою бороду Деверс.

Он подошел к панели управления.

— Приземлимся на первой же планете и накупим самых лучших навигационных карт на те самые сто тысяч Бродриха.

— И получим пулю в живот. Наше описание, вероятно, уже разослано по всем планетам этой части Империи.

— Док, — терпеливо сказал

Деверс, — не будьте таким занудой. Риоз сказал, что я больно легко сдался в плен и, знаете, он не шутил. По скорости и силовым полям мой корабль сильнее любого звездолета, который вообще можно встретить в этой части Галактики. Да, и к тому же у нас есть индивидуальные силовые поля. Имперские молодчики так и не нашли их при обыске, не для того они прятались.

— Ну, хорошо, — все еще пытался сопротивляться Бар. — Хорошо. Допустим, вы прилетели на Трантор. Как вы собираетесь увидеть императора? Вы думаете, что у него есть приемные часы?

— Об этом мы еще успеем

подумать на Транторе, — ответил Деверс.

И Бар безнадежно прошептал:

— Ну, хорошо. Я уже пятьдесят лет мечтаю побывать на Транторе перед смертью. Пусть будет по-вашему...

Включился

гиперпространственный двигатель. Свет померк и снова вспыхнул, отмечая уход звездолета в сверхпространство.

9. На Транторе

Звезд на небе было столько, сколько колосьев пшеницы на неубранном поле. Впервые Деверс рассчитывал курс через сверхпространство в непривычную для него сторону, совершая прыжки на более чем световой год. Он испытывал чувство клакстофобии: что-то неприятное было в сверкающем звездном небе, которое окружало звездолет со всех сторон. Они были как бы затеряны в огромном мире космоса.

А в центре скопления десяти тысяч звезд, раздирающих темноту, кружилась огромная имперская

планета Трантор.

Но она была не просто планета — живой пульс Империи — двадцати миллионов звездных систем. Хотя выполняла всего одну функцию — административную, экспортировала только одно — закон. Вся планета была до странности искажена. На ее поверхности не жил никто, кроме людей — ее питомцев и паразитов. Ни травинки, ни клочка земли нельзя было обнаружить уже в ста милях от императорского дворца. Даже воды за его пределами не было. Ее в огромных цистернах привозили сюда с других планет. Почву Трантора покрывал неподдающийся разрушению и ржавчине металл, и из

него же высились огромные металлические конструкции, опоясывающие всю планету лабиринтом. Внутри помещения соединялись переходами, коридорами, а в стенах торчали дыры тоннелей. Огромные конторы занимали целые квадратные мили металлического пространства, рестораны и увеселительные учреждения вспыхивали огнями каждый вечер. Человек мог обойти планету Трантор, так никогда и не выходя на поверхность.

Целые флотилии звездолетов, превышающие весь звездный флот, когда-либо сооруженный Трантором, поставляли на планету свои грузы

каждый день, чтобы прокормить сорок триллионов человек, ничего не делавших, а только занимавшихся распутыванием нитей наиболее сложного управления, которое когда-либо знало человечество. Двадцать сельскохозяйственных планет снабжали Трантор. Вселенная была его слугой...

Крепко стиснутый с боков гигантскими металлическими руками торговый корабль Деверса был мягко посажен на поверхность. Через некоторое время Деверс уже смог пробить себе путь среди сложностей всяких бумажно-административных дел. Сначала их остановили в космосе, где первый из

ста последующих служащих задал им множество вопросов. Затем шла перепроверка, в которой было занято не менее людей. Потом фотографировали корабль, снимали и анализировали характеристики прибывших на Транртор, делали записи на магнитофон, обыскивали на контрабанду, наконец взяли налог на право посещения планеты и потребовали паспорта и въездные визы. В результате всех процедур разрешение на въезд было получено, правда, только для Дучема Бара, являвшегося сивеннцем и подданным Империи. Торговец оказался личностью темной и без документов, и служащий допрашивавший их,

выразил огромное сожаление, что Деверсу нельзя будет попасть на планету, даже более того, его придется задержать для официального допроса. Тогда и появилась, поменяв хозяина, хрустящая сотенная бумажка, гарантированная поместьями лорда Бродриха. Служащий зашипел важно, как гусь, но его сожаления на этом кончились. Невесть откуда появился новый чистый бланк, который был заполнен быстро и со знанием дела: с полными характеристиками и описанием Деверса.

Торговец и патриций наконец попали на Трантор.

В ангаре торговый корабль все

еще фотографировали, записывали, обыскивали, проверяли еще раз фамилии и документы пассажиров, за что была снова уплачена довольно большая сумма денег и взамен получена расписка. А затем Деверс очутился на большой террасе под сверкающим белым солнцем среди болтающих женщин, визжащих детей и мужчин, которые неторопливо выпивали и смотрели на огромные экраны телевизоров, транслировавших последние новости Империи. Бар заплатил необходимое количество монет из иридия, купив толстую газету, — транторский выпуск «Имперских новостей» — официальный орган правительства.

Где-то рядом раздавался мягкий шум печатающих машин, выпускавших дополнительные тиражи газет, которых за день, в общей сложности, выходило в свет до десяти миллионов.

Бар быстро проглядел заголовки и обратился к торговцу:

— Ну, с чего начнем?

Деверс попытался стряхнуть охватившее его оцепенение. Он находился в мире, абсолютно не похожем на его собственный, среди людей, которые были ему непонятны, их незнакомый язык создавал ненужные проблемы и угнетал. Вокруг сверкали металлические башни, уходившие своими

вершинами за горизонт, тем самым производя на Деверса тягостное впечатление. Да и вся эта деловая торопливая жизнь мирового мегаполиса повергала его в ужасное чувство одиночества и заставляла ощущать себя маленьким и ничтожным.

— Лучше, если вы будете действовать по своему усмотрению, доктор.

Бар заговорил спокойно и тихо:

— Я предупреждал вас, но в это трудно было поверить, пока вы не убедились во всем сами. Знаете, сколько людей хотят видеть императора ежедневно? Около одного миллиона. А сколько он

принимает? Около десяти. Нам придется обратиться в гражданскую службу с просьбой об аудиенции, а это очень сложно, но мы не можем действовать через аристократию.

— У нас почти сто тысяч.

— Один-единственный пэр Империи обойдется нам во столько же, а чтобы попасть к императору, надо подкупить человек пять. Того же самого можно добиться и через пятьдесят комиссаров и старших супервизоров, и они, возможно, будут стоить не больше сотни каждый. Говорить буду я. Во-первых, они не поймут вашего акцента, а во-вторых, вы не знаете этикета имперского подкупа. Уверяю вас, это большое

искусство! Ах!

На третьей стороне «Имперских новостей» он нашел то, что искал, и протянул газету Деверсу. Тот медленно прочитал. Слова казались ему странными, но он все понял. Взглянув на Бара потемневшими глазами, Деверс ударил по газете кулаком.

— Вы думаете, этому вообще можно верить?

— В определенных пределах, — спокойно ответил Бар. — Конечно, невероятно, чтобы весь космический флот Основания был уничтожен. Думаю, что подобное сообщение уже не раз печаталось в столичной газете, достаточно удаленной от фронта

военных действий. Однако, думаю, Риоз выиграл еще одно сражение, чего и следовало ожидать. Тут еще сказано, что он захватил Лорис. Это столичная планета королевства Лорис?

— Да, — мрачно ответил Деверс, — вернее, было королевством Лорис. Это не далее чем в 20 парсеках от Основания. Нам нужно спешить.

Бар пожал плечами.

— Спешить на Транторе невозможно. Если вы попытаетесь, то очень быстро окажетесь под дулами бластеров.

— Сколько времени у нас все это займет?

— Если повезет — не более месяца. Это хорошо: один месяц и наши сто тысяч, если их, конечно, хватит. А вдруг императору взбредет в голову отправиться на другие планеты в свою летнюю резиденцию, где он вообще никого не принимает?

— Но Основание...

— Позаботится само о себе, как и раньше. Бросьте, и давайте лучше пообедаем, я голоден. А потом весь вечер принадлежит нам, и мы его можем использовать как угодно. Вряд ли когда-нибудь еще представится возможность увидеть Трантор или мир, подобный ему.

Представитель внутренних провинций на Транторе беспомощно

развел руками и устоялся на просителей, словно близорукая сова.

— Но император нездоров, господа. И передавать ваше дело моему начальнику просто бесполезно. Его императорское величество уже неделю никого не принимает.

— Нас он примет, — ответил Бар голосом, в котором прозвучала твердая уверенность.

— Невероятно, — выразительно ответил представитель. — Одна такая попытка будет стоить мне работы. Хотя если бы вы объяснили мне суть вашего дела... Поймите, я хочу знать немного, чтобы представить причину моему

начальнику в более выгодном свете и продвинуть ваше дело дальше.

— Если бы существо моего дела было таково, что я мог бы ознакомить с ним только вашего начальника, то я не просил бы аудиенции у его величества. Я хочу предложить рискнуть. А если его величество найдет дело важным, а мы гарантируем, что оно таковым и будет, то вы получите возможные за это почести и награды.

— Да, но... — представитель пожал плечами и замолчал.

— Это риск, — согласился Бар. — И, естественно, каждый риск требует компенсации. Мы, конечно, просим у вас огромного одолжения и

искренне признательны вам за вашу доброту, за то, что вы согласились выслушать нас. И, если только разрешите выразить вам нашу признательность, вот...

Деверс взвыл в душе. Он слышал такую речь уже раз двадцать на протяжении всего месяца. Кончалась она, как обычно, хрустом денежных знаков. Но сейчас почему-то происходило не так. Обычно деньги исчезали мгновенно, теперь эти деньги оставались лежать на столе, и представитель тщательно пересчитывал вертя и осматривая каждую бумажку.

В его голосе появилась новая, очень странная интонация.

— Обеспечены личным секретарем. Хорошие деньги!

— Давайте вернемся к нашему делу, — поторопил Бар.

— Нет-нет, подождите, — прервал его представитель, — давайте по порядку. Я, действительно, хочу знать, в чем заключается ваше дело. Эти деньги новые и свежие. И у вас, действительно, важное дело. Но мне теперь кажется, что до меня вы уже виделись с другими служащими. Ну, я вас слушаю, говорите.

— Я не понимаю, к чему вы клоните, — ответил Бар.

— Ну, видите ли, например, можно доказать, что вы находитесь

на планете нелегально, так как ваши документы и въездная виза вашего молчаливого друга вне всякого сомнения неадекватны. Он не подданный императора.

— Я это отрицаю.

— Неважно, отрицаете вы это или нет, — с внезапной резкостью ответил представитель. — Личный служащий, подписавший его документы и получивший за это сотню кредиток, сознался во всем, и мы знаем больше, чем вы думаете.

— Если вы намекаете, сэр, что сумма, которую мы вам предложили, недостаточна, а риск слишком велик...

Представитель улыбнулся.

— Напротив, денег более чем достаточно.

Он отбросил кредитки в сторону и встал.

— Вернемся к тому, о чем я вам говорил: вашим делом заинтересовался сам император. Разве это не правда, что вы недавно были гостями Бель Риоза? А потом совершили побег из самой гущи его армии с удивительной легкостью? Разве не правда, что у вас есть хорошая сумма денег, обеспеченных поместьями Бродриха? Короче, разве не правда, что вы оба шпионы и убийцы, посланные сюда, чтобы... Ну, вы сами мне скажете, за что он вам заплатил?

— Я отрицаю право какого-то там представителя, — с нарочитой злостью сказал Бар, — обвинять нас в преступлениях. Мы пойдем.

— Никуда вы не пойдете.

Представитель поднялся на ноги, и глаза его больше не казались близорукими.

— Можете не отвечать мне сейчас, дело терпит, не ответите сами — заставим. Да я и не представитель внутренних планет. Я лейтенант имперской гвардии. Вы арестованы.

Он улыбнулся, и в руке у него появился сверкающий бластер.

— Куда более высокопоставленные люди находятся

сейчас под арестом, и мы вычистим ваше осиное гнездо.

Деверс осклабился и медленно потянулся за бластером. Лейтенант гвардии улыбнулся и нажал на курок. Лазерный луч уперся Деверсу прямо в грудь, уткнулся в нее и пошел в сторону, рассыпаясь искрами.

Деверс выстрелил в ответ, и у лейтенанта голова отделилась от тела, еще продолжая улыбаться, освещенная солнечными лучами, проникавшими из дыры в стене, которую проделал все тот же бластер.

Вышли они через задний ход.

Деверс хрипло сказал:

— На звездолет, быстро. Они поднимут тревогу, так что мы даже и

опомниться не успеем.

Он шепотом выругался.

— Вот и еще один шанс полетел к чертям. Если бы я был суеверен, то поклялся бы, что меня преследует сам космический дух.

На улице они обратили внимание, что народ перед телевизионными экранами собирался толпами. Но им некогда было ждать, а те бессвязные слова, которые до них долетали, трудно было разобрать. Бар умудрился захватить последний выпуск «Имперских новостей», и они ворвались в ангар. — Думаете, мы сможем удрать? — спросил патриций.

Звездолеты космической полиции кинулись вдогонку за нарушившим все космические законы кораблем, который вышел из направленного радиолуча и побил все рекорды скорости. Еще дальше Трантора поднимались звездолеты Космической Службы Безопасности вдогонку за двумя убийцами.

— Держитесь, — сказал Деверс, посылая корабль в сверхпространство в двух тысячах миль от поверхности Трантора. Переход в такой близости к планетной массе означал беспамятство для Бара и ужасную боль для Деверса, но выхода не было,

а дальше космическое пространство было свободным.

Деверс гордился своим кораблем и сейчас не мог сдержать переполнявших его чувств:

— Во всей Великой Галактике нет космического корабля, который мог бы меня догнать.

А затем с горечью добавил:

— Но нам некуда стало бежать, не можем же мы одни противоборствовать всей их силе. Что нам остается? Что мы вообще можем сделать?

Бар слабо зашевелился в своем кресле. Он был еще очень плох после прыжка в сверхпространство, все мускулы его отчаянно болели.

— Теперь уже ничего не надо делать, — прошептал он. — Все кончилось. Посмотрите.

Бар протянул Деверсу выпуск «Имперских новостей», и одних заголовков оказалось для торговца достаточно.

— Отозваны и арестованы Риоз и Бродрих, — Деверс непонимающе смотрел на Бара. — Но почему?

— Об этом в газетах ничего не пишут. Но имеет ли это какое-нибудь значение? Война с Основанием закончилась, и в настоящий момент вся Сивенна зажглась огнем революции. Прочтите здесь и все сами узнаете.

Его голос все слабел и слабел.

— Нам придется залететь в провинции и детальнее узнать, как все было на самом деле. А сейчас, если вы не возражаете, я отдохну.

И он заснул.

Все более увеличивающимися прыжками торговый корабль пронизывал пространство, взяв курс на Основание.

10. Конец войне

Латан Деверс чувствовал смутное сожаление и все возраставшее внутреннее беспокойство. Он получил все почести, которые ему полагались, и стойко выдержал длинную речь мэра, за которой последовало награждение Алой лентой. На этом церемония закончилась, но, естественно, остались некоторые формальности, задержавшие его. И он теперь только и мечтал, чтобы поскорее очутиться в объятиях открытого космоса.

Сивеннская делегация во главе с величественным Дучемом Баром подписала Конвенцию, и Сивенна

стала первой провинцией, политически свободной от Империи, и перешла к экономическим преобразованиям, как на Основании.

Пять имперских звездолетов, захваченных в плен, когда на Сивенне поднялось восстание, сверкали где-то далеко наверху своими металлическими боками и, пролетая над городом, громыхали залпами праздничного салюта.

Все соблюдали этикет, пили коктейли и негромко разговаривали.

Деверса окликнул чей-то голос, как оказалось, принадлежавший Фореллу.

Да, тот самый Форелл, который десяток таких, как Деверс, мог

купить с потрохами за одну только утреннюю выручку, сейчас, почти как равного, игриво манил к себе пальцем. Форелл сидел на балконе, и Деверс вышел к нему, подставляя лицо прохладному ночному ветру и низко кланяясь, при этом ворча что-то себе в бороду. Бар находился рядом.

— Деверс, — торжественно произнес магнат Основания. — Вам придется прийти мне на выручку. Меня обвинили в скромности, ужасном и совершенно неестественном преступлении.

Разговаривая, Форелл вынул толстую сигару изо рта.

— Лорд Бар утверждает, будто

ваш визит в столицу Калеона не имеет ничего общего с тем, что Риоза отозвали.

— И он прав, сэр.

Деверс был холоден.

— Мы так и не повидали императора. Из газет, которые мы привезли, захватив на обратном пути, мы узнали о процессе по делу Риоза и Бродриха. И нам стало ясно, что это состряпанная фальшивка. При дворе ходило много слухов о губительных интересах генерала.

— А он был невиновен?

— Риоз? — вмешался Бар. — Да. Клянусь самой Галактикой! Бродрих был предателем по большому счету, но он никогда не

делал того, в чем его обвинили. Это самый обычный юридический фарс, неизбежный и рассчитанный до мелочей.

— Вы имеете в виду психоисторическую неизбежность? — пробормотал Форелл, перекатывая эту фразу во рту, как будто ему часто приходилось ее повторять.

— Вот именно, — Бар стал серьезен.

— Это не доходило до меня раньше, но, когда все закончилось и я смог, как бы лучше сказать, просмотреть ответы в конце задачника, вся проблема стала ясной. Теперь уже можно объяснить, почему

социологическое происхождение Империи делает для нее невозможной победу в захватнических войнах. При сильных императорах она застывает в параличе и политические взрывы на миг прекращаются, но прекращается и дальнейшее ее развитие.

Между двумя затяжками сигары Форелл протянул:

— Вы говорите не совсем понятно, лорд Бар.

Бар медленно улыбнулся.

— Думаю, вы правы. А все потому, что я не настоящий ученый-психоисторик. Слова — плохая замена математическим уравнениям. Но дайте мне подумать.

Бар задумался, Форелл откинулся на перила балкона, а Деверс взглянул на бархатное небо и мечтательно подумал о Транторе.

Но вот Бар продолжил:

— Видите ли, сэр, и вы, Деверс, все думали, что победить Империю можно, разъединив императора со своими генералами. Вы и Деверс, как и все остальные, правы, но только относительно первопричины. Однако вы ошибались, когда считали, что такого разъединения можно достигнуть индивидуальными действиями. Вы лгали и пытались совершать подкупы. Вы думали о тщеславии и страхе. Но за все это вы ровным счетом ничего не получили.

Кроме того, с каждой попыткой дела принимали все более серьезный оборот. И через все ваши бури в стакане воды сэлдоновская волна прибоя двигалась медленно и неумолимо, но неизбежно.

— Всеми нами, — продолжал Бар, отвернувшись и глядя на огни города, — двигала мертвая рука Хари Сэлдона: и могущественным императором, и великим генералом, моим миром и вашим.

Хари Сэлдон знал, что такой человек, как Риоз, непременно проиграет, потому что именно успех и принес ему поражение.

— Не могу сказать, что мне все стало ясно, — сухо произнес Форелл.

— Одну секунду, —
неторопливо прервал его Бар. —
Попробуйте понять положение
вещей. Слабый генерал не
представлял бы для нас никакой
опасности, это очевидно. Сильный
генерал при слабом императоре тоже
не был бы опасен, потому что
направил бы свои таланты на куда
более выгодный для него объект.
Опыт двухсот лет Империи показал,
что три четверти всех императоров
были раньше генералами или
революционными наместниками.
Следовательно, только при сильном
императоре сильный генерал мог
грозить Основанию, потому что
сильного императора не так легко

сместить с трона и сильному генералу приходится завоевывать себе славу на периферии Галактики. Но что делает императора сильным? Почему сильным оказался Калеон? Это очевидно. Он будет силен, если не допустит сильного подчинения. Слишком богатый придворный и слишком популярный генерал одинаково опасны. Вся предыдущая история Империи говорит об этом императору, и если он достаточно умен, то будет сильным.

— Риоз выигрывал одно сражение за другим, и император стал подозрительным. События прошлых времен заставляли его быть таким. Как? Риоз остался

неподкупным?! Очень странно! Значит, у него какие-то свои планы. Как? И его самый доверенный придворный благоволит к Риозу? Очень подозрительно! Значит, и у него свои соображения. И подозрительными были отнюдь не индивидуальные поступки. Неважно, кто и что совершал. Поэтому и наши попытки оказались ненужными и тщетными. Подозрителен был сам факт УСПЕХА Риоза. И он был отозван, обвинен, проклят и предан смертной казни. Основание вновь побеждает. Не было и не будет такой комбинации, при которой Основание проиграло бы. Его победа была неизбежной: что бы ни делали мы и

что бы ни делал Риоз.

Магнат Основания задумчиво кивнул головой.

— Да! А если бы император и генерал Империи был одним и тем же лицом? А? Такого случая вы не рассматривали? Интересно послушать.

Бар пожал плечами.

— Я вообще ничего не могу доказать. Я не владею математическим аппаратом. Но я взываю к вашему рассудку. Любой аристократ, просто сильный человек, любой пират мечтает о троне. Что случится даже с сильным императором, который решится вести войну на самом конце

Галактики? Долго ли ему придется оставаться вдалеке от столицы? До тех пор, пока кто-нибудь не поднимет восстание и не заставит его вернуться домой. Социальная структура Империи быстро к этому приводит. Когда-то я сказал Риозу, что даже вся мощь Империи не сможет отклонить в сторону мертвую руку Хари Сэлдона.

— Прекрасно! Прекрасно!

Форелл даже запыхтел от удовольствия.

— Значит, вы предрекаете, что Империя больше никогда не сможет угрожать нам?

— Мне так кажется, — согласился Бар. — Честно говоря,

Калеон II может и не дожить до конца этого года, тогда начнется драка за трон, которая будет, скорее всего, последней гражданской войной в Империи.

— Значит, — резюмировал Форелл, — у нас не остается больше внешних врагов.

Бар задумался.

— Существует и Второе Основание.

— На другом конце Галактики. Должно пройти еще много веков...

При этих словах Форелла Деверс внезапно повернулся и очень неприязненно посмотрел на магната Основания.

— Не забывайте, что всегда

находятся внутренние враги.

— Вот как? — холодно спросил Форелл. — Какие же?

— Какие? Те, которые любят наживать деньги и держать их подальше от рук, что эти деньги заработали. Вы меня поняли?

Очень долго смотрел Форелл в глаза Деверсу, и неприязнь стала взаимной.

Часть вторая. Мул

1. Муж и жена

Галактическая история знала о «Муле» меньше, чем о любом другом более или менее важном человеке во всей Галактике. Его настоящее имя неизвестно, о его детстве ходили всякие необоснованные слухи. Даже в зените его славы судьбу Мула можно было проследить только глазами его противников и, в основном, молодой жены...

*Галактическая
Энциклопедия.*

Первое впечатление Бейты от Убежища было не самым лучшим. Эту планету показал ей муж, когда до нее было еще очень далеко. Казалось, будто затерялась она за последним звездным скоплением на самом краю Галактики. Тусклой и невзрачной выглядела она даже на фоне блеклого звездного неба. Вот в такое непривлекательное далекое место несла их судьба.

Торан прекрасно все понимал и боялся сравнивать Убежище с теми мирами, на которых они были сразу после свадьбы. Но и ничего не сказать он тоже не мог.

— Я знаю, Бей, такая перемена места не очень-то приятна. Привезти

тебя сюда сразу после Основания... Наверное, я совершил опрометчивый поступок.

— Да, это ужасная перемена, Торан. Мне просто не следовало выходить за тебя замуж.

И когда его лицо мгновенно помрачнело, прежде чем он успел взять себя в руки, она заговорила своим особенным, мурлыкающим голосом:

— Ну, что же ты, глупышка!? Теперь тебе только и остается, скривив рот, посмотреть умирающим взглядом и заплакать на моем плече, а мне придется гладить твои волосы, в которых полно статического электричества. Ты ведь меня

испытывал, верно? Ты ожидал, что я скажу что-то вроде: «я буду счастлива с тобой повсюду, Торан», или «межзвездные глубины будут нашим домом, лишь бы в них находились ты и я!» Ну-ка, признавайся!

Она наставила на него палец, как бластер, но быстро отдернула, а то бы он вцепился в него зубами.

— Если я сдамся, — ответил Торан, — и признаю, что ты была права, то приготовишь обед?

Бейта сосредоточенно кивнула, и он улыбнулся, глядя на нее и любуясь ею.

Бейта не была красавицей. Торан это охотно признавал. Но ею можно было бесконечно любоваться.

Ее темными блестящими волосами, прямым, несколько великоватым ртом, шелковистыми черными бровями, красиво изгибавшимися и выгодно оттенявшими белый чистый лоб, теплыми вишневыми глаз, которые умели одарить нежной и доброй улыбкой.

А ее ум, деловитость, иногда резкость скрывали нечто мягкое, женственное, чего нельзя было видеть постоянно, но можно было пробуждать иногда, если знать как.

Торан думал о Бейте и вертел рукоятки на пульте управления, но в последнем не было нужды, и он решил, что пора отдохнуть. Оставался один межзвездный

прыжок, а потом еще несколько микропарсеков, прежде чем потребуется ручное управление. Он откинулся в кресле и принялся глядеть в другую каюту на Бейту, достававшую контейнеры с пищей. В его отношении к Бейте было нечто эгоистическое. Казалось, он испытывал чувство удовлетворения после победы над собственным комплексом неполноценности. Ведь он был всего провинциалом и даже, более того, сыном ренегата-торговца. А она — с самого Основания и не просто с Основания, а могла проследить свою родословную до Хобера Мэллоу. И где-то в глубине души он волновался за их будущее.

Да, забрать ее на Убежище — скалистый мир, где города строились в пещерах, — само по себе нехорошо. А поставить ее перед лицом традиционной ненависти торговцев к Основанию — еще хуже. И все же после ужина — последний прыжок.

Убежище сверкало злым красным светом. Вторая планета системы была окружена атмосферой более приятной окраски; розовой — с одной стороны и темной — с другой.

Бейта наклонилась над большим телевизионным экраном, на котором паутиной тянулись нити к Убежищу-П. С показной храбростью она произнесла:

— Лучше бы я встретила твоего отца до этого. Если я ему не понравлюсь...

— Тогда, — констатируя факт, сказал Торан, — ты будешь первой хорошенькой девушкой, которая ему не понравилась. Прежде чем он потерял руку и перестал шляться по всей Галактике, он... Но если ты сама спросишь его об этом, он не умолкнет до тех пор, пока звезд не останется на небе. Со временем я стал считать, что отец все выдумывает: каждый раз он рассказывает свои приключения по-новому.

Убежище-II приближалось к ним со сказочной быстротой. Внизу

промелькнуло небольшое море, казавшееся серым в наступивших сумерках, промелькнуло и исчезло за сгустившимися облаками. Вдоль побережья вздымались горы. Море показалось еще раз, снова появились и скрылись за горизонтом ледяные поля.

Торан поморщился от резкой перегрузки.

— Твой скафандр закрыт?

Круглое лицо Бейты было красным в обтягивающем кожу с внутренним обогревом скафандре.

Корабль быстро опустился на открытое поле неподалеку от плато. Они неуклюже вылезли в темноту галактической ночи, и Бейта

вскрикнула, вдруг почувствовав, как холодный ветер пронизывает ее насквозь. Торан схватил ее за руку, и они побежали по гладкой поверхности поля к электрическому свету, сверкающему в отдалении.

К ним приблизилась охрана, встретила их на полпути, и после негромкого обмена какими-то словами их повели вперед. Ворота в скале открылись, сразу же закрывшись за ними. Тотчас стало теплее. Помещение, в которое они попали, освещалось светом, идущим от стен, и весь воздух был наполнен каким-то странным жужжанием. Люди, сидевшие за столами, подняли головы на вновь вошедших, Торан

предъявил документы.

После беглого ознакомления с бумагами их пропустили, и Торан прошептал своей жене:

— Наверное, отец устроил все формальности. Обычно здесь приходилось ждать по пять часов.

Когда они вышли на открытое пространство, Бейта неожиданно вскрикнула:

— О, господи! Какая красота!

Город в пещере был залит ярким дневным светом — белым светом молодого солнца, к сожалению, ненастоящего. То, что заменяло небо, сверкало так, что на него невозможно было смотреть. Теплый воздух был наполнен запахом зелени.

— Как красиво, Торан, —
восхищалась увиденным Бейта.

Довольный Торан взволнованно
усмехнулся.

— Видишь ли, Бей, это, конечно,
нельзя сравнить с Основанием, Но
мы в самом большом городе на
Убежище-II — двадцать тысяч
человек населения! — и тебе
понравится. Здесь, правда, нет
никаких увеселительных заведений,
но нет и полиции.

— Ох, Торан, этот город словно
игрушечный. Он весь белый и
розовый, и такой чистый...

— Да, Бей.

Торан вместе с ней стал
смотреть на город. Большинство

домов были двухэтажными, сделанными из камня, неизбежного на этой планете. Не хватало башен Основания и огромных домов-комунн старых королевств. Но небольшие размеры подчеркивали индивидуальность, реликвию частной инициативы в Галактике, перенаселенной людьми.

Внезапно Торан вздрогнул:

— Бей, смотри, отец! Вон там, смотри, куда я показываю, глупышка! Неужели не видишь?

Она присмотрелась и увидела большого человека, отчаянно машущего им своей единственной рукой с растопыренными пальцами. Громовой раскат его голоса

докатился до их ушей. Бейта торопливо пошла за мужем, побежавшим по лужайке. Она увидела еще одного человека, маленького роста и седого, выглядывавшего из-за спины однорукого гиганта, который все еще кричал и махал рукой. Бейта еле поспевала за Тораном, продолжавшим бежать и объяснявшим ей на ходу:

— Это двоюродный брат моего отца. Тот самый, который был на Основании, помнишь, я говорил тебе о нем.

Они встретились на травянистой лужайке, и отец Торана издал очередной крик радости, одернул

свою куртку и поправил красивый металлический пояс — единственный предмет роскоши. Он все еще немного задыхался и, прежде чем заговорить, пытался рассмотреть молодых людей. Наконец он произнес:

— В неважный день ты вернулся домой, сын мой.

— Что? Ох, да ведь сегодня День рождения Сэлдона, правильно?

— Правильно. Мне пришлось арендовать автомобиль, чтобы добраться сюда. А Ренду не хотел меня везти, так я чуть не приставил нож к его горлу.

Взгляд отца остановился на Бейте, он смотрел на нее и не мог

оторвать глаз, потом мягко сказал:

— У меня есть ваша объемная фотография, и она казалась мне хорошей, но теперь я вижу, что снимал ее любитель.

Он вынул из кармана маленький прозрачный кубик — миниатюрное фото, и все увидели смеющуюся Бейту.

Глядя на не самое лучшее свое изображение, Бейта смутилась.

— Ах, эта карикатура, — сказала она. — Интересно, зачем Торан послал ее? Мне только остается удивляться, что вы подпустили меня близко, сэр.

— А сейчас вы тоже удивлены? Зовите меня просто Франк. Мне все

эти праздники не по нутру. Возьмите меня лучше под руку, и пойдем к машине. До сих пор я думал, что мой мальчик знает, чего он хочет. Теперь я переменю свое мнение. Мне придется это сделать.

Торан тихо спросил у своего дяди:

— Как поживает отец? Все так же кокетничает с женщинами напропалую?

Ренду улыбнулся, и все лицо его посветлело:

— Когда ему предоставляется такая возможность, Торан, и только. Правда, бывают минуты, он вспоминает, что в следующий день рождения ему исполняется

шестьдесят, и тогда это немного охлаждает его пыл. Но он быстро об этом забывает и вновь становится самим собой. Твой отец — торговец старой закалки. А где это ты умудрился найти такую хорошенькую жену?

Племянник улыбнулся и скрестил руки.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе историю трех последних лет в двух словах, дядя?

В небольшой гостинной отцовского дома Бейта сняла плащ с капюшоном и тряхнула волосами, расправляя их. Уселась, положив ногу на ногу, и, ничуть не смущаясь, ответила спокойным взглядом на

оценивающий взгляд этого большого человека.

— Я знаю, о чем вы пытаетесь догадаться, — сказала она. — Так я помогу вам. Возраст — 24 года, рост — пять футов четыре дюйма, вес — пятьдесят пять килограммов, образование — историк.

Бейта успела заметить, что отец всегда старается сидеть или стоять боком, пытаясь скрыть отсутствие руки. И сейчас он наклонился к ней боком:

— Раз уж вы об этом сами заговорили, то вес — шестьдесят пять килограммов.

Она покраснела, а он громко рассмеялся. Затем сказал, ни к кому

конкретно не обращаясь:

— Всегда можно определить вес женщины по толщине ее предплечья, если, конечно, есть опыт. Хотите выпить, Бей?

— И выпить тоже, — они вышли из гостиной, а Торан в это время внимательно рассматривал книжные полки, заметив, что их прибавилось.

Фрэнк вернулся один и сказал:

— Она придет позже...

Затем тяжело опустился в кресло и положил свою негнущуюся ногу на стол, стоявший рядом. Веселое выражение пропало с его лица. Торан повернулся и посмотрел на отца.

— Ну что же, мой мальчик, —

сказал Франк. — Вот ты и вернулся, я рад. И мне нравится Бейта. Она не какая-нибудь финтифлюшка.

— Она моя жена, — просто ответил Торан.

— А это уже совсем другое дело, мой мальчик. — Глаза его потемнели. — Глупо так связывать себя. За всю свою долгую и богатую опытом жизнь я не рискнул сделать такой шаг.

Спокойно стоявший в углу комнаты Ренду прервал его:

— Послушай, Франсарт, что за глупые сравнения. Шесть лет назад ты потерпел аварию. И поэтому сидишь на месте, а до тех пор ты просто не имел времени и

возможности обеспечить себе женатую жизнь. Но хотелось бы знать, какая женщина вышла бы за тебя замуж?

— Многие, а ты, грязный старый...

Торан тактично вмешался, стараясь быстрее сменить тему разговора:

— Но ведь это простая формальность, отец. К тому же семейная жизнь имеет свои удобства.

— В основном для женщин, — проворчал Франк.

— А даже если и так, — вновь встрял в спор Ренду, — пусть решает мальчик. Это его дело. Бракосочетание — старинный

обычай среди народа на Основании.

— Народ Основания еще не пример для подражания, — не унимался Франк.

Торан заметил:

— Бейта тоже с Основания.

Он перевел взгляд с отца на дядю и спокойно продолжил:

— Она идет.

После ужина беседа приняла более общий характер, а Франк сдобрил ее тремя рассказами о своих давних приключениях, в которых было море крови, много женщин, удачных сделок и, главное, хвастовства.

В комнате был включен портативный телевизор, шла какая-то

драма, в которой разговаривали трагическим шепотом. Ренду устроился на низкой кушетке поудобнее, со своей неизменной трубкой, сквозь клубы дыма внимательно наблюдая за Бейтой, прикорнувшей на мягкой меховой шкуре, которую привезли давным-давно из очередного торгового вояжа и расстилали только в особо торжественных случаях.

— Ты изучала историю, девочка? — спросил Ренду приятным голосом.

Бейта кивнула головой.

— Учителя были от меня в отчаянии, но все же я кое-что установила для себя.

— Степень ученого, — быстро вставил Торан, — какие пустяки.

— И что же ты узнала? — мягко продолжал Ренду.

— Как? Вот так прямо взять и рассказать все?

Старик нежно улыбнулся.

— Ну, хотя бы, что ты думаешь о положении в Галактике?

— Я думаю, — серьезно сказала Бейта, — что приближается очередной кризис Сэлдона, и, если его не произойдет, тогда конец всему Сэлдоновскому Плану. Ничего не выйдет.

— Фью-у, — пробормотал Франк из угла. — Что за манера говорить так о Сэлдоне?

Но громко он ничего не сказал. Ренду задумчиво сосал мундштук своей трубки.

— Вот как? Почему же ты так думаешь? В молодости я был когда-то на Основании, в то время моя голова тоже была полна всяких драматических мыслей. Но все-таки почему ты так говоришь?

— Ну что же, — Бейта задумалась, на минуту прикрыв глаза. Сидя в кресле, она сжимала и разжимала пальцы своих длинных ног, вдавливая их в нежную мягкость мехового ковра. Подбородок лежал на ее пухлой руке.

— Мне кажется, самое главное в Плане Сэлдона то, что он хотел

сделать наш мир лучше, чем тот был во времена Галактической Империи. А этот мир развалился на части триста лет назад, когда Сэлдон организовывал Основание, и, если историкам можно верить, развалился от инерции деспотизма, от неправильного распределения товаров во Вселенной.

Ренду медленно кивнул. Торан сейчас гордился своей женой и смотрел на нее сияющими глазами, а Франк в углу причмокнул губами и налил себе еще бокал вина.

— Если рассказы о Сэлдоне верны, — продолжала Бейта, — значит, ученый предвидел полный упадок Империи, согласно законам

психоистории, и в состоянии был просчитать, что должно пройти тридцать тысяч лет варварства, прежде чем новая Вторая Империя снова восстановит культуру человечества. Целью всей его жизни было желание сделать этот срок как можно меньшим.

Из угла послышался глубокий голос Франка:

— И потому он организовал два Основания, честь ему и хвала.

— И потому он создал два Основания, — подхватила Бейта. — Наше Основание было местом для ученых из умирающей Империи, которые хотели сохранить свет знаний и науки для грядущих

поколений. И расположение Основания в космосе, и его историческое значение были таковы, что гений Сэлдона рассчитал: не тридцать тысяч лет, а всего тысяча потребуется для возникновения Второй Империи.

Наступила минутная тишина. Девушка мягко продолжала:

— Это старая история. Все мы ее знаем. Вот уже почти триста лет, как на Основании ее знают даже дети. Но я решила, что лучше будет, если я ее быстро повторю хотя бы в общих чертах. Сегодня День рождения Сэлдона, и это то общее, что связывает Основание и Убежище.

Она медленно закурила сигарету

и посмотрела на огонек отсутствующим взглядом.

— Законы истории так же абсолютны, как и законы физики, и если вероятность ошибки больше, то это только потому, что история имеет дело с огромным количеством людей и любое индивидуальное отклонение может сыграть свою роль. За тысячу лет роста Второй Империи Сэлдон предсказал ряд кризисов, каждый из которых отмечал новый поворот в истории, вводя ее в рассчитанное русло. Именно эти кризисы и направляли нас. А очередной кризис должен наступить сейчас.

— Сейчас! — с силой повторила

она. — Прошло уже почти сто лет, и каждый порок Империи был повторен на Основании. Инерция! Наш правящий класс признает лишь один закон — никаких перемен. Деспотизм! Они знают лишь одно правило — силу. У них только одно желание — удержать то, что находится в их руках.

— В то время как остальные голодают! — внезапно взревел Франк и что было силы ударил по подлокотнику кресла. — Женщина, твои слова — золото! Жирные денежные тузы разрушат Основание, в то время как храбрые торговцы вынуждены ютиться в жалких мирах, подобных Убежищу. Это презрение к

Сэлдону. Все равно, что ударить его физиономией по столу.

Он высоко поднял руку, лицо его имело мрачный вид.

— Эх, если бы у меня была вторая рука, они выслушали бы меня.

— Отец, — обратился к нему Торан, — не волнуйся.

— Франк — наш современный Латан Деверс, — сказал Ренду, указывая своей трубкой на брата. — Арестованный Денерс умер восемьдесят лет назад на угольных копях вместе с твоим прадедом, потому что у него было большое сердце и добрая душа.

— Да, клянусь Галактикой, я бы сделал то же самое, что и он, —

Франк выругался. — Деверс был самым великим торговцем за всю историю, более великим, чем этот мыльный пузырь Мэллоу, перед которым так все преклоняются на Основании. Если разбойники, что правят Основанием, и убили его, то только потому, что он ратовал за справедливость, и мы обязаны отомстить за него.

— Продолжай, девочка, — поторопил Бейту Ренду. — Продолжай, а то он не остановится и проговорит всю ночь и следующий день.

— Больше мне нечего сказать, — ответила Бейта, внезапно помрачнев, — должен быть кризис,

но лично я не умею его создать. Прогрессивные силы на Основании зажимают как только можно. У вас, торговцев, может, и есть воля, но вас преследуют, и вы не объединены; если бы только все добрые силы на Основании и вне его могли объединиться...

Смех Франка прозвучал издевательски.

— Послушай ее, Ренду, послушай. Добрые силы и вне Основания... Девочка, девочка, на кого ты возлагаешь надежды? На твоём распрекрасном Основании одни держат кнут, а другие позволяют сечь себя, более того, засекают насмерть. Нет ни одного

человека в Галактике, который мог бы сравниться с честным торговцем.

Бейта пыталась что-то возразить, но ее голос потонул в громких фразах Франка. Торан наклонился и закрыл ее рот ладонью.

— Отец, — холодно сказал он, — ты ничего не знаешь об Основании, ты же ведь там никогда не был. Говорю тебе, что там существует подполье, это храбрые и смелые люди. Могу тебе также сказать, что Бейта — одна из них...

— Ну Ладно, ладно, мой мальчик, я никого не хотел обидеть. К чему сердиться.

Он был явно расстроен.

Торан продолжал говорить,

чувствуя, что не может остановиться:

— Беда в том, отец, что у тебя провинциальный взгляд на вещи. Ты думаешь, что если сто тысяч торговцев запрятались в норы на никому не нужной планете у черта на куличках, то они великие люди. Я не спорю, любой налоговый инспектор, который придет получать с вас деньги, никогда не уйдет отсюда живым, но это — дешевый героизм. Что вы будете делать, если Основание пришлет сюда флотилию?

— Мы ее уничтожим, — резко ответил Франк.

— Или вас уничтожат, причем шансов у них гораздо больше. Они превосходят вас численностью

войск, организацией, и когда Основание решит, что ему стоит вами заняться, то ты сразу же почувствуешь это на своей шкуре. Так что лучше искать себе союзников, и если повезет, то и на самом Основании.

— Ренду? — Франк обратился к брату, ощущая себя большим, но беспомощным быком.

Ренду вынул трубку изо рта.

— Мальчик прав, Франк. Перестань кричать и послушай, ведь ты и сам все это прекрасно понимаешь. Конечно, мысли не из приятных, потому ты и пытаешься заглушить их криком. Но все равно никуда от них не денешься. Торан, я

хочу сказать тебе, для чего вообще затеял этот разговор.

Он несколько раз затянулся, потом сунул трубку в основание подноса, подождал бесшумной вспышки и вынул трубку уже прочищенной. Медленными, точными движениями он принялся вновь набивать ее, уминая табак пальцами.

— Эти слова о союзниках на Основании, Торан, — сказал он, — пришились как раз к месту. Недавно нам нанесли два визита налоговые инспекторат. Неприятно то, что второго сопровождал небольшой патрульный корабль. Они приземлились в Глойдер-сити,

оставив нас в покое, для разнообразия, и, естественно, больше не поднялись. Но теперь, уже вне всякого сомнения, придут другие. Твой отец понимает это, Торан, можешь мне поверить.

— Посмотрите на этого ишака. Он, знаешь ли, думает, что Убежище в опасности и мы беспомощны, и твердит одно и то же. Ему так спокойнее. Но стоит ему выговориться и проклясть все на свете, он скоро приходит в себя и становится таким же разумным, как любой из нас.

— Из кого это из нас? — спросила Бейта.

Ренду улыбнулся ей.

— Мы организовали небольшую группу, Бейта, в нашем городе. Пока еще мы ничего полезного не сделали, даже не связались с другими городами, но это всего лишь начало.

— Но для чего?

Ренду покачал головой.

— Мы надеемся на чудо, а сами этого пока не знаем. Мы тоже думаем, что приближается очередной кризис.

Он развел руками.

— Галактика полна обломков старой Империи. Генералы продолжают волноваться. Может быть, один из них будет смелее, как ты считаешь?

Бейта задумалась, потом

решительно затрясла головой, так что волосы рассыпались в разные стороны.

— Нет, на это нельзя надеяться. Нет ни одного генерала который бы не знал, что напасть на Основание — просто самоубийство. Бель Риоз из старой Империи был лучше всех, но он атаковал Основание, чувствуя мощь Галактики за своей спиной, и все равно ему не удалось выиграть и разрушить План Сэлдона. Остался ли хоть один генерал, который этого не знает?

— А что, если мы их воодушевим?

— Чем? Тем, что они сгорят в атомном взрыве? Вряд ли это может

воодушевить?

— Есть тут один из новых. За последний год или два до нас донеслись странные слухи об одном человеке, которого называют Мул.

— Мул? — она задумалась. — Когда-нибудь ты слышал о нем, Тори? Торан покачал головой.

— Кто это? — спросила она Ренду.

— Я не знаю. Но он выигрывает сражения, даже когда выиграть просто невозможно. Может быть, слухи и преувеличены, но все же с ним интересно было бы встретиться. Не каждый человек, обладающий незаурядными способностями и достаточным тщеславием, не верит в

План Сэлдона и законы психоистории. Мы должны приветствовать в нем такое неверие. Он сможет напасть первым.

— И Основание выиграет.

— Да, но необязательно с легкостью. Это и будет тот самый кризис, которым мы воспользуемся, чтобы добиться компромисса с деспотизмом Основания. В самом худшем случае они позабудут о нас надолго, а за это время мы придумаем какой-нибудь другой план.

— Как ты считаешь, Тори?

Торан слабо улыбнулся и смахнул рукой прядь волос со лба.

— Если все так на самом деле,

то повредить это нам не может. Но кто такой Мул? Что ты знаешь о нем, Ренду?

— Пока еще ничего. Тут мы могли бы использовать тебя, Торан. Твою жену тоже, если она согласится. Мы обговорили с твоим отцом все очень тщательно.

— Что ты имеешь в виду, Ренду? Чего ты хочешь от нас?

— У вас был медовый месяц?

— Да, если можно назвать медовым месяцем путешествие с Основания на Убежище.

— Тогда не хочешь ли ты его провести на Калгане? Это субтропическая планета: пляжи, водный спорт, охота на птиц —

прекрасное место отдыха. И всего лишь в семи парсеках отсюда — не так далеко.

— Что нам делать на Калгане?

— Там Мул. По-крайней мере, его люди. Мул взял Калган в прошлом месяце, причем без битвы, хотя наместник Калгана выступил с угрозой превратить планету в ионную пыль, но не отдать врагу.

— И где этот наместник сейчас?

— Его нет, — ответил Ренду, пожимая плечами. — Так что ты на это скажешь?

— Но что нам там делать?

— Понятия не имею. Мы с Франком старые — мы провинциалы. Все торговцы Убежища —

провинциалы. Ты сам об этом говоришь. Торгуем мы очень ограниченно и давно уже не те умельцы, какими были наши предки. Заткнись, Франк. А вы оба знаете Галактику. В особенности Бейта, которая говорит с приятным акцентом Основания. Мы просто хотим, чтобы вы выяснили все, что возможно будет сделать. Если бы вы смогли добиться свидания... Но на это мы не надеемся. Вы, конечно, встретитесь с нашей группой, если хотите. Но только не раньше следующей недели. Передохните сначала.

Наступило молчание, потом Франк проревел:

— Кто хочет еще выпить? Я
имею в виду, кроме меня?

2. Капитан и мэр

Капитан Ган Притчер не привык к роскоши, окружающей его, она его ничуть не впечатляла. Он взял себе за правило отмечать всякие самокопания, философию и метафизику, которые не были прямо связаны с его профессией. И это помогало в работе, которая в основном заключалась в том, что военный департамент назывался «разведкой», умудренные люди были «добыванием сведений», а люди неромантичные — «шпионажем». И, к сожалению, несмотря на захватывающие передачи по телевидению, «разведка»,

«добывание сведений» и «шпионаж» были работой скучной и погрязшей в рутине. Такая работа, конечно, извинялась обществом, потому что она была в интересах государства, но так как философские размышления всегда приводили капитана Притчера к выводу, что соблюдение этих интересов успокаивало общество больше, чем его собственное сознание, он не признавал философии. И сейчас, сидя в роскошной приемной мэра, мысленно он размышлял именно об этом.

Людей беспрерывно повышали через его голову, хотя люди эти обладали куда меньшими

способностями, что не вызывало никаких у него сомнений. Он выдерживал вечный поток анонимок и официальных жалоб, но держался. И упрямо действовал по-своему, продолжая верить, что неподчинение ведет к тому самому соблюдению интересов государства и когда-нибудь его заслуги будут признаны. Поэтому он и находился в приемной мэра с пятью солдатами почетной охраны сзади.

Тяжелые мраморные двери бесшумно и легко откатились в сторону, открывая за собой обшитые сатином двери, красный пластиковый ковер и еще одни мраморные двери, двухстворчатые и

обитые металлом. Вошли два клерка в строгих костюмах трехсотлетней давности, вышли вперед и в один голос сказали:

— Аудиенция капитану Гану Притчеру из Бюро информации.

Они отступили в сторону с церемониальным поклоном, когда капитан встал и направился вперед. Его эскорт дошел только до внутренней двери, дальше Притчер пошел один.

По другую сторону мраморной двери, в большой комнате, до странности просто обставленной, за огромным столом из красного дерева с непонятым количеством углов сидел маленький человек, почти

терявшийся на фоне этой громадины. Мэр Индабур — третий мэр из Индабуров, внук того самого Индабура, который был жестоким, деятельным, скандально известным. Во-первых, за театральную манеру, с которой он прибрал власть к своим рукам, а во-вторых, за искусство, с которым он положил конец даже тому фарсу свободных выборов, имевших еще тогда место, и установил более или менее мирное правление. Мэр Индабур был также сыном Индабура, который являлся еще и первым мэром Основания, умудрившимся занять это кресло с правом наследования, потому что он не был ни жесток, ни деятелен —

просто книголюб и явно не на своем месте.

Итак, мэр Индабур был третьим просто мэром и вторым мэром, унаследовавшим это место по праву рождения, но он же оказался и самым незначительным из всех троих.

Индабур III соединял в себе странные качества, непонятные всем, кроме него одного. Для него все, что ни происходило, должно было стать «системой», разведенная им ежедневная бюрократия была «работой», нерешительность в самых очевидных делах — «осторожностью», а тупое упрямство, когда он был не прав, —

«решительностью». И он не тратил понапрасну денег, не бил и не убивал людей без толка и с толком и хотел всегда только самого хорошего.

Мысли капитана Притчера текли именно таким образом, когда он уважительно остановился перед огромным столом, но застывшие черты его лица не давали возможности в эти мысли проникнуть. Он ни разу не кашлянул и не переступил с ноги на ногу и вообще не пошевелился, пока голова мэра наконец медленно не поднялась вверх. Индабур закончил интересоваться какими-то бумагами, на которых ставил подписи.

Мэр осторожно положил перед

собой руки, стараясь не нарушать порядка, царившего на столе. Как бы подтверждая личность вошедшего, он сказал:

— Капитан Притчер из Бюро информации.

И капитан строго, согласно этикету, преклонил одно колено почта до земли и наклонял голову до тех пор, пока не услышал освободивших его слов:

— Встань, капитан Притчер.

Мэр произнес эти слова голосом, полным дружеской теплоты.

— Ты находишься здесь, капитан Притчер, из-за определенного дисциплинарного

взыскания, которое наложил на тебя твой старший офицер. Бумаги касательно этого взыскания пришли ко мне, когда прошло соответствующее количество времени. И так как ни одно событие на Основании не может быть для меня неинтересным, я решил потребовать дополнительные сведения о тебе и твоём деле. Надеюсь, ты удивлен?

— Нет, ваше превосходительство, — бесстрастным голосом ответил Притчер. — Ваша справедливость вошла в поговорку.

— Вот как? Вот как?

Тон был довольный, и стекла

очков отразили электрический свет, придав взгляду мэра горделивое выражение. Он принялся перебирать лежавшие перед ним несколько скрепленных металлическими скрепками папок. Пергаментные листы внутри них резко зашуршали. Проводя пальцем по строчкам, мэр говорил:

— Здесь, передо мной, твое дело, капитан, и полное досье. Ты был офицером вооруженных сил семнадцать лет. Родился на Лорисе от анакреонских родителей. И в детстве не болел ничем серьезным, потом заболевание мио... Впрочем, это неважно... Образование — до поступления в вооруженные силы

окончил Академию наук, имел степень, работал по вопросам, связанным с гипердвигателями... гм-м, очень хорошо. Тебя можно только поздравить... в армию попал как прапорщик в сто второй день 293 года Основания.

На мгновение он поднял глаза, потом отложил одну папку и принялся за другую.

— Вот видишь? — сказал он. — Моя администрация ничего не оставляет без внимания. Порядок! Система!

Он поднял розовую капсулу с приятно пахнущей жидкостью к своим губам.

Это был его единственный

порок, других пороков у него не было. На столе у мэра не было даже неизбежной атомочистки для табака, так как Индабур не курил. Кстати сказать, не курили и его посетители. Голос мэра продолжал урчать методично, монотонно, усыпляюще, иногда прерываясь каким-нибудь замечанием, сделанным шепотом или шуршанием листьев бумаги. Медленно он сложил папки обратно, в том же порядке, в каком они лежали вначале.

— Ну что же, капитан, — вдруг живо сказал он. — Твой послужной список необычен. Кажется, ты обладаешь превосходными деловыми качествами, а твои услуги

государству, вне всякого сомнения, очень ценны. Я заметил, что был ты дважды ранен при исполнении служебных обязанностей и награжден орденом Славы за храбрость, которой от тебя не требовали твои прямые обязанности. Это факты, на которые трудно не обратить внимания.

Бесстрастное лицо капитана Притчера не изменило своего выражения. Он остался стоять навытяжку. Этикет требовал, чтобы лицо, удостоившееся аудиенции у мэра, оставалось стоять; возможно, этот пункт был включен в этикет напрасно, потому что в этой комнате существовал всего один-

единственный стул, на котором сидел мэр. Этикет требовал также, чтобы посетитель не делал ненужных замечаний и говорил только тогда, когда к нему обращались с прямым вопросом.

Глаза мэра впились в капитана, а голос его стал жестким:

— Однако ты не получал повышения десять лет, а твой начальник шлет рапорт за рапортом о твоём упрямстве, которое ничем нельзя сломить. В рапортах указывается, что ты систематически не выполняешь приказаний, не оказываешь должного уважения старшим офицерам, явно не интересуешься поддержанием

дружеских отношений со своими товарищами по работе и, кроме того, устраиваешь всяческие неприятности. Как ты объяснишь все это, капитан?

— Ваше превосходительство. Я делаю то, что кажется мне справедливым. Все мои поступки направлены на благо государства, и мои раны свидетельствуют о том, что все делается мной, мне так кажется, правильно и справедливо, в интересах государства.

— Солдатский ответ, капитан, но мысли опасные. Ну, хорошо, об этом позже. В основном ты обвиняешься в том, что трижды отказался от приказов, подписанных

моими собственными делегатами. Скажи, что ты можешь ответить на это?

— Ваше превосходительство, приказы пришли о вещах незначительных и в критическое время, в то время, когда на события огромной важности не было обращено внимание.

— Кто сказал тебе, что те дела, о которых ты говоришь, были огромной важности? А если и так, то откуда ты знаешь, что на них не было обращено внимания?

— Ваше превосходительство, для меня это совершенно очевидно. Мой опыт и знание происходящего, что признают даже мои начальники,

сделали это очевидным.

— Но, дорогой капитан, разве ты слеп, что не видишь, как, присваивая себе разведывательную политику, ты узурпируешь обязанности своего начальника?

— Ваше превосходительство, прежде всего я обязан служить государству, а не моему начальству.

— Обманчиво, потому что у твоего начальника есть еще один начальник — это я. И я государство. Но ладно, тебе не придется жаловаться на мое правосудие, как ты говоришь, оно вошло в поговорку?! Расскажи своими собственными словами, чем было вызвано то нарушение приказа, из-за

которого я и получил на тебя рапорт.

— Ваше превосходительство, последние полтора года я вел жизнь купца в отставке на планете Калган. Мне было приказано наблюдать, как ведут себя жители по отношению к Основанию, а также улучшить организацию наблюдения над наместником Калгана и в особенности в области его внешней политики.

— Все это мне известно, продолжай.

— Ваше превосходительство, в своих отчетах я непрерывно подчеркивал стратегическое положение Калгана и системы, которую он контролирует. Я доложил

о тщеславии наместника, о его ресурсах, непреклонном желании увеличить эти свои владения и его видимой дружбе или нейтралитете к Основанию,

— Я тщательно изучил твои отчеты. Продолжай.

— Я вернулся два месяца назад. В это время не было заметно никаких признаков приближающейся войны, наоборот, Калган казался способным отразить любую атаку. Месяц назад неизвестный искатель счастья, солдат, взял Калган без сражения. Человека, которого все знали как наместника Калгана, очевидно, нет в живых. Никто не говорит о предательстве,

прославляют могущество и гений этого странного человека — Мула.

— Кого?

Мэр наклонился вперед, глядя на капитана глазами оскорбленной невинности.

— Ваше превосходительство, он известен всем под именем Мул. О нем нет никаких сведений, и мне практически ничего не удалось собрать. Очевидно, это человек, не имеющий благородного происхождения и никогда не занимавший каких-либо известных должностей. Отец его неизвестен. Сам он рос бродягой. Образование получил, нахватавшись необходимых знаний на задворках космоса. У него

нет другого имени, кроме как Мул. Это прозвище он сам себе присвоил. По общему мнению, оно подчеркивает его огромную физическую силу и непреклонность в достижении цели.

— Каковы его военные силы, капитан? Физические меня не интересуют.

— Ваше превосходительство, ходят слухи об огромной флотилии звездолетов, на слухи влияет такое странное падение Калгана. Космическая территория, которую контролирует Мул, не так уж и велика, хотя истинные ее размеры пока невозможно определить. Тем не менее на этого человека надо

обратить пристальное внимание.

— Гм-м-м. Так, так!

Мэр впал в задумчивое состояние и медленно 24 росчерками своей ручки изобразил шесть квадратов в гексагональной последовательности на верхнем чистом листке блокнота, который затем оторвал, аккуратно сложил в три раза и сунул в мусоропроводную щель в столе.

— А теперь скажи мне, капитан, в чем же, как ты думаешь, заключается альтернатива? Ты сказал мне, что должно быть исследовано. А что тебе ПРИКАЗАЛИ исследовать?

— Ваше превосходительство, в

космосе находится одна планетка, крысиная нора, которая, по-видимому, не платит налогов.

— А, и это все? Ты не знал, потому что тебя не предупредили: эти люди, которые не желают платить налогов, — потомки свободных торговцев — настоящие анархисты, революционеры, социальные маньяки. Они утверждают, что предки их выросли на Основании, и отрицают нашу культуру. Тебя не предупредили, что эта крысиная нора в космосе не одна, их много, даже больше, чем мы думаем. Именно эти крысиные норы устраивают заговоры вместе с криминальными элементами,

которых все еще полно в нашей Галактике. Даже здесь, капитан, даже здесь!

Мэр успокоился так же быстро, как и вспыхнул.

— Ты не знал этого, капитан?

— Ваше превосходительство, все это мне известно. Но я слуга государства. И должен служить верой и правдой, а только тот служит верой и правдой, кто служит истине. Каковы бы ни были политические мотивы этих отпрысков старых торговцев — власть имеют генералы, которые наследуют обломки старой Империи. У торговцев нет ни оружия, ни ресурсов. Они даже не объединены, а я не налоговый

инспектор, чтобы следить за такими детскими поручениями.

— Капитан Притчер, ты солдат. Невозможно, чтобы ты дошел до того, что перестал подчиняться своему мэру. Будь осторожен. Моя справедливость не просто слабость. Капитан, слушай внимательно: давно доказано, что генералы Империи прошлого, равно как и сегодняшние военачальники, одинаково бессильны против нас. Основание существует благодаря сэлдоновской науке, предсказавшей ход событий. Причем она основана не на индивидуальном героизме, как ты, кажется, решил, а на социальном и экономическом развитии истории. Мы успешно

прошли уже четыре кризиса, разве это не так?

— Ваше превосходительство, все так. Но наука Сэлдона была известна лишь самому Сэлдону. А у нас же есть только вера. Первые три кризиса Основание миновало при мудрых руководителях, которые предвидели будущее и приняли все меры предосторожности. Если этого не сделать — кто знает...

— Да, капитан, но ты забываешь о четвертом кризисе. Тогда у власти вовсе не было достойного человека, имя которого можно упомянуть с уважением, и мы стояли перед лицом умнейшего противника, вооруженного до зубов. И тем не

менее мы выиграли благодаря исторической неизбежности.

— Ваше превосходительство, это так. Но история, о которой вы говорите, стала неизбежной только после целого года войны. Неизбежная победа, которую мы одержали, стоила нам пятисот звездолетов и полмиллиона человек. Ваше превосходительство, План Сэлдона помогает тем, кто сам себе помогает.

Мэр Индабур нахмурился, внезапно почувствовав сильную усталость от своего долготерпения. Ему пришло в голову, что его доброе отношение было принято за решение спорить до бесконечности, играя

словами и занимаясь диалектикой. И он решил закончить разговор и натянуто сказал:

— И все же, капитан, Сэлдон нам гарантирует победу над военными, к тому же я не могу в эти тяжелые времена способствовать рассеянию сил. Эти торговцы, о которых вы говорите так небрежно, люди Эры Основания. Война с ними будет гражданской войной. Вот здесь План Сэлдона не дает нам никаких гарантий: они и мы из одного Основания. Значит, ими надо заняться поскорее. У тебя есть приказ.

— Ваше превосходительство...

— Я не задавал никаких

вопросов. У тебя есть приказ. Ты будешь ему подчиняться. Все дальнейшие споры со мной или моими представителями будут считаться предательством. Аудиенция закончена.

Мэр Индабур, третий мэр из рода Индабуров и второй мэр, занявший это место по праву рождения, быстро успокоился и продолжил свои прежние занятия. Достал лист бумаги из пачки, лежавшей слева, — отчет об экономии средств благодаря уменьшению металлических частей на форме полицейского — вычеркнул ненужную запятую, исправил ошибку в правописании, сделал три пометки

на полях и положил бумагу справа от себя. И взял следующий лист из пачки слева.

Капитан Ган Притчер вернулся на службу и обнаружил там пришедшую на его имя личную капсулу. В ней содержался приказ, строчки которого наискось пересекал гриф «СРОЧНО». Приказ был подписан одной заглавной буквой «И».

В самых строгих выражениях капитану предписывалось отправиться на повстанческую планету Убежище.

Спустя некоторое время Ган Притчер вылетел в космос на своем одноместном корабле, затем тихо и

спокойно выправил курс на планету
Калган и уснул здоровым сном
упрямца.

3. Лейтенант и клоун

Если на расстоянии семи тысяч парсеков падение Калгана возбудило любопытство старого торговца, заинтересовало упрямого капитана и вызвало раздражение дотошного мэра, то на самом Калгане это событие никого и ничего не встревожило. Таков неизбежный урок человечеству, что время и расстояние меняют угол зрения. Как ни странно, но еще не было ни одного случая, чтобы хоть кто-нибудь учел этот урок.

Калган оставался Калганом. Один-единственный в этом секторе Галактики, он, казалось, не знал, что

старая Империя погибла, что императоры из династии Станеллов больше не правят миром, что все бывшее величие исчезло и покоя нет нигде. Калган был фешенебельным миром. Все вокруг рушилось, а Калган сохранял свою старинную функцию продавца удовольствий, лени и покупателя золота. Он избежал всех перипетий истории, ведь ни один завоеватель в здравом уме и трезвой памяти не захочет причинить вред миру, имеющему столько денег, что можно купить всю Вселенную. Ничто не изменило Калган. И никто не мог этого сделать.

В конце концов Калган стал

штаб-квартирой военачальника и были подвергнуты испытанию войной его мягкость и лень, — прирученные джунгли, мягкие насыпные пляжи и сверкающие города Калгана услышали марши наемников. В конце концов, планеты его системы были вооружены и впервые за всю историю деньги потратили на звездолеты, а его правитель доказал, не оставив никаких сомнений, что намеревается защищать свое и приобретать чужое. Основав собственную Империю, этот правитель закрепил за ней династическое правление и стал большим человеком с именем, известным всей Галактике.

Но пришел неизвестный со смешным прозвищем Мул, сокрушил его самого, и его наемников, и его Империю и даже не удосужился дать при этом сражения.

А Калган, пережив все это, умудрился все равно остаться таким, каким был раньше. И переодетые в военную форму жители поспешили домой, к своей будничной жизни, в то время как наемники смешались с военными силами, приземлившимися на планете.

И вновь, как и прежде, стали организовывать фешенебельные охоты на выращенную животную жизнь в джунглях, гонки за птицами на воздушных скутарах,

заканчивавшихся, конечно, неудачей только для птиц и зверей. В городах люди из самых дальних и темных уголков Галактики теперь получали те удовольствия, которые не могли раньше получать. Высокие дворцы и замки открыли свои двери перед ними, простыми людьми Вселенной, как раньше открывали двери перед известными богачами Галактики.

В этот широкий поток отдохавших на Калгане людей Торан и Бейта влились совершенно незаметно. Они зарегистрировали свой звездолет в общем ангаре Восточной Пенинсулы и записались на отдых во Внутреннем море, где развлечения были легальны и

комфортабельны и народа находилось не очень много.

Бейта носила черные очки, защищавшие глаза от яркого солнца, а тонкое белое платье скрывало ее кожу. Обхватив чуть покрасневшими на солнце руками свои колени, она рассеянным взглядом смотрела на распростертое тело своего мужа, буквально купающегося в раскаленном свете белого солнца.

— Будь поосторожнее, — говорила она ему еще в самом начале, но Торан был с планеты, вращавшейся вокруг умирающего солнца. И, несмотря на три года, что он провел на Основании, солнечный свет был для него роскошью, и уже

четыре дня подряд его кожа, прошедшая предварительную обработку на сопротивляемость солнечным лучам, не была покрыта одеждой за крайне редкими случаями.

Бейта улеглась рядом с ним на песке пляжа, и они принялись шепотом переговариваться.

Голос у Торана был низким и несколько грубоватым, что совсем не вязалось с его ясным лицом.

— Да, должен признать, что мы ничего не достигли. Но где он? Кто он? В этом сумасшедшем мире никто ничего о нем не знает. Может быть, он просто не существует?

— Существует, — ответила

Бейта, не разжимая губ. — Он умен, вот и все. Твой дядя прав. Этого человека мы можем использовать, если еще осталось время.

Они помолчали. Потом Торан прошептал:

— Знаешь, что я сейчас делаю, Бей? Мечтаю до головокружения.

Голос его почти умолк, потом Торан снова перешел на шепот.

— Вспомни, что говорил нам в колледже доктор Амман. Основание никогда не может проиграть, но это еще не означает, что ПРАВИТЕЛИ должны оставаться на своих местах. Разве не началась настоящая история Основания с того, что Сальвор Хардин вышвырнул с планеты

энциклопедистов и занял место мэра на планете Терминус? А затем в следующем веке разве не поступил Мэллоу так же решительно. Вот пример, как уже ДВАЖДЫ правители изгонялись, значит, это можно сделать и в третий раз. Так почему бы нам не попробовать?

— Это желание такое же древнее, как и само Основание. Торан, не трать энергию понапрасну.

— Но послушай же. Что такое Убежище? Разве эта планета не часть Основания? Так сказать, пролетарская ее часть. Если к власти придем мы, Основание выиграет, но правители поменяются.

— Слишком большая разница

между «мы можем сделать» и «мы сделаем». Ты просто фантазируешь.

Торан фыркнул.

— Глупость, Бей. Ты сегодня в отвратительном настроении. И мне тоже его испортила. Вот возьму сейчас и усну. Не возражаешь?

Но Бейта не слышала его последних слов. Она снова села на песок, втянула голову в плечи, затем, что было совсем неожиданно, сняла очки и, прикрыв глаза ладошкой и глядя вдоль пляжа, рассмеялась.

Очевидно, ее привлекла вертлявая фигура акробата, который развлекал случайных зрителей тем, что ходил на руках, махая одновременно ногами в воздухе.

Таких пропрошаек-акробатов здесь было много. Они ходили по пляжу, изгибаясь и складываясь на разные лады ради нескольких монет, которые им не очень щедро кидали.

Сторож сделал циркачу знак, приказывая уйти. Но тот, переменив положение и опасно балансируя на одной руке, ухитрился показать сторожу нос. Сторож угрожающе посмотрел на акробата, приблизился к нему и несильно стукнул его по животу. Клоун изящно выпрямился, казалось, удар никак не повлиял на него, встал на ноги и отправился восвояси, а сторож остался в окружении явно не симпатизирующей ему толпы. Клоун

торопливо пошел по пляжу. Глаза его перебегали с одного отдыхающего на другого, но взгляд долго ни на ком не задерживался. Толпа начала разбредаться. Сторож ушел на свой пост.

— Какой странный парень, — изумленно произнесла Бейта, и Торан безразлично согласился.

Клоун проходил сейчас недалеко от них, и его можно было хорошо рассмотреть. Самой выразительной чертой его лица был большой нос. Нижняя губа нависала над подбородком. У него были длинные руки и ноги, как у паука. Сходство с пауком еще больше подчеркивал его костюм. Но двигался он легко и

грациозно, хотя и немного разболтанно. На лице его застыла улыбка. Клоун, казалось, почувствовал интерес к себе, потому что, уже пройдя мимо, он резко остановился, повернулся и подошел к Бейте с Тораном. Его большие карие глаза остановились на Бейте. Она смутилась. Клоун улыбнулся ей, отчего его птичье лицо сделалось еще печальнее, и заговорил мягким вычурным акцентом центральных секторов.

— О, если бы только мог я выполнить желания мои, то я б сказал, что быть того не может. Да кто в своем уме поверит, что женщина такая — реальность, не

мечта. Но лучше пусть безумен буду я, уверовав в волшебные глаза.

— У-ух, — только и смогла произнести Бейта. Ее глаза широко раскрылись.

Торан засмеялся.

— Ах ты, волшебница. Раскошеливайся, Бей, такая речь стоит кредиток пять. Дай их ему.

Но клоун подскочил на месте.

— Миледи, нет. Я говорил не из-за денег, меня вдохновили ваши прекрасные глаза, ваша красота.

— Спасибо.

Она повернулась к Торану.

— Если он говорит серьезно, то, по-моему, солнце ослепило его глаза.

— Не только из-за глаз

прекрасных и милого лица, — продолжал клоун, торопясь сказать все до конца, — но также чистого ума, неженского ума.

Торан поднялся на ноги и надел свою белую накидку, которую четыре дня носил только на руке.

— Послушай, парень, скажи мне, чего ты хочешь, и перестань приставать к леди.

Клоун испуганно сделал шаг назад, и все его тщедушное тело изогнулось.

— Поверь, я не хотел вреда. Я здесь совсем чужой и многого не понимаю, но кое-что могу читать я по лицу. Под внешней красотой у леди сердце доброе в груди, и это

может мне помочь в моей беде. Вот почему так смело говорю я.

— Пяти кредиток хватит тебе, чтобы помочь в твоей беде? — сухо спросил Торан, протягивая ему монетку.

Но клоун не сделал ни малейшего движения, чтобы взять ее, и Бейта вмешалась.

— Разреши мне поговорить с ним, Торан.

Быстрым шепотом она добавила:

— Нечего раздражаться глупой манерой его разговора. Это всего-навсего диалог, наша речь, возможно, тоже кажется ему странной.

— Так что у тебя за беда? — спросила она клоуна. — Дело в том

стороже? Можешь не беспокоиться.

— О нет, не в нем. Он — легкий ветерок, сдувающий пыль с моих ног. Но от другого спасаюсь, а он, как шторм летучий, планеты в сторону разводит и сталкивает их, как хочет. Прошла неделя с тех пор, как убежал я, и все это время спал я в парках городских и прятался в толпе. Глядел же в многие я лица, чтоб помощи найти, и вот увидел.

Последнюю фразу он повторил более мягко и взволнованно, во взгляде его больших глаз Бейта заметила тревогу.

— И вот нашел.

— Видишь ли, — стараясь говорить как можно более разумно,

сказала Бейта. — Я бы хотела тебе помочь, дружище. Но я плохая защитница от шторма, который двигает планетами и сталкивает их. Честно говоря, могла ли я...

Сбоку от нее проревел могучий голос:

— Так вот ты где, грязный негодяй...

Сторож пляжа бежал к ним изо всех сил. Лицо его покраснело от гнева. А в руке он держал направленный на клоуна пистолет с парализующими пулями.

— Держите его, вы двое. Не дайте ему удрать?

Тяжелая рука сторожа упала на худенькое плечо, и клоун судорожно

дернулся, вскрикнув от боли.

— Что он сделал? — спросил Торан.

— Что он сделал? Что он сделал? Фух!

Сторож полез в оттопыренный карман своего пояса, достал оттуда красный носовой платок и вытер им пот со лба. Смакуя каждое слово, он заговорил:

— Я скажу вам, что он сделал. Он удрал. Объявления висят по всему Калгану. И я бы узнал его раньше, если бы он стоял на ногах, а не уткнулся своим птичьим носом в землю.

Довольный своей шуткой, он затряс пленника за плечо.

— Но откуда же он убежал, сэр? — спросила с улыбкой Бейта.

Сторож повысил голос. Вокруг них собиралась толпа, все время увеличивающаяся. Люди

перешептывались и переглядывались. И чем больше становилось людей, тем большее чувство собственного достоинства испытывал сторож.

— Откуда убежал? — восклицал он саркастическим тоном. — Я думаю, вы все слышали о Муле?

В толпе замолчали. Бейта внезапно почувствовала, как у нее похолодело все внутри. Клоун не отрывал от нее взгляда и все еще дрожал, крепко схваченный сторожем.

— Кем может быть этот ублюдок, как не придворным шутом, удравшим от его светлости.

Сторож вновь встряхнул клоуна за плечо.

— Ты признаешь это, шут?

Клоун побледнел от страха, а Бейта тем временем нагнулась к Торану и что-то быстрым шепотом начала говорить ему на ухо. Торан подошел к сторожу и дружески сказал ему:

— Ну, дружище, убери ненадолго свою руку с его плеча. Этот шут танцевал для нас и еще не отработал денег, которые ему мы заплатили. А ты его держишь.

— Эй! — голос сторожа

прозвучал подозрительно. —

Объявлена награда тому...

— Ты ее получишь, если сможешь доказать, что он тот самый человек, которого ищут. А до тех пор отойди. Ты ведь знаешь, что мешаешь сейчас развлекаться гостю, а это может серьезно для тебя кончиться.

— А вы мешаете его светлости, и это скорее плохо кончится для вас.

Он вновь затряс клоуна за плечо.

Рука Торана вдруг взметнулась, и пистолет сторожа описал в воздухе сверкающую дугу. Сторож закричал от боли и ярости — Торан чуть не вывихнул ему палец своим резким движением, но сторож продолжал держать клоуна. Тогда Торан с силой

оттолкнул сторожа и поднял пистолет. Клоун освободился и спрятался за плечо своего спасителя.

Толпа, как только поняла, в чем дело, начала распадаться. Каждый делал вид, что заинтересовался чем-то другим. Вдали раздался свисток и послышался звук грубого приказа. Толпа на мгновение замерла и расступилась, образуя нечто вроде коридора, по которому прошли двое людей, одетых в пурпурные рубашки с вытканной стрелой молнии и расплывающейся внизу планетой. В руках они держали электрические хлысты.

— Это ты известил нас? — спросил лейтенант сторожа.

— Я хочу получить награду, ваше сиятельство, — сказал сторож. — И обвиняю еще этого человека...

— Ты получишь свою награду — перебил лейтенант, даже не глядя в его сторону.

Он кивнул своим людям.

— Возьмите его.

Торан почувствовал, как клоун вцепился в него с такой силой, что оторвать его было невозможно.

Торан повысил голос, стараясь скрыть свое волнение.

— Мне очень жаль, лейтенант, но этот человек мой.

Солдаты выслушали его слова, не моргнув глазом. Один из них небрежным движением поднял

электрохлыст, но опустил сразу же после резкого окрика лейтенанта.

Их темноволосое сиятельство сделало шаг вперед, и грудь его уперлась в грудь Торана.

— Кто вы?

Последовал ответ:

— Я — гражданин Основания.

Это подействовало, по-крайней мере, на толпу. Гробовая тишина сменилась шумом разговоров. Имя Мула могло вызвать страх, но, в конце концов, это было новое имя, еще не успевшее так запасть в души, как старое название Основания, уничтожившее Империю и внушавшее страх во всех секторах Галактики своим деспотическим

правлением.

Лейтенант не растерялся.

— Знаете ли вы человека, который сейчас прячется за вашей спиной?

— Мне сказали, что это беглец, не желающий находиться при дворе вашего превосходительства. Но точно я знаю лишь одно — он мой друг. Вам потребуется веское доказательство вины, если вы хотите арестовать его.

Из толпы доносились вздохи, но лейтенант не обратил на них внимания.

— У вас есть с собой документы граждан Основания?

— Они у меня в звездолете.

— Вы понимаете, что ваши поступки противозаконны? Я могу приказать застрелить вас на месте.

— Несомненно. Но тогда вы убьете граждан Основания, и вполне возможно, что ваше тело будет отправлено на Основание, как частичная компенсация. Много выдающихся военачальников поступало так со своими подчиненными.

Лейтенант облизнул губы. Это было правдой. Торан продолжал пользоваться своим преимуществом.

— На все дальнейшие вопросы я буду отвечать только в своем звездолете. Вы можете получить его порядковый номер в ангаре, он

зарегистрирован под именем «Бейта».

— Вы не сбежите?

— Разве что к Мулу. Пришлите на переговоры своего господина.

Ленивые разговоры в толпе теперь уже велись шепотом, и лейтенант резко обернулся.

— Разгоните толпу, — сказал он своему отряду, плохо скрывая ярость.

Электрические хлысты пошли в ход. Раздались визги, и толпа начала разбегаться.

К ангару Торан, Бейта и шут возвращались молча. Заговорил Торан, как бы отвечая на свои собственные мысли:

— Бей, что я пережил! Я так

струсил...

— Да, — ответила она все еще дрожащим голосом. Это было совсем на тебя не похоже, Тори.

— Честно говоря, я и сам до сих пор не понимаю, что произошло. Я схватил этот дурацкий пистолет, которым даже не умею пользоваться, и стал отвечать ему. Я даже не знаю, зачем я это сделал.

Он перестал глядеть в окно воздушного такси, которое увозило их с пляжа. Вдруг он повернулся, посмотрел на заднее сидение, где шут Мула скорчился во сне, и с отвращением добавил:

— Это было самое невероятное из всего, что я до сих пор совершал в

жизни.

Лейтенант стоял навтыяжку перед полковником гарнизона, и полковник, глядя на него, произнес:

— Молодец! Свое задание ты выполнил отлично.

Но лейтенант не ушел немедленно, он мрачно сказал:

— Авторитет Мула был, несомненно, подорван. Необходимо принять дисциплинарные меры, чтобы добиться должной атмосферы уважения.

— Эти меры уже приняты.

Лейтенант повернулся, чтобы уйти, затем как бы нехотя остановился и произнес:

— Я понимаю, сэр, что приказ есть приказ, но стоять перед этим человеком с его парализующим пистолетом и глотать оскорбления... Более дурацкой ситуации у меня не было.

4. Мутант

Ангар на Калгане — заведение довольно старое само по себе, появившееся из-за необходимости размещать и обслуживать огромное количество звездолетов, в которых прилетали посетители. Оригиналархитектор, придумавший это заведение, быстро стал миллионером. Его наследники — самые богатые на Калгане. Ангар занимал много квадратных миль территории. Был он плоским, и слово ангар не совсем точно его характеризует. Путешественник платил вперед, и его звездолету предоставлялось место, откуда он в

любую минуту мог отправиться в космос. Но посетитель продолжал жить в своем звездолете. Ему, правда, приходилось оплачивать дополнительные услуги по уборке корабля и по доставке пищи, но эта сумма была незначительной. В результате путешественник даже сэкономил, оплачивая один счет за отель и за стоянку корабля. Владельцам ангара временно продавать места тоже было выгодно. Правительство получало огромные налоги. Все были довольны.

Человек, который шел сейчас по широким коридорам, соединявшим бесчисленные крылья ангара, в прошлом долго раздумывал о

полезности и изобретательности такой системы, но эти его размышления, вписывавшиеся в часы досуга, были не приемлемы сейчас. Корабли высились длинными рядами в тщательно подготовленных помещениях, и человек проходил их одно за другим. Он был специалистом в том, чем сейчас занимался, а его предварительное изучение регистрационных списков ангара не дало ему нужной информации. И только его собственное умение должно было выявить из этой сотни звездолетов один. Когда человек остановился у нужного звездолета, из уст его вырвалось едва уловимое дыхание.

Тут и там свет из иллюминаторов указывал на рано вернувшегося хозяина, бросившего удовольствия Калгана ради отдыха или более приятного удовольствия, которое он мог получить у себя на корабле. Человек остановился и улыбнулся бы, если бы вообще мог улыбаться. Лучше сказать, он улыбнулся мысленно.

Корабль, у которого он остановился, был изящен и, несомненно, быстр. Странность конструкции звездолета, собственно, помогла его поискам. Это была необычная модель. В те дни обычные модели звездолетов в этом секторе Галактики имитировали корабли

Основания. Это был корабль
Основания — хотя бы из-за одних
выпуклостей на поверхности,
указывающих на наличие защитного
экрана, который ставился только на
корабли Основания. Это был корабль
Основания и по многим другим
причинам.

Человек не колебался.
Электрический барьер, защищавший
корабль и дававший звездолету
гарантию неприкосновенности со
стороны администрации ангара, не
смутили незнакомца ни на секунду.
Барьер разошелся легко и не вызвал
никаких сигнальных знаков,
подчиняясь специальному
приспособлению, которое

неизвестный держал в руке. Поэтому на звездолете впервые узнали о посетителе, когда в гостиной раздался обычный и почти дружелюбный звонок, — результат того, что рука была положена на маленькую фотоячейку у края входной камеры.

А до тех пор, пока успешные поиски незнакомца еще не закончились, Торан и Бейта чувствовали себя в полной безопасности за стенами звездолета. Шут Мула, который сообщил им, что его тщедушное тельце носит громкое имя Магнифико Гигантикус, сидел за столом и пожирал предложенную ему пищу. Его печальные карие глаза

отрывались от тарелки, чтобы только проследить за движениями Бейты, ходившей из гостиной на кухню и обратно.

— Благодарность униженного не ценится, — пробормотал он. — Но я все же благодарю. Ведь все прошедшие недели я мало что ел, и хоть тело у меня маленькое, аппетит очень большой.

— Ну так ешь, — сказала Бейта с улыбкой. — Не трать времени на благодарности. А есть ли в центре Галактики какая-нибудь поговорка насчет признательности? По-моему, я как-то ее слышала.

— Правда, миледи. Мудрый человек когда-то сказал: «Лучшая

благодарность выражается
непростыми словами». Но увы,
миледи, я не знаю ничего, кроме
простых слов. Когда мои пустые
фразы смешили Мула, я получал
красивую одежду и громкое имя
(потому что меня зовут Бобо). А если
они ему не нравились, то бедный
Бобо страдал от плетки и пинков.

Торан вышел из рубки пилота.

— Теперь не остается ничего
другого, только ждать, Бей. Надеюсь,
Мул будет в состоянии понять, что
звездолет Основания — это
территория Основания.

Магнифико Гигантикус, в
прошлом Бобо, широко открыл глаза
и воскликнул:

— Как величаво Основание, перед которым даже жестокие слуги Мула трепещут.

— Значит, вы тоже слышали об Основании? — с легкой улыбкой спросила Бейта.

— А кто не слышал?

Голос Магнифико понизился до загадочного шепота.

— Говорят, что это волшебный мир могущественных тайн, огня, уничтожающего планеты. Говорят, что даже самый благородный гражданин Галактики не может получить столько почестей, сколько простой человек, который скажет: «Я — гражданин Основания». И неважно: он простой рабочий или

такое ничтожество, как я.

— Ну, Магнифико, ты никогда не кончишь есть, если начнешь заводить такие речи, — сказала Бейта. — Смотри, я налила тебе немного молока, попробуй, это вкусно.

Она поставила стакан на стол и, сделав знак Торану, вышла из гостиной.

— Тори, что будем делать? — спросила она, когда они остались вдвоем.

— Что ты имеешь в виду?

— Если Мул придет, отдавать нам его или нет?

— А как же иначе, Бей.

Он произнес эти слова, отводя

взгляд и нервно поправляя волосы, упавшие ему на лоб.

Потом нетерпеливо продолжал:

— Прежде чем отправиться сюда, я уже думал, что надо просто попросить Мула прийти к нам и поговорить с ним о деле, только о деле и, конечно, больше ничего определенного.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Тори. Я не очень надеялась видеть самого Мула, но хочу узнать немного, получить хотя бы мизерную информацию и сообщить ее людям, которые лучше нас разбираются в этих межзвездных интригах. В конце концов, я не галактическая шпионка.

— Именно это я и хотел узнать,

Бей.

Он сложил руки на груди и нахмурился.

— Надо же, ситуация! Мы бы никогда и не узнали, что за личность этот Мул, если бы не счастливое стечение обстоятельств в буквально последнюю минуту. Как ты думаешь, он придет за своим шутом?

Бейта подняла на него взгляд.

— Я не уверена, что мне бы этого хотелось. Я совсем не знаю, что делать и говорить. А ты?

Внезапно в гостиной нежно прозвучал голос. Губы Бейты беззвучно сложились только в одно слово:

— Мул!

Магнифико уже стоял в дверях, и глаза его были широко раскрыты.

Страшным шепотом он проговорил:

— Мул!

— Мне придется впустить его, — пробормотал Торан.

Контакт открыл входную камеру, и внутренняя дверь закрылась за вновь вошедшим.

— Это не он, — с явным облегчением сказал Торан, его голос все еще дрожал, когда он наклонился к переговорной трубке.

— Кто вы?

— Вам проще меня впустить и потом узнать об этом, — слышался из приемника спокойный голос.

— Я хочу предупредить вас, что это звездолет Основания, а следовательно, по международному договору, является территорией Основания.

— Я знаю.

— Входите, только ваши руки должны быть пустыми, иначе я буду стрелять. Я хорошо вооружен.

— Сделано!

Торан открыл наружную дверь и взвел курок бластера. Послышались шаги, дверь открылась, и Магнифико закричал:

— Это не Мул, это простой человек.

Человек хмуро поклонился шуту. Руки он держал слегка разведенными

в стороны.

— Я не вооружен, и у меня самые мирные намерения. Вы можете не волноваться и отложить свой бластер. Ваша рука слегка дрожит на спусковом крючке, а мне хочется быть живым.

— Кто вы? — резко повторил Торан.

— Я мог бы задать вам тот же вопрос, — холодно сказал незнакомец. — Ведь вы выдаете себя не за тех, кем являетесь на самом деле?

— То есть?

— Вы выдаете себя за граждан Основания, а на этой планете нет ни одного официального торговца.

— Это неправда. Откуда вы знаете?

— Потому что я гражданин Основания и могу доказать это документами. А где ваши?

— Мне кажется, вам лучше уйти.

— Я думаю, нет. Если вы знаете хоть что-то о методах Основания, а несмотря на вашу неосведомленность, думаю, что знаете, то вы должны понимать: если я не вернусь на свой звездолет в установленное время, в ближайший контрольный пункт Основания поступит сигнал, так что вряд ли ваше оружие имеет сейчас какое-нибудь значение.

Наступила напряженная тишина, которую нарушила Бейта. Ее голос звучал достаточно спокойно:

— Отложи бластер, Тори, он не врет. Поверь ему.

Торан положил бластер на подлокотник кресла рядом с собой.

— Может, вы все-таки объясните, что вам надо?

Незнакомец остался стоять. Это был высокий крупный человек. Лицо его было будто высечено из камня, и почему-то становилось ясно, что он никогда не улыбается. Но в глазах его не было жестокости.

— Новости быстро разносятся, — сказал он. — И в особенности, когда в них трудно

поверить. Не думаю, что на Калгане остался хотя бы один человек, который бы не знал, что люди Мула были сегодня посрамлены двумя туристами с Основания. Я знал все детали к вечеру, а, как я уже сказал вам, на этой планете нет других туристов с Основания, кроме меня. Мы знаем о таких вещах.

— Кто такие «мы»?

— Мы — это мы. Например, я! Я знал, что вы остановились в ангаре, ваши последние слова были услышаны. У меня есть свои способы проверки регистрационных карточек ангара и методы обнаружения нужных мне звездолетов.

Внезапно он повернулся к Бейте.

— Вы ведь с Основания и родились там, верно?

— Вот как?

— Вы являетесь членом демократической оппозиции, которую называют подпольем. Я не помню вашего имени, но хорошо помню лицо. Вы уехали недавно, и вам бы это не удалось, будь вы персоной поважнее.

Бейта пожала плечами.

— Вы много знаете.

— Да. Вы скрылись с Основания с мужчиной. С этим?

— Разве имеет значение то, о чем я скажу?

— Нет. Я просто хочу, чтобы все мы понимали друг друга. Мне

помнится, что пароль на той неделе, когда вы так торопливо удрали с Основания, был «Сэлдон, Хардин и свобода». Пормрат Харт был лидером вашей ячейки.

— Откуда вы это знаете?

Голос Бейты внезапно стал суровым и жестким.

— Его взяли?

Торан пытался удержать ее, но она стряхнула его руку и пошла вперед.

Человек с Основания спокойно ответил:

— Никто не взял его. Просто подполье распространилось довольно широко и находится в самых странных, на первый взгляд,

местах. Я капитан Притчер из Бюро информации и сам являюсь лидером такой же ячейки.

Он подождал ответной реакции, и когда ее не последовало, продолжал:

— Нет, нет, можете мне не верить. В нашем деле лучше быть больше подозрительным, чем наоборот. Но давайте покончим с предварительными разговорами.

— Да, — сказал Торан, — к делу.

— Могу я сесть? Благодарю.

Капитан Притчер закинул ногу за ногу и небрежно положил руку на подлокотник кресла.

— Я начну с того, что не знаю, в

чем тут дело. Вы не с Основания, а с одного из независимых миров торговцев, хотя это меня мало беспокоит. Но просто любопытно, что вы намереваетесь делать с клоуном, с этим шутом? Да, вы избавили его от неприятностей, но пока он у вас, вы сами рискуете жизнью.

— Я ничего вам не скажу.

— Гм-м-м. Ну что же, я не очень-то и ждал ответа. Но если вы думаете, что сам Мул придет к вам с фанфарами, то можете успокоиться. Мул не действует такими методами.

— Но почему? — Торан и Бейта вскрикнули одновременно, а из угла, где сидел Магнифико, раздалось

радостное восклицание.

— Вот-вот. Я тоже пытался установить с ним контакт и, поверьте, проделал куда более тщательную работу, чем вы, двое новичков-любителей. Но ничего не вышло. Этот человек нигде не появляется лично, не разрешает себя фотографировать, а видят его только самые близкие и доверенные люди.

— Именно поэтому вы и заинтересовались нами, капитан?

— Нет. Меня интересует только клоун. Этот шут — один из немногих, видевших Мула. Он мне может помочь в одном деле. Что это за дело, вам, конечно, интересно узнать? Я должен пробудить

Основание!

— А разве ему надо пробуждаться? — мгновенно вмешалась Бейта. — Для чего? И в какой роли вы сейчас выступаете: как революционный демократ или агент и провокатор?

Лицо капитана приняло угрюмое выражение.

— Когда угрожают всему Основанию, мадам революционерка, погибают и демократы, и тираны. Оставим наших тиранов пока в покое, потому что здесь, на Калгане, есть тиран пострашнее, а своими домашними всегда можно успеть заняться.

— Кто же этот тиран

пострашнее? — иронически осведомилась Бейта.

— Мул! Я собрал о нем кое-какие сведения, и если бы ему об этом стало известно, меня уже давно бы уничтожили. Но я старался соблюдать осторожность. Пусть клоун выйдет. Я могу говорить только с глазу на глаз.

— Магнифико, — обратилась к клоуну Бейта, сделав знак рукой, и тот вышел, не сказав ни слова.

Капитан был серьезен. В нем чувствовалось какое-то внутреннее напряжение. Говорил он очень тихо, так что Бейта придвинулась к нему поближе.

— Мул — проницательный

полководец, — начал капитан
Притчер, — слишком
проницательный и умный, чтобы не
понимать, какое преимущество
может дать личное
представительство и личный
магнетизм. Если он этим не
пользуется, значит, на то есть
причины. Может быть, он скрывает
что-то, что обязательно станет
известным при его появлении на
публике?

Притчер отмахнулся от вопросов
и продолжал говорить быстрее:

— Я был на планете, где он
родился, и разговаривал с людьми,
которых скоро уничтожат, потому что
они слишком много знают. В живых

осталось всего несколько человек. Они помнят ребенка, родившегося 30 лет назад, смерть его матери, его странное детство. Все дело в том, что МУЛ НЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО!

При последних словах капитана его слушатели в ужасе вздрогнули. Они пока не все еще понимали, но почувствовали, что ситуация становится угрожающей.

Притчер продолжал:

— Он мутант, причем удача сопутствует ему на протяжении всей его карьеры. Я не знаю конкретно, что он может, но в наших фантастических романах его называли бы сверхчеловеком, ведь из

неизвестности он поднялся до победителя наместника Калгана всего за два года — факт сам по себе достаточно любопытный. Теперь вы понимаете, в чем опасность? Разве мог Сэлдон предугадать возможность нарушений генетических свойств в биологическом организме.

Медленно Бейта заговорила:

— Я в это не верю. Тут какой-то сложный обман. Почему же тогда люди Мула не убили нас? Ведь у них была такая возможность?

— Я уже сказал, что знаю не все его возможности. Может быть, он еще не готов к войне с Основанием. И тогда нам остается одно: надеяться, что Мул проявит свою

мудрость — не поддастся на провокацию. А пока дайте мне поговорить с клоуном.

Капитан смотрел на дрожавшего Магнифико, который явно не доверял большому человеку с тяжелым взглядом.

— Ты видел Мула своими глазами? — медленно спросил Притчер.

— Много раз, уважаемый господин. И чувствовал тяжесть его руки на своем плече.

— Я в этом не сомневаюсь. Можешь ли ты описать его?

— Мне даже страшно вспоминать, уважаемый господин. Он велик и могуч. Перед ним даже

вы кажетесь маленьким. У него алые волосы. А когда я наваливался на него всем телом, то не мог согнуть даже его руку.

Тощий Магнифико до отчаяния смешно жестикулировал руками и ногами.

— Часто, чтобы повеселить генералов или поразвлечься самому, поднимал он меня одним пальцем за пояс до самого потолка, а я должен был читать стихи. Только после двадцатой строчки меня опускали вниз, и каждое слово мне надо было симпровизировать, и говорить все в нужном ритме, иначе все повторялось сначала. Он очень могущественный человек,

уважаемый господин, очень властный и жестокий, а его глаза я вообще никогда не видел.

— Что? Что ты сказал? Повтори:

— Он носит очки, уважаемый господин. Очень странные очки. Они темные, но он говорит, что видит сквозь них, потому что пользуется волшебством, которого не может постичь ни один человек. Я слышал, — тут он заговорил очень тихо и загадочно, — что видеть его глаза — значит, встретиться со смертью. Он убивает одним взглядом, уважаемый господин.

Магнифико быстро посмотрел на каждого из присутствующих и задрожал.

Бейта глубоко вздохнула.

— Похоже, вы правы, капитан. Хотите сами взяться за это дело.

— Давайте обсудим положение. Вы ничего никому здесь не должны? Верхний барьер ангара свободен?

— Да, мы можем улететь в любое время.

— Тогда улетайте. Может быть, Мул и не хочет сейчас противостоять Основанию, но он очень рискует, пока Магнифико на свободе. Возможно, поэтому и началась такая помпа в поисках шута с самого начала. Так что наверху, в космосе, вас могут поджидать звездолеты, и, если вы просто потеряетесь, никто не будет виноват.

— Вы правы, — спокойно согласился Торан.

— Однако ваш звездолет быстрее любого из тех, что есть у них в распоряжении. И вы воспользуетесь своим защитным полем. Так что выходите за атмосферу, разворачивайтесь в моносфере и, не стесняясь, включайте полную мощность.

— Хорошо, — холодно произнесла Бейта, — а когда мы прилетим на Основание, что тогда, капитан?

— То есть как что? Вы, граждане Калгана, просто оказали мне услугу, разве не так? Я ничего другого не знаю.

Больше не было произнесено ни слова. Торан повернулся к пульту управления. Раздался еле слышный шум внутренних двигателей. Когда Калган остался далеко позади и Торан готовил звездолет к первому межзвездному прыжку, лицо капитана Притчера слегка омрачилось — ни один из звездолетов Мула не бросился за ними вдогонку.

— Похоже, что он спокойно разрешает нам скрыться вместе с Магнифико, — сказал Торан. — Ваши предположения не подтвердились, капитан.

— Если он не хочет, чтобы мы увезли Магнифико, у Основания

будут неприятности.

Совершив последний прыжок в космосе и находясь совсем рядом с Основанием, они слышали последние новости, которые достигли их звездолета по ультракоротким волнам. В новостях проскользнуло сообщение, что военачальник — имени которого упомянуто не было — послал ноту Основанию в связи с насильственным похищением его подданного. Потом диктор перешел к спортивным новостям.

— Он все-таки на один шаг впереди нас, — ледяным тоном произнес Притчер. — Значит, он готов к нападению на Основание и

использует этот случай в качестве предлога. Все это очень осложняет наше дело. Тем более, что мы не успели еще как следует подготовиться.

5. Психолог

Ученый, известный под именем Чистая Наука, был самым свободным человеком на Основании. Объяснялось это просто. Власть и даже сама жизнь Основания опирались на превосходство ее технологии, несмотря на огромную армию, которая существовала уже полтора века. Поэтому ученому гарантировалась определенная неприкосновенность. Эблинг Мис — так звали ученого — был необходим и знал это.

Причем в том мире, где о науке говорилось с уважением, он был Ученым с большой буквы. А те, кто

его не знал, прибавляли к его имени множество самых разнообразных титулов и степеней.

Он был очень гордым, этот Эблинг Мис, и придерживался того мнения, что мэр, как и во времена его предков, должен избираться гражданами и по их желанию вышвыриваться вон. Он был убежден в том, что только полный идиот может воспользоваться правом рождения, чтобы стать мэром. И когда все преклоняли перед мэром колени, он отказался это делать, о чем и объявил во всеуслышание.

И, решив удостоить Индабура своей аудиенции, Эблинг Мис не стал ждать, пока его просьба пройдет

все инстанции сверху донизу и будет подписана, а просто отшвырнул двух клерков, стоявших у него на пути, сдвинул набок свою странную шляпу невообразимой величины, закурил запрещенную этикетом сигару и прошел мимо остолбеневших от изумления стражников во святая святых — дворец мэра.

Его превосходительство находился в своем саду, когда услышал постепенно усиливающиеся крики стражников и ответный рев непечатных ругательств. Медленно Индабур положил садовую лопатку, выпрямился и нахмурился. Он ежедневно отдыхал от работы и, если позволяла погода, проводил каждый

раз утром по два часа в саду. Здесь цветы росли в квадратах и треугольниках в строгом порядке: сначала красные, потом желтые, небольшое количество фиалок в центре, а зеленая трава окружала строгими линиями все грядки. В этом саду Индабура не смел беспокоить *никто*. Мэр с гневом стянул с рук перепачканные в земле перчатки, направился к маленькой двери, ведущей из сада, и возмущенно спросил:

— Что все это значит?

Этот вопрос задавало бесчисленное количество людей со времени возникновения человечества. И всегда с одной

целью: подчеркнуть свою значительность и важность. Такой вопрос обычно не требовал буквального ответа. Но на сей раз ответ был именно таким. Эблинг Мис щемился в дверь и тряс кулаками придворным, пытавшимся его удержать.

Индабур нахмурился и отослал их прочь, изобразив на лице торжественное выражение. Мис поднял с земли свою искаленную шляпу, стряхнув с нее прямо на пол примерно полкилограмма грязи, сунул под мышку и сказал:

— Послушайте, Индабур, эти ваши проклятые слуги заплатят мне за плащ. Я подам на них в суд.

Посмотрите, что осталось от плаща.

Он запыхтел сигарой и немного театрально отер пот со лба. Мэр весь напрягся от неудовольствия и величаво произнес с высоты своих пяти футов четырех дюймов:

— Никто не доложил мне, что вы просите аудиенции, Мис. И уж, конечно, я не давал вам разрешения.

Эблинг Мис посмотрел с таким выражением лица, по которому можно было понять, что он невероятно шокирован «радушным» приемом мэра.

— Великая ГА-ЛАК-ТИ-КА! Индабур, разве вы не получили мою записку вечером? Я передал ее вчера какому-то болвану в пурпурной

форме. Я бы передал вам ее лично, но знаю, что вы любите формальности.

— Формальности! — Индабур закатил глаза, будучи шокированным не менее.

Затем он заговорил, как обычно, разумно:

— Вы когда-нибудь слышали о том, что такое правильная организация труда? Всегда теперь в будущем передавайте просьбу об аудиенции, правильно отпечатанную в трех экземплярах, в правительственное учреждение, специально организованное для этой цели. Затем вы будете ждать, пока до вас дойдет очередь и просьбу

подпишут. Тогда вы можете появиться прилично одетым — вы меня поняли? — прилично одетым и оказывая должное уважение. А теперь вы можете идти.

— Чем вам не нравится моя одежда? — горячо запротестовал Мис. — Это был лучший мой плащ, пока ваши проклятые болваны не разорвали его. А уйду я только тогда, когда скажу все то, о чем хотел сказать. Великая Галактика, если бы речь шла не о сэлдоновском кризисе, я ушел бы прямо сейчас.

— Сэлдоновский кризис?

Индабур проявил явный интерес. Мис был величайшим психологом и, вне всякого сомнения,

демократом и революционером. Но все же в первую очередь — психологом.

Мэр не знал, как себя вести в подобной ситуации. И даже когда его охватило негодование, потому что Мис неожиданно сорвал ближайший цветок, понюхал и, сморщив нос, отбросил в сторону, Индабур так и не нашелся, что сказать. Но негодование его скоро сменилось боязнью: вдруг Мис еще что-нибудь сотворит, и очень холодно мэр пробурчал:

— Может быть, вы все же пройдете со мной? Этот сад не предназначен для серьезных разговоров.

Он почувствовал себя лучше

только в своем высоком кресле, за обширным столом, откуда мог смотреть вниз на лысину Миса, которую не скрывали редкие пучки волос. Он почувствовал себя значительно лучше, когда заметил, как Мис автоматически стал оглядываться в поисках несуществующего стула, а затем остался стоять в неудобной, напряженной позе. Он почувствовал себя совсем хорошо, когда в ответ на нажатие кнопки вошел слуга, наклонился и положил на стол пухлый, в металлическом переплете том.

— А сейчас к делу, — произнес Индабур, чувствуя себя хозяином

положения. — Чтобы ваш нелегальный визит был как можно короче, говорите быстрее.

Эмблинг Мис неторопливо ответил:

— Вы знаете, чем я сейчас занимаюсь?

— Все ваши отчеты вот здесь, — с удовлетворением ответил Индабур, любовно поглаживая пухлую папку, — вместе с краткими выводами. Насколько я понимаю, ваши исследования математических концепций психоистории должны были повторить работы Хари Сэлдона и, естественно, установить курс будущей истории, чтобы Основание могло этими знаниями

воспользоваться.

— Вот именно, — сухо ответил Мис. — Когда Сэлдон впервые создал Основание, он был достаточно мудр и не включил психологов в среду ученых, приехавших на Терминус, стараясь, чтобы Основание всегда действовало вслепую, согласно линиям исторической необходимости. В ходе своих исследований я опирался на те полупамятки, которые можно было обнаружить во Временном Сейфе.

— Это я знаю, Мис. Вы просто теряете время на повторения.

— Я не повторяюсь, — воскликнул Мис, — я собираюсь сказать вам кое-что, чего вы не

найдете ни в одном из моих отчетов.

— То есть как это не найду в отчетах? — Индабур растерялся и с достаточно глупым выражением лица смотрел на ученого. — Как может...

— Великая Галактика! Дай же мне сказать то, что я хочу, ты, глупая коротышка! Нечего говорить за меня и перебивать через каждое слово, или я сейчас уйду отсюда и пусть рушится все вокруг! Вспомни ты, несчастный идиот, Основание все перенесет и останется на своем месте, но если я сейчас уйду отсюда, то ты скоро будешь в другом месте.

Швырнув шляпу на пол, так что во все стороны разлетелись комья сухой земли, он вскочил на

ступеньки помоста, на котором стоял стол, и, с силой отшвырнув бумаги в сторону, уселся на угол.

Все перепуталось в голове Индабура, и мысли скакали, не зная, на чем остановиться: то ли вызвать охрану, то ли воспользоваться бластером, вмонтированным в стол. Но Мис сверкал на него глазами сверху вниз и ему ничего не оставалось делать, как вести себя с достоинством.

— Доктор Мис, — начал он слабым голосом, стараясь удержать беседу в рамках формальности, — вы должны...

— Заткнись, — свирепо сказал Мис. — Вот здесь, — и рука его

тяжело опустилась на том в металлическом переплете, — мои отчеты. Так вот выкиньте их вон. Любой отчет, который я пишу, проходит примерно через двадцать клерков, прежде чем попадет в мэрию, и здесь его просматривает не меньшее количество людей. Это, конечно, прекрасно, если нет никаких секретов. Но то, что я знаю, слишком секретно. Это настолько секретно, что даже ребята, работающие со мной, понятия не имеют, в чем секрет заключается. Они, конечно, проделали свою работу, но каждый из них был занят какой-то маленькой частью, и только я соединил все вместе. Вы знаете,

что такое Временной Сейф?

Индабур кивнул, но Мис продолжал говорить, пользуясь тем, что он пока хозяин ситуации.

— Но все равно я повторяю, потому что проигрывал этот вариант, возможно, тысячу раз. Я могу читать твои мысли, глупый недоносок. Ты держишь палец с кнопкой, которая вызовет сюда тысячи твоих людей, чтобы меня прикончить, но ты боишься не узнать того, что я знаю, боишься сэлдоновского кризиса. Кроме того, если дотронешься до чего-нибудь на этом столе, я сверну тебе башку одним ударом, прежде чем сюда кто-то войдет. Ты, твой бандит-отец и пират-дед и так

слишком долго высасывали из
Основания все соки.

— Это предательство! —
Индабур начал заикаться.

— Еще бы нет! — восхищался
ситуацией Мис. — И что ты тут
можешь сделать. Лучше я скажу о
Временном Сейфе. Он был помещен
на Основание с целью помочь нам в
самом начале пути преодолеть
некоторые трудности. На каждый
кризис Сэлдон приготовил
собственное изображение и лично
сам объяснял происходящее. Четыре
кризиса — четыре появления. В
первый раз он появился в разгаре
кризиса. Во второй раз — после
кризиса. А в третий и четвертый

кризисы о нем все позабыли, потому что в нем не было нужды. Но недавние исследования, не включенные в эти отчеты, показали, что он снова появился. Понятно?

Эблинг Мис не стал ждать ответа. Изжеванную сигару он выплюнул в угол и достал новую, зажег ее и яростно раскурил.

— Официально, — продолжал он, — я пытался воссоздать психоисторию как науку. И могу сказать, что ни одному человеку это сделать не удастся. Но мне удалось продвинуться в самых простых концепциях, и я воспользовался своими знаниями, чтобы заняться Временным Сейфом. То, что я

сделал, позволяет с довольно большой точностью определить дату следующего появления Хари Сэлдона. Иными словами, я могу сказать, когда пятый сэлдоновский кризис достигнет своего максимума.

— Когда? — напряженно, хриплым голосом потребовал Индабур.

И Мис взорвал свою бомбу с веселым безразличием:

— Через четыре месяца. Через четыре дурацких месяца без двух дней.

— Невозможно, ох ты, господи!

— Невозможно! Неужели?!

— Четыре месяца! Да вы понимаете, что это значит? Если

кризис наступит через четыре месяца, то, следовательно, он готовился годами!

— А что тут непонятного? Разве есть такой закон природы, по которому все должно быть у вас на виду?

— Нет, но все должно быть в порядке, чтобы нам ничего не угрожало и над нами ничего не висело, — от волнения Индабур чуть не всплеснул руками.

Постепенно волнение сменилось яростью, и мэр истерически закричал:

— Может быть, вы все-таки уберетесь с моего стола и дадите мне навести порядок?! Как я могу

думать?

Пораженный Мис тяжело поднялся и отступил в сторону. Нервно двигая руками, Индабур разложил предметы так, как они должны были лежать, и быстро заговорил:

— Вы не имели права врыватья ко мне таким образом. Если бы вы предоставили свою теорию...

Это не ТЕОРИЯ.

— А я говорю, что ТЕОРИЯ. Если бы вы предоставили свою теорию вместе со свидетельствами и расчетами в установленном порядке, она поступила бы в Бюро исторических наук. Там бы ее сообразно обработали, результаты

анализа предоставили бы мне, а затем, конечно, были бы приняты соответствующие меры. А так вы досадили мне безо всякой цели. Наконец-то, вот он!

Мэр держал в руке лист прозрачной серебристой бумаги и тряс им перед психологом.

— Это короткое обозрение, которое я сам делаю каждую неделю о текущих внешних делах. Послушайте: мы закончили переговоры о коммерческом договоре с Морсом, продолжаем те же переговоры с Лионезом, послали делегацию на какое-то празднество или что-то в этом роде на Бонд, получили ноту Калгана и обещали

разобраться, послали ноту Асперте, обвиняя ее в не совсем честной торговле, и она обещала разобраться, и так далее, и тому подобное...

Глаза мэра пробежали по закодированным строчкам до самого конца, а потом он аккуратно положил этот лист в папку.

— Говорю вам, Мис, всюду царит мир, покой и порядок, и ничто не указывает на противное.

Дверь в дальнем конце комнаты отворилась, вошел просто одетый человек.

Индабур приподнялся на своем месте, и у него появилось ощущение нереальности, он не мог понять, наяву это с ним происходит или нет.

Такое иногда с ним бывало в особо перегруженные дни. После вторжения Миса и его грубостей даже секретарь, хорошо знавший правила поведения во дворце, появился, нарушив этикет.

Секретарь преклонил колено.

— Ну! — резко потребовал мэр.

Секретарь опустил глаза.

— Ваше превосходительство, капитан Ган Притчер из Бюро информации, возвращаясь с Калгана вопреки вашему приказу и согласно вашим инструкциям в этом случае за номером X20-519, был арестован и ожидает смертной казни. Те, кто его сопровождал, арестованы и ожидают допроса. Полный отчет представлен.

Индабур весь кипел от непривычной для себя злобы:

— Полный отчет получен. Ну?

— Ваше превосходительство, капитан Притчер смутно доложил об опасных планах нового военачальника Калгана. Согласно вашим предварительным инструкциям за номером X20-651, ему не было дано возможности высказаться, но все его замечания были записаны на пленку, полный отчет составлен.

Индабур завизжал:

— Полный отчет получен. Ну!

— Ваше превосходительство, четверть часа назад был получен отчет с салинианской границы.

Звездолеты Калгана нарушили границы и вторглись на территорию Основания, не имея на то разрешения. Звездолеты вооружены. Произошли стычки.

Секретарь согнулся почти вдвое. Индабур остался стоять. Эблинг Мис вздрогнул, подошел к секретарю и резко его встряхнул:

— Послушайте-ка, велите кому-нибудь освободить этого капитана Притчера и пришлите его сюда. Идите.

Секретарь вышел, и Мис повернулся к мэру.

— Не лучше ли поскорее заняться делом, Индабур? Четыре месяца, не забудьте.

Индабур ничего не ответил и смотрел отсутствующим взглядом. Казалось, он застыл в одной позе, только пальцы его правой руки продолжали двигаться; он быстро и нервно вычерчивал треугольники на гладкой поверхности стола.

6. Конференция

Когда 27 миров независимых торговцев объединились только благодаря своему недоверию к материнской планете Основание, каждый из них выставил своего представителя.

Недостаточно предварительно продумать такие детали, как манеру голосования, тип представительства: либо по представителю от каждой планеты, либо количество представителей в зависимости от числа населения.

Недостаточно определить главенствующего за столом в совете и на званом обеде.

Обязательно нужно было

выбрать удобное место встречи — слишком многие планеты-участницы были провинциальными. И, в конце концов, сложные пути дипломатии привели к планете под названием Радоль. Ее многие выбирали еще в самом начале, потому что находилась она в самом центре Галактики.

Радоль была маленькой планеткой, и по своему военному потенциалу, возможно, являлась самой слабой из всех 27. Это, между прочим, было еще одной причиной, обусловившей ее выбор.

Мир планеты Радоль можно было назвать половинчатым — таких миров в Галактике было сколько угодно, но они редко заселялись.

Иными словами, это была планета, где одна половина испытывала неимоверную жару, другая — жуткий холод. И единственное место, где можно было чувствовать себя нормально, находилось в сумеречной зоне. Такой мир казался очень непривлекательным тем, кто никогда не бывал в нем.

Но здесь встречаются места стратегически очень удобные, и Радоль-сити был одним из них. Город раскинулся на мягких склонах холма перед высокими горами, которые защищали его от холодных ветров и задерживали лед. Теплый сухой воздух солнечной половины планеты шел с другой стороны, и с гор

поступала вода — Радоль-сити стал в результате вечным садом, купающимся в вечном полдне вечного июля. Каждый дом окружал свой сад, где произрастали изумительной красоты фантастические цветы, охотно покупавшиеся во всей Галактике, и Радоль стал уже не миром торговцев, а практически миром производителей. Таким образом, Радоль-сити был своеобразным шикарным и фешенебельным местом на ужасной планете, небольшим кусочком рая, и это тоже подтверждало его логический выбор для конференции.

Сюда съехались с остальных 26

планет делегаты и их жены, секретари и журналисты на звездолетах с экипажами. Население Радоля увеличилось почти вдвое. Его ресурсы были практически все исчерпаны. Люди ели, когда хотели, пили, когда хотели, и совсем не спали.

И еще не все понимали, что в Галактике готовится война, готовится медленно и тихо. А среди тех, кто это понимал, образовалось три группы. Первая группа составляла большинство, они знали мало, но были очень самоуверенны.

К ним относился и молодой космический пилот, носивший кокарду Убежища на кепи. Сейчас он

сидел напротив слегка улыбавшейся радолийской девушки и умудрялся одновременно кокетничать с ней и потихоньку цедить вино из стакана. Он говорил ей:

— Чтобы попасть сюда, мы проскочили прямо через передовую — специально. Примерно одну световую минуту шли в нейтральной полосе мимо Хорлеггора...

— Хорлеггора? — переспросила девушка.

Длинноногий местный житель, игравший роль хозяина на этой импровизированной пирушке, и случайно оказавшийся рядом, добавил:

— Это там, откуда Мула

вышвырнули на прошлой неделе?

— С чего ты взял, что Мула откуда-то вышвырнули? — горячо заговорил молодой пилот.

— Передавали по радио Основания.

— Вот как? Ну, так знайте: Мул завоевал Хорлеггор. Мы чуть было не наткнулись на конвой из его звездолетов, и они появились именно с этой планеты. Это не называется вышвырнули, когда те, кто тебя вышвырнул, уносят ноги, а ты спокойно остаешься на планете, которую завоевал.

Кто-то выкрикнул высоким, слегка пьяным голосом:

— Не надо пока ничего

говорить. С Основанием всегда так вначале. Увидишь, что будет дальше. Старое Основание знает, что делает. Сначала проигрывает, а потом...

Голос стал заплетаться и был сопровожден смехом.

— Как бы там ни было, — продолжал пилот с Убежища после короткой паузы, — мы видели звездолеты Мула, и выглядели они очень убедительно. Знаете, что я вам скажу: похоже, это новые корабли.

Он оторвал лист с нависшей над ним ветки, осторожно понюхал его, а потом положил в рот и принялся жевать. В воздухе приятно пахло ментолом.

— Ты хочешь сказать, — с

иронией говорил radoлиец, — что они победили звездолеты Основания теми кораблями, которые сами построили?! Продолжай.

— Мы их видели, док. И знаешь ли, я могу отличить звездолеты от кометы.

Местный житель наклонился поближе.

— Ты знаешь, что я думаю по этому поводу? Послушай, не обманывай себя. Войны не начинаются сами по себе, а нами все-таки управляют не дураки. Они знают, что делают.

Тот же пьяный голос неожиданно громко произнес:

— Вот увидите, старое

Основание еще себя покажет. Оно подождет до последней минуты, а затем...

Он улыбнулся девушке, но она отодвинулась от него подальше, чтобы не слышать запаха винных паров. Радолиец тем временем продолжал говорить пилоту:

— Например, старина, ты, наверное, думаешь, что это Мул всем заправляет. Нет-нет.

Он помахал пальцем в воздухе.

— Я слышал от одного очень важного человека, не могу назвать его имени, что Мул — наш человек. Мы ему платим и, возможно, строим ему звездолеты. Давай реально смотреть на вещи — скорее всего так

и есть. Конечно, он никогда не сможет победить Основание, но он может как следует их встряхнуть, и тогда МЫ ЗАХВАТИМ ВЛАСТЬ!

— Это все, о чем ты можешь говорить, Клев? — сказала девушка. — Только о войне. Я уже устала.

Пилот с Убежища галантно заметил:

— Давай переменим тему, нельзя допустить, чтобы девушке было с нами скучно.

Беседа приняла более общий характер, разнообразный, но пустой.

Во вторую группу входили те, кто знал о войне чуть больше и был менее самоуверен. К ним относился

однорукий Франк, официально представляющий Убежище. Он завел себе новые знакомства: с женщинами, когда мог, с мужчинами, когда это было необходимо.

На солнечной веранде дома, построенного на холме и принадлежащего одному из этих новых друзей, Франк отдыхал впервые за два года с тех пор, как он побывал на Радоле. Его новым другом был Ио Лайон, добрейшая душа во всем Радоле. Дом Ио стоял в стороне от общих кварталов и утопал в зелени. Солнечная веранда представляла собой заросшую травой лужайку, наклоненную под углом в 45 градусов, Франк лежал в траве,

вытянувшись и впитывая в себя солнце, наслаждаясь звоном насекомых, которых в саду и на лужайке было множество.

— Ничего похожего нет у нас на Убежище, — сказал он.

— Ты бы посмотрел на тeneвую нашу сторону, — сонно ответил Ио. — Всего в двадцати милях кислород течет, как простая вода.

— Да ну?

— Правда.

— Знаешь, что я тебе по этому поводу скажу, Ио. В доброе старое время, когда я еще не потерял руку, я был в одном месте, ты даже не согласишься...

Рассказ, последовавший за

этими словами, продолжался очень долго, и Ио не поверил. Громко зевая, он произнес:

— Да, теперь уже совсем не то, что в добрые старые времена.

— Ты прав. Хотя нет, — загорелся Франк, — помнишь, я рассказывал тебе о моем сыне? Он старой закалки. Из него выйдет отличный торговец. Весь в меня. Разве что только женился.

— Ты хочешь сказать, официально? На женщине?

— Точно. Я и сам не вижу в этом никакого смысла. Они отправились на Калган проводить медовый месяц.

— Калган? Галактика, где же это?

Франк широко улыбнулся, медленно и многозначительно сказал:

— Как раз перед тем как Мул объявил войну Основанию.

— Вот как?

Франк кивнул и заговорщицки махнул Ио рукой, предлагая придвинуться ближе. Хриплым шепотом он произнес:

— Я могу кое-что тебе рассказать, если это не пойдет дальше. Моего мальчика послали на Калган с заданием. Я, конечно, не могу сказать тебе, с каким именно, но посуди сам и оцени обстановку, тогда ты легко догадаешься. В любом случае мой мальчик был именно тем

человеком, который требовался для этого дела. Мы, торговцы, нуждаемся в небольшой заварушке.

Он многозначительно улыбнулся.

— А сейчас Основанию труднехонько приходится. Я не говорю, чего мы сами добились, но мой сын отправился на Калган — и Мул послал звездолеты в бой. Мой сын!

На Ио это произвело должное впечатление. В свою очередь он тоже решил выдать одну тайну.

— Какой молодец! А ты знаешь, говорят, что у нас есть пятьсот звездолетов, готовых к отлету по первому требованию.

— Даже больше, — авторитетно заявил Франк. — Вот это настоящая стратегия, вот это мне нравится...

Он с шумом почесал свой живот.

— Но не забывай, что Мул тоже не дурак. То, что произошло в Хорлеггоре, меня взволновало.

— Я слышал, он потерял десять звездолетов.

— Правильно, у него осталось еще сотня, а Основанию пришлось убратся оттуда. Мне, конечно, по душе, что этих тиранов побеждают. Но плохо, что это происходит так быстро.

Он покачал головой.

— Я все время спрашиваю себя, откуда Мул берет свои звездолеты.

Ходят слухи, что это мы их делаем.

— Мы? Торговцы? На Убежище самые большие заводы по изготовлению звездолетов, но мы не сделали ни одного корабля на сторону. Неужели ты считаешь, что другие планеты поставляют Мулу корабли, не приняв никаких мер предосторожности и не посоветовавшись с остальными. Сказки...

— Но откуда он их берет?

Тут Франк пожал плечами.

— Может, сам делает. Это меня тоже беспокоит.

Франк посмотрел на солнце, моргнул, вытянул ноги поудобнее и медленно уснул. Его легкий храп

смешался с жужжанием насекомых.

И, наконец, третья группа состояла из тех, кто знал очень многое и ни в чем не был уверен. Например, Ренду. На пятый день конференции торговцев он входил в центральный зал, глядя на двух человек, которых он попросил прийти. Они уже ожидали его.

Пятьсот остальных мест были пусты, и никто не собирался их сегодня занимать.

Еще не успев усесться, Ренду заявил:

— Мы трое представляем около половины военного потенциала торговцев.

— Да, — ответил Мангин с

Исса, — коллега, мы уже обсудили этот факт.

— Я готов, — начал Ренду, — говорить быстро и честно. Я не собираюсь ни притворяться, ни хитрить. Наше положение отвратительно.

— Как результат, — начал было Овалл с Мнемона, — происшедшего в самое последнее время. Пожалуйста, начнем с самого начала. Во-первых, все, что происходит, вызвано не нами, следовательно, мы не можем управлять событиями. Наши предварительные соглашения были не с Мулом, а с несколькими другими людьми, в основном, с бывшим наместником Калгана,

которого Мул победил в очень неудобное для нас время.

— Да, но Мул — достойная замена, — сказал Мангин. — Какая разница? Все это детали.

— Разница большая, если знать ВСЕ детали.

Ренду наклонился вперед и естественным движением положил обе ладони на стол.

— Месяц назад, — начал он, — я послал своего племянника и его жену на Калган.

— Вашего племянника! — вскочил Овалл. — Я не знал, что это был ваш племянник.

— С какой целью? — сухо спросил Мангин. — С этой?

И большим пальцем руки он описал в воздухе полукруг.

— Нет, если вы имеете в виду, что подстрекнуть Мула на войну с Основанием, то нет. Как я мог метить так высоко? Молодой человек ничего не знал о нашей организации и ее целях. Ему было сказано, что я незначительный член патриотического общества на Убежище. И на Калгане он должен был выполнить только одну функцию — наблюдателя. Признаться, мои соображения были довольно туманны. В основном, мне было любопытно узнать, кто же такой Мул. Он странный феномен, но это избитая истина, я не буду на этом

останавливаться. К тому же путешествие было увлекательным и познавательным для молодого человека, имевшего на Основании опыт работы в подполье и, несомненно, пригодившегося бы нам в будущем...

Длинное лицо Овалла расплылось в поперечной улыбке, показавшей большие зубы.

— Тогда ты должен был удивиться тому, что произошло. Потому что на всех торговых мирах теперь знают, что этот твой племянник вырвал шута Мула прямо у них из-под носа именем Основания. Великая Галактика! Ренду, ты стал романтиком. Мне

трудно поверить, что ты не приложил к этому своей руки. Выкладывай, как ты все проделал.

Ренду покачал своей седой головой.

— Я тут ни при чем. Не думаю, что и мой племянник сделал это по своей воле, потому что сейчас его держат пленником на Основании. И он может просто не дожить до того, чтобы увидеть плоды своей столь искусной проделки. Я только что получил от него весточку. Каким-то чудом личную капсулу удалось пронести через передовую на Убежище, а оттуда ее направили сюда. Она путешествовала ровно месяц.

— И?..

Ренду тяжело положил одну руку на другую и печально сказал:

— Боюсь, что нас ждет та же судьба, что и бывшего наместника Калгана. Мул — мутант.

На мгновение наступила гробовая тишина, слышно было биение сердец. Ренду мог себе это представить: с ним, когда он узнал об этом, было то же самое.

Когда Мангин заговорил, казалось, он так же спокоен, как и прежде.

— Откуда вы это знаете?

— Только от своего племянника, который был на Калгане.

— Какого рода мутант? Ведь их

много, вы сами знаете.

Ренду подавил в себе нарастающее нетерпение:

— Мутантов действительно много. И один из них — Мул. Но только не всякий мутант начнет деятельность, будучи никому неизвестным, сколотит армию, обоснуется для начала, как говорят, на пятимильном астероиде, потом захватит планету, потом систему, район. Наконец нападение на Основание и поражение Основания при Хорлеггоре — и все это за ДВА-ТРИ ГОДА!

Овалл пожал плечами.

— Значит, вы считаете, что он победит Основание?

— Я не знаю. Может быть, победит.

— Простите, но я думаю иначе. Основание НЕВОЗМОЖНО победить. Послушай, это не ново, и пока ничего не изменилось, других свидетельств нет, а ваш племянник все-таки неопытный мальчик. Давайте забудем о нем на минутку. До сих пор мы не волновались, когда Мул побеждал, и, если он не зайдет в своих победах далеко, я не вижу причин начинать беспокоиться.

Ренду нахмурился и тщательно все обдумал про себя. Потом снова обратился к собеседникам:

— Вы еще не установили контакт с Мулом?

— Нет, — ответили оба в один голос.

— Но ведь все пытались это сделать. И в новой совместной встрече нет смысла, если не удастся наладить с ним контакт. Пока мы больше пили и кричали, чем думали и делали. Я цитирую «Радоль-Трибюн», и все это потому, что нам не удастся снестись с Мулом. Господа, около тысячи звездолетов ждут команды отправиться в атаку, когда наступит подходящий момент, чтобы взять контроль над Основанием. Я считаю, что мы можем изменить ситуацию. Надо ударить сейчас ПРОТИВ МУЛА.

— Ты хочешь сказать, против

тирана Индабура и его приспешников с Основания? — ноты недоверия и угрозы слышались в словах Мангина.

Ренду поднял худую руку.

— Я ничего не боюсь. Против Мула, а не против кого-не-знаю-сам.

Овалл поднялся со своего места.

— Ренду, я не хочу иметь к этому никакого отношения. Если тебе так не терпится совершить политическое самоубийство, то предоставь свой проект на обсуждение Общего собрания.

Он вышел, не говоря больше ни слова, и Мангин последовал за ним, оставив Ренду на долгие часы обдумывать неразрешимые проблемы. На Общем совете в этот

вечер Ренду ничего не сказал.

А на следующее утро к нему в комнату ворвался Овалл, взволнованный, кое-как одетый, не успевший ни вымыться, ни побриться.

Ренду уставился на него из-за стола, на котором остывал завтрак, с таким нескрываемым удивлением, что даже выронил свою трубку.

Проглатывая слова, Овалл быстро говорил:

— Мнемон атакован из космоса предательским нападением.

Глаза Ренду сузились.

— Основание?

— Мул! — взорвался Овалл. —

Мул!

Торопясь он продолжал:

— Нападение произошло без предупреждения и намеренно. Большая часть нашего космического флота присоединилась к Международной флотилии. Звездолеты, оставленные для охраны, были не в состоянии что-либо сделать, и их взорвали. На планету пока не приземлились, может быть, и не приземлятся, потому что по донесениям от половины атакующих ничего не осталось, но это война, и я пришел спросить, какова будет позиция Убежища.

— Убежище в любом случае ни на шаг не отступит от Хартии нашей федерации. Но теперь-то вы видите,

он атакует нас так же, как и
Основание.

— Этот Мул — сумасшедший.
Разве может он победить
Вселенную?

Овалл задохнулся, уселся на стул
и схватил Ренду за руку.

— Несколько наших людей,
чудом оставшихся в живых,
докладывают, что у Мула есть новое
оружие. Депрессор атомного поля.

— Что?

— Мы потеряли большую часть
кораблей только из-за того, что их
атомное оружие внезапно отказало.
Это не могло быть ни саботажем, ни
случайностью. Это, должно быть,
новое оружие Мула. Оно работает

неидеально. Эффект не непрерывный, есть способы его нейтрализовать. Мне доложили об этом очень невнятно. Но, видите ли, такое оружие меняет всю природу войны, оно делает наш флот устаревшим.

Ренду почувствовал себя старым-старым человеком. Лицо его осунулось прямо на глазах.

— Боюсь, что появилось чудовище, которое сожрет всех нас. Мы должны бороться с ним.

7. Визи-сонар

Дом Эблинга Миса в не очень престижном квартале Терминус-сити был хорошо известен интеллигенции, литераторам и просто хорошо образованным людям Основания. Характеристики, которые давали этому дому, зависели от того, кто что читал или слушал. Для задумчивого биографа дом этот был «символом ухода от академической действительности»; газетный обозреватель писал о «мужском духе небрежности и беспорядка»; ректор университета неодобрительно отзывался как о месте с хорошей библиотекой, но неорганизованном;

друзья, не имеющие отношения к университету, говорили: «Всегда есть что выпить и можно лечь с ногами на диван». А в еженедельной телевизионной передаче вещали о «штаб-квартире святотатца и революционера лысого Эблинга Миса».

Для Бейты, которая в настоящий момент не могла никому ничего сказать, дом этот был просто грязным.

За исключением первых нескольких дней, ее заключение проходило легче. Куда легче, чем это получасовое ожидание в доме психолога, где, может быть, за ней тайно наблюдали? По-крайней мере,

там она была с Тораном. Возможно, она со временем волновалась бы меньше, если бы не Магнифико, который повесил свой длинный нос, и это явно показывало, что он боится куда больше, чем она. Ноги Магнифико были подогнуты к самому подбородку, будто он хотел сделаться как можно незаметнее, и Бейта подняла свою руку ладонью вверх, подбадривая его. Магнифико поморщился, но потом улыбнулся.

— Скажу я вам, миледи, что даже вот сейчас мой ум и тело в разногласии, и тело привыкнуть все никак не может, удара ожидая.

— Не надо бояться, Магнифико, я с тобой. Я никому не позволю

обидеть тебя.

Клоун быстро окинул ее взглядом, потом глаза его уставились в сторону.

— Но они уже держали меня без вас раньше и без вашего доброго супруга, и даю честное слово, хотя вы мне можете и не верить, что я скучал по вас и дружбе с вами. И можете смеяться надо мной.

— Я не собираюсь над этим смеяться. Мне тоже не хватает твоей дружбы, Магнифико.

Лицо клоуна посветлело, и он еще плотнее поджал ноги.

— Вы не встречали раньше этого человека, которого должны увидеть? — спросил он.

Вопрос был задан очень осторожно.

— Нет. Но он знаменитый человек. Я видела его по телевизору и много о нем слышала. Я думаю, что он добрый человек, Магнифико, и не причинит нам вреда.

— Да?

Клоун заерзал на стуле.

— Может быть, миледи, но он допрашивал меня раньше и разговаривал так громко и резко, что я весь дрожал. Он говорил какие-то странные слова, и я не мог отвечать, потому что не понимал. И теперь я почти верю тому шутнику, который хотел поиздеваться надо мной и сказал, что в такие минуты сердце

уходит в горло и не дает говорить.

— Сейчас все будет по-другому. Нас ведь двое, а он один, и ему не удастся испугать нас, верно?

— Да, миледи.

Где-то хлопнула дверь, и ревуший голос заполнил собой весь дом. У самой их комнаты голос формировался в слова, произносимые с яростью:

— Великая Галактика, убирайтесь вон отсюда!

И можно было видеть сквозь открывавшуюся дверь двух поспешно отступающих в форме стражников.

Эблинг Мис вошел в комнату, нахмурившись, положил тщательно завернутый пакет на пол и, подойдя к

Бейте, крепко пожал ей руку. Бейта ответила таким же крепким, мужским пожатием. Мис повернулся к клоуну, кивнул головой и посмотрел на Бейту более внимательно.

— Замужем? — спросил он.

— Да, мы зарегистрировали брак.

Мис помолчал.

— И счастливы?

— Конечно.

Мис пожал плечами и вновь повернулся к Магнифико, потом развернул свой пакет.

— Знаешь, что это такое, мой мальчик?

Магнифико

буквально

выпрыгнул с того места, где сидел, схватил многоклавишный инструмент, провел пальцем по клавишам и испустил крик радости, затем заплясал так, что от его танца пострадала ближайшая мебель.

— Визи-Сонар! — хрипел он. —
Который пробудит радость и в сердце мертвого.

Его длинные пальцы перебирали клавишу за клавишей, и воздух перед ним чуть порозовел.

— Ну, ладно, мой мальчик, —
сказал Эблинг Мис. — Ты говорил,
что можешь из этой штуковины
выжимать звуки, вот тебе и
представляется случай. Только
настрой его сначала, инструмент

прямо из музея.

Мис повернулся и обратился к Бейте.

— Насколько я понял, ни один человек на Основании не может заставить заговорить этот инструмент.

Он наклонился к Бейте поближе и заговорил быстрым шепотом:

— Клоун без вас вообще не хочет разговаривать. Поможете?

Она кивнула.

— Хорошо, — Мис казался довольным. — У него прямо-таки навязчивый страх, и я сомневаюсь, что его здоровье позволит ему психическую пробу на детекторе. Если мне и удастся чего-то добиться,

то только если он будет чувствовать себя в полной безопасности. Вы понимаете?

Она опять кивнула.

— Этот Визи-Сонар — первый шаг. Он говорит, что может играть на нем, и по его реакции видно, что это одна из немногих радостей в его жизни. Так вот, как бы ни играл он — плохо ли, хорошо ли, — сделайте вид, что вам очень понравилось. И еще: ведите себя по отношению ко мне дружественно и с доверием.

Он бросил быстрый взгляд на Магнифико, сидевшего в самом углу дивана и быстро настраивавшего инструмент. Клоун, казалось, никого и ничего не видел и не слышал.

Мис повысил голос, так чтобы его было слышно, и начал говорить, обращаясь к Бейте:

— Вы когда-нибудь слышали о Визи-Сонаре?

— Только один раз, — так же громко ответила ему Бейта. — На концерте редких инструментов. Мне не понравилось.

— Наверное, исполнитель был неважный. Игра на нем требует не столько физической координации движений — на многоклавишном пианино, например, их больше — сколько определенного полета свободной мысли.

Шепотом он добавил:

— Так что этот живой скелет

может оказаться лучше самых наших оптимистических ожиданий. Очень часто хорошие исполнители — идиоты в повседневной жизни. Это одна из тех странных особенностей, которые делают жизнь интересной.

И вновь он повысил голос, неуклюже пытаясь поддержать светскую беседу.

— Вы знаете, в чем тут дело? Я специально просмотрел инструкцию, но понял только одно: излучения стимулируют зрительный центр мозга напрямую, не затрагивая оптического нерва. Фактически это возбуждение того самого шестого чувства, которое не предусмотрено природой. Если задуматься, то это

просто удивительно. Наш слух — вещь обыденная. Тут все понятно. Ушная раковина, среднее ухо, барабанная перепонка и все такое. Но... Шшш... он готов. Выключите свет. Лучше слушать в темноте.

В темноте Магнифико выглядел темным пятнышком, а Эблинг Мис — огромной, тяжело дышащей массой. Бейта поймала себя на том, что старается пристально всматриваться в клоуна и его игру, но вначале ничего не увидела. Но вот в воздухе почувствовалось небольшое дрожание. Оно нарастало сильнее и сильнее, пока не раскололось с треском, как бы разрывая завесу, снимая покров с обыденного.

Небольшой шарик пульсирующего света ритмически разбухал и опадал, а потом взорвался в воздухе и бесформенными лентами устремился ввысь, затем вновь падал извивающимися потоками, превращавшимися в маленькие сферы, каждая своего цвета, неповторимого, яркого, и тут-то Бейта начала видеть. Она обратила внимание на то, что с закрытыми глазами цвета видны лучше, что каждому небольшому движению света соответствует свой звук, что она не в состоянии правильно определить цвет, что шарики вовсе не шарики, а маленькие фигурки, танцевавшие и переливавшиеся, и их

не счесть, они неожиданно исчезали и появлялись неизвестно откуда, то вдруг уничтожали один другого и превращались в новые.

Невольно Бейта подумала о тех пятнах света, которые можно видеть ночью, если плотно изо всех сил закрыть глаза, так чтобы стало больно, и внимательно смотреть. Сейчас происходило нечто подобное: разноцветные точки плясали, складывались в концентрические круги, в бесформенные массы, которые странно дрожали. Но сейчас все происходило в больших размерах, разнообразнее, каждая маленькая цветная точка была фигуркой.

Они кинулись на нее парами, и

от неожиданности она подняла руки, но они остановились, на мгновение она была окружена световым снегопадом: холодный свет стекал с ее плеч и рук люминесцентным потоком, пока она не смогла отличить света от музыки.

Бейта подумала, видит ли Эблинг Мис то же самое, а если нет, то что именно. Эта мысль быстро промелькнула, а потом она снова стала зрительницей. Маленькие фигурки — были ли они маленькими фигурками? — крошечные женщины вертелись и нагибались слишком быстро, чтобы их движения мог зарегистрировать ее мозг, обхватывали друг друга, превращаясь

в сияющие звездочки; сама музыка лилась слабым смехом, девичьим светлым смехом, еще звучавшим в ее ушах. Звезды соединялись, сияли друг другу, медленно образовывали какую-то форму, а снизу вырастал сказочный дворец. Каждый его камень имел свой собственный цвет, каждый цвет был крохотной искоркой, каждая искорка меняла свои очертания и медленно высвечивала двадцать башен, поднимающихся в небо. Сверкающий драгоценными камнями шатер космоса осветил деревья, каждое из которых играло свою собственную мелодию.

Музыка окутала Бейту, звенела

вокруг нее мощными лирическими потоками. Бейта протянула руку, чтобы дотронуться до дерева, и разноцветные бутоны медленно начали падать вниз и исчезать во вспышках света.

Музыка рухнула двадцатью водопадами, ярко загорелась перед ней вспышками света, как будто по невидимым ступеням опустилась на колени и поплыла, несомая быстрым течением, поднимаясь искрами к ее талии, а на ее коленях расцветала радуга, по которой шла толпа разноцветных фигурок...

Дворец, и сад, и крошечные мужчины и женщины на мосту, насколько хватило взгляда, купались

в свете прозрачной музыки, обволакивающей ее...

А затем... наступила как бы испуганная пауза, странное колебание, крушение всего. Все цвета собрались в странный большой шар, постепенно сжимающийся, и исчезли.

И вновь в комнате было просто темно. Тяжелая нога нащупала педаль выключателя, нажала на него, зажегся тусклый дневной свет. Бейта заморгала глазами, на которых показались слезы, казалось, она сожалела, что все так быстро кончилось.

Эблинг Мис представлял собой удивительное зрелище: глаза у него

были круглыми, а рот широко раскрыт.

Один лишь Магнифико не обращал ни на что и ни на кого внимания, его пальцы в экстазе гладили клавиши Визи-Сонара.

— Миледи, — едва выдохнул он, — это волшебный инструмент. Я даже не мог надеяться, что возможна такая чуткость и нежность. Никогда я еще не держал в руках такого великолепного сонара, на нем можно, действительно, творить чудеса. Как вам понравилась моя композиция, миледи?

— Ты ее сам придумал? — удивление Бейты было безграничным.

От ее восторженного голоса лицо его покраснело от ушей до длинного тонкого носа.

— Миледи, Мулу она не понравилась, но я часто играл ее для своего удовольствия. Когда-то в молодости видел я дворец — во время карнавала сверкали его усыпанные драгоценностями башни издалека. И там люди были такие величавые и могущественные; никогда больше я не встречал подобных, даже на службе у Мула. Я создал лишь жалкое подобие того, что видел, но бедный мой ум хочет большего. Я назвал эту музыку «Память о Рае».

Под эти разговоры Мис очнулся.

— Послушай, — сказал он. — Послушай, Магнифико, ты не отказался бы это сыграть для других?

На какое-то мгновение клоун, казалось, отпрянул назад.

— Для других? — голос его задрожал.

— Для тысяч других! — вскричал Мис. — В больших залах Основания! Неужели ты не захочешь быть сам себе хозяин, всеми уважаемый, богатый и...

Тут воображение оставило его.

— И все такое! А? Что ты на это скажешь?

— Но как же я смогу стать таким могущественным, господин, если я всего-навсего жалкий бедный

клоун?

Психолог настолько был увлечен своей идеей, что с него катился градом пот, он вытер мокрый лоб рукой и продолжал:

— Но твоя игра, мой мальчик, великолепна. Весь мир будет твоим, если ты так же сыграешь для мэра и его торгашей. Разве тебе этого не хотелось бы?

Клоун быстро взглянул на Бейту.

— А ОНА со мной останется?

Бейта засмеялась.

— Ну, конечно, глупышка. Неужели я брошу тебя сейчас, когда ты можешь стать богатым и знаменитым?!

— Все будет вашим, миледи, —

серьезно ответил Магнифико, — все богатство Галактики станет вашим, прежде чем я смогу отплатить вам за доброту.

— Но, — небрежно заметил Мис, — сначала ты должен мне чуточку помочь...

— Как это?

Психолог замолчал и улыбнулся:

— Небольшая поверхностная проба, которая не повредит. Она даже не затронет ни одной клеточки твоего мозга...

В глазах Магнифико зажегся смертельный ужас.

— Нет, нет, не надо проб. Я видел, как это делают. Высасывают мозг, остаются одни пустые черепа.

Мул пытал так предателей и выпускал их на улицу; они, безумные, блуждали, как слепые, пока кто-нибудь из жалости не убивал их.

Он поднял руку, как бы защищаясь от Миса.

— Это была психологическая проба, — нетерпеливо объяснял Мис. — Она может нанести непоправимый вред, если очень неумело пользоваться детектором. А я хочу провести поверхностную пробу, которая не повредит и ребенку.

— Все в порядке, Магнифико, — настойчиво сказала Бейта. — Это только для того, чтобы победить Мула и держать его далеко-далеко от

всех нас. Когда это будет сделано, ты и я станем богатыми и известными на всю оставшуюся жизнь.

Магнифико вытянул дрожащую руку.

— Но вы будете держать меня за руку, да?

И Бейта взяла его руку обеими своими, а клоун расширенными от страха глазами смотрел, как к его голове приближаются металлические пластины.

Некоторое время спустя Эблинг Мис удобно развалился в комфортабельном кресле личных апартаментов Индабура, не испытывая никакого уважения и

благодарности от такого
неслыханного отношения к своей
особе. Без всяких симпатий смотрел
он на суетившегося мэра, затем
прямо на пол выкинул изжеванный
окурок сигары и плюнул густой
табачной слюной.

— И кстати, Индабур, если вы
хотите увидеть нечто необычайное на
своем следующем концерте в
Мэллоу-холле, выкиньте своих
исполнителей на электронных
инструментах в канаву, из которой
они пришли, и возьмите этого
маленького дегенератика,
божественно играющего на Визи-
Сонаре.

— Я позвал вас сюда, — угрюмо

ответил Индабур, — вовсе не для того, чтобы выслушивать ваши лекции по музыке. Что Мул? Скажите, что вы о нем узнали?

— Мул? Видите ли, честно говоря, я проделал над клоуном только поверхностную пробу и узнал очень мало. Не могу воспользоваться психической пробой, потому что уродец панически ее боится, а в этом случае его сопротивление играет большую роль. Он просто может сойти с ума, как только я замкну контакт. Но кое-что я узнал; если вы прекратите стучать пальцами по столу, я продолжу. Во-первых, относительно физической силы Мула. Он, вероятно, силен, но я

думаю, что все рассказы о его силе преувеличены. Мул носит странные очки, и взгляд его убивает. Очевидно, он использует парапсихологическую силу.

— Это мы знали с самого начала, — проворчал мэр.

— Значит, проба подтвердила это, а я сделал кое-какие математические выкладки. Они еще не закончены.

— Да, и сколько времени это займет? Мне надоела одна пустая болтовня.

— Примерно месяц, и я смогу сказать вам что-то определенное. А может быть, и нет. Дело в том, что если все это не имеет отношения к

Плану Сэлдона, то наши шансы малы.

Индабур свирепо накинулся на психолога:

— Предатель! Лжец! Ты один из тех преступных распространителей слухов, которые кричат о поражении и вносят панику на все Основание. Скажи, что это не так. Вы все делаете мою работу все труднее и труднее!

— Я? Я?

От злости Мис медленно начал заливаться красной краской.

Индабур выругался и продолжал кричать:

— Потому что, клянусь пылевыми облаками Галактики,

Основание выиграет. Основание
ДОЛЖНО выиграть!

— Несмотря на поражение при
Хорлеггоре?

— Это было не поражение. И вы
тоже подхватили лживую сплетню о
поражении. Нас просто предали, и
их было в несколько раз больше.

— Кто же предал нас? —
презрительно спросил Мис.

— Эти проклятые демократы, —
закричал на него Индабур. — Я давно
уже знал, что в наш флот проникли
демократические элементы. Многие
ячейки мы выявили, но их осталось
вполне достаточно, чтобы двадцать
наших звездолетов неожиданно
сдались неизвестно почему, в самой

гуще сражения. Этого хватило, чтобы произошло непоправимое. Вот почему мы проиграли сражение.

— А вы, — продолжал он, — вы грубый, простой патриот, к сожалению, обладающий всевозможными достоинствами. Я бы хотел знать, каковы ваши связи с демократами?

Эблинг Мис пожал плечами.

— Вы просто боитесь и поэтому беситесь, вы сами хоть это понимаете? А как насчет дальнейшего отступления и потери половины Сивенны? Опять демократы?

— Нет. Не демократы, — резко ответил Индабур. — Мы отступаем,

как всегда вначале Основание отступало при нападениях, но неизбежен ход истории; он все повернет в другую сторону. Я уже вижу исход. Так называемое демократическое подполье уже издало манифесты, призывающие к помощи и объединению с правительством. Может быть, это ловкий ход, чтобы скрыть более глубокое предательство, но я могу хорошо использовать их предложение, и тогда сама пропаганда такого манифеста будет иметь огромный успех, если они действительно предатели. И более того...

— Даже более того, Индабур?

— Судите сами. Два дня назад так называемая Лига свободных торговцев объявила войну Мулу, и теперь наш флот увеличился одним махом на тысячу звездолетов. Видите ли, Мул слишком далеко зашел. Он увидел, что мы разобщены и ругаемся друг с другом, но под его ударами мы объединились и стали еще сильнее. Он ДОЛЖЕН проиграть. Это неизбежно — как всегда!

Мис оставался все так же скептичен.

— Значит, вы хотите сказать, что Сэлдон мог предусмотреть даже появление мутанта?

— Мутанта! А я считаю, что он

человек, и у меня нет других свидетельств, кроме как революционера капитана, каких-то двух молокососов, да еще шута в придачу. К тому же вы забываете о самом важном свидетельстве в мою пользу — о вашем собственном.

— О моем?

На какое-то мгновение Индабуру удалось ошеломить Миса.

— О вашем, — фыркнул мэр. — Временной Сейф открывается через девять недель. А мы знаем, что он открывается только во время кризисов. И если нападение Мула не кризис, то где же тогда настоящий? Ну-ка, ответьте, упрямый бык?

Психолог пожал плечами.

— Ну, хорошо, если вам от этого легче. Сделайте мне, однако, одолжение. На случай — на СЛУЧАЙ, — если Сэлдон произнесет свою речь и вдруг окажется, что он говорит что-то не то, вы разрешите мне присутствовать на открытии Сейфа.

— Хорошо. А теперь убирайтесь. И не попадайтесь мне на глаза все эти девять недель.

— С превеликим удовольствием, ... ты.... создание из фильма ужасов, — пробормотал про себя Мис, выходя вон.

8. Падение Основания

Странная атмосфера царила во Временном Сейфе, атмосфера, которую невозможно было сразу определить. Здесь не было грязно, помещение хорошо освещалось, в нем работали кондиционеры, стены были обиты цветным пластиком, а удобные кресла предназначались, видимо, для вечного пользования. Помещение не выглядело и старинным, так как за три века мало что изменилось. Сам Сейф был очень просторным, и никакой другой мебели в нем не было, а примерно половину комнаты занимал пустой стеклянный куб. Четыре раза за три

века живое изображение Хари Сэлдона появлялось в кубе. Дважды ученый говорил для пустой аудитории. Этот старик видел еще великие дни объединенной старой Империи, но он больше понимал в Галактике, нежели его пра-пра-пра-правнуки, населявшие Галактику сегодня. В Сэлдона верили. На Сэлдона надеялись. Сэлдона ждали. И стеклянный куб тоже ждал.

Первым прибыл мэр Индабур III, приехав на своем церемониальном автомобиле сквозь волнуемые улицы, наполненные толпами людей. Вместе с мэром прибыло его собственное кресло, гораздо выше и шире тех, что находились в Сейфе.

Кресло поставили впереди, и мэр Индабур возвышался перед всеми один на один перед экраном.

Торжественный представитель слева от него смиренно наклонил голову.

— Ваше превосходительство, все готово для скорейшего Вашего выступления по радио сегодня вечером.

— Прекрасно. А тем временем продолжайте специальную межпланетную программу об открытии Временного Сейфа. Естественно, не должно быть никаких предсказаний и гаданий о том, что должно произойти. Реакция народа по-прежнему

удовлетворительна?

— Ваше превосходительство, даже более того. Слухи, ранее распространявшиеся, прекратились. У всех появилась уверенность.

— Прекрасно!

Небрежным движением руки он отпустил представителя и тщательно расправил и без того идеально лежавший воротничок.

Было без двадцати минут двенадцать.

Избранная группа из служащих мэрии — лидеры самых крупных торговых организаций — появлялись по одному или по двое, согласно установленному этикету и отношению мэра.

Они подходили к мэру, выслушивали несколько обращенных к ним приветственных слов и садились на заранее отведенные им места.

Не замеченный в общей церемониальной шумихе появился Ренду с Убежища и без объявлений протолкался к мэру.

— Ваше превосходительство, — прошептал он и наклонился.

Мэр нахмурился.

— Вам не было дано разрешения на аудиенцию.

— Ваше превосходительство, я обратился с этим неделю назад.

— Я сожалею, что государственные дела в связи с

открытием Временного Сейфа
Сэлдона помешали мне...

— Ваше превосходительство, я
об этом тоже сожалею, но должен
просить Вас отменить приказ о том,
что звездолеты независимых
торговцев должны быть размещены
между флотилиями Основания.

При этом заявлении Индабур
покраснел до корней волос.

— Сейчас не время для
подобного обсуждения.

— Ваше превосходительство,
это единственно возможное
время, — настойчиво прошептал
Ренду. — Как представитель
независимых торговых миров,
должен Вам заявить, что такому

приказу невозможно будет подчиниться. Его следует отменить, прежде чем Сэлдон решит за нас эту проблему. Когда опасность минует, поздно уже будет что-то решать и Ваша помощь растает как дым.

Индабур холодно уставился на Ренду.

— Вы понимаете, что я глава вооруженных сил Основания? Имею ли я право распределять свои силы как хочу или нет?

— Ваше превосходительство, Вы имеете полное право, но некоторые вещи невозможно так делать.

— Я не признаю невозможного. В нашем положении опасно отделять один флот звездолетов от другого.

Это будет только на руку противнику. Мы должны объединиться, посол в военном положении, как и в политическом.

Ренду от волнения весь напрягся и заговорил, нарочно опустив титул:

— Вы чувствуете себя сейчас в безопасности перед выступлением Сэлдона. Вы хотите пойти против нас. Месяц назад Вы были мягким и уступчивым, когда наш флот победил Мула при Торелле. Я должен напомнить Вам, сэр, что флот Основания был побежден в битвах целых пять раз, а корабли независимых торговцев выигрывали битвы.

Индабур

угрожающе

нахмурился.

— Вы больше нежелательны на Терминусе, посол. Ваши бумаги будут подписаны сегодня же вечером. Более того, ваша связь с демократическими силами будет тщательно изучена.

— Когда я уеду, — сказал Ренду, — вместе со мной отправятся и наши звездолеты. Я ничего не знаю о демократах. Я знаю только одно: звездолеты Основания сдавались в плен Мулу из-за предательства их высших офицеров, а не наоборот. Я Вам говорю, что двадцать звездолетов Основания сдались в плен при Хорлеггоре по приказу их адмирала, причем противники даже

не успели вступить в сражение. Этот адмирал был Вашим сподвижником — он председательствовал на процессе моего племянника, когда тот вернулся с Калгана. Это не единственный случай, о котором мы знаем, и наши звездолеты не собираются рисковать, оказавшись под командой потенциальных предателей.

— Вас возьмут под стражу, прежде чем вы покинете это помещение, — ответил Индабур.

Ренду повернулся и ушел. Его проводили презрительные взгляды правящей верхушки Терминуса. Было без десяти минут двенадцать!

Бейта и Торан тоже прибыли.

Они привстали с сидений, когда Ренду проходил мимо.

Он мягко им улыбнулся.

— Вы все-таки здесь. Как это вам удалось?

— Магнифико был нашим политиком, — усмехнулся Торан. — Индабур настаивает, чтобы он сочинил на Визи-Сонаре композицию о Временном Сейфе, где мэр, несомненно, будет являться главным героем. Магнифико отказался прийти без нас, и его невозможно было уговорить. Эблинг Мис тоже с нами, вернее, был, он только что куда-то отошел.

Внезапно, почувствовав неладное, Торан встревоженно

спросил:

— Что случилось, дядя? Ты плохо выглядишь.

Ренду кивнул.

— Ты прав. Наступают плохие времена для нас, Торан. Боюсь, когда покончат с Мулом, придет наша очередь.

Они заметили, что к ним направляется Притчер, строгий и торжественный, в белом костюме, приветствуя их легким поклоном головы. Бейта протянула руку, улыбаясь одними глазами:

— Капитан Притчер! Значит, вас отпустили.

Капитан пожал ей руку и поклонился еще ниже.

— Ничего подобного. Доктор Мис, насколько я понял, настоял на моем присутствии здесь. Но это лишь временно. Завтра вновь под домашний арест. Сколько сейчас времени?

— Без трех минут двенадцать!

А на Магнифико жалко и больно было смотреть — казалось, что-то его сильно угнетает. Все его тело изогнулось в чрезмерной и вечной попытке выглядеть как можно незаметнее. Ноздри длинного носа смешно раздувались, большие опущенные вниз глаза иногда бегали по сторонам. Он уцепился за руку Бейты и, когда она наклонилась, прошептал:

— Как вы считаете, миледи, все эти могущественные люди присутствовали на концерте, когда я играл на Визи-Сонаре?

— Думаю, что все они там были, — заверила его Бейта и мягко потрясла за плечо. — Я уверена, что все считают тебя самым великим исполнителем на Визи-Сонаре во всей Галактике. А твой концерт — самое изумительное из всего, что они слышали, так что выпрямись и сядь правильно. Ты должен вести себя с достоинством.

Он слабо усмехнулся на ее шутливо-грозное замечание и медленно выпрямился.

Был ровно полдень! Стеклоанный

куб больше не пустовал. Вряд ли кто помнил сам момент появления Сэлдона. Это произошло как-то слишком быстро: ничего не было — и вдруг все увидели ученого. Сэлдон сидел в кресле-каталке, старый и сморщенный, одни глаза его сверкали. На коленях страницами вниз лежала книга. Голос его был стар и мягок.

— Я — Хари Сэлдон, — произнес он в полной тишине, и его негромкий голос прозвучал как гром.

— Я Хари Сэлдон. Я не знаю, присутствует ли кто-нибудь сейчас в этом зале, но думаю, что это не имеет большого значения. У меня есть еще небольшое опасение, что

план может сорваться. Для первых трех видов процентная вероятность успеха равнялась 94,2.

Он помолчал, улыбнулся и мягко добавил:

— Кстати, если кто-то из вас стоит, сядьте, пожалуйста, и если вы хотите курить, я тоже не возражаю. Я нахожусь здесь не во плоти, и мое присутствие не требует формальностей. Давайте же перейдем к обсуждению насущной проблемы. Впервые Основание оказалось перед лицом настолько серьезной опасности и, быть может, перед последними приготовлениями к развязыванию гражданской войны. До сих пор нападения извне успеха

не имели согласно математически строгим законам психоистории. Нападение, которое произошло сейчас, проведено слишком свободной группировкой Основания против слишком авторитетного центрального правительства. В этом назрела необходимость, и результат очевиден.

Среди правящей верхушки аудитории произошло некоторое замешательство. Индабур приподнялся в своем кресле.

Бейта наклонилась вперед, она почувствовала, что начинает волноваться. О чем это говорит великий Сэлдон? Она пропустила несколько его слов...

— ...выработанный компромисс был необходим в двух отношениях. Восстание независимых торговцев является следствием новой неопределенности в правительстве, которое, возможно, стало слишком самоуверенным. Восстанавливается элемент старательности. Хотя побежденное, но здоровое течение демократов...

Теперь уже многие говорили вслух. Аудитория волновалась, начиналась паника.

Бейта сказала Торану на ухо:

— Почему он не говорит о Муле? И торговцы никогда не восставали.

Торан пожал плечами. Сквозь нарастающий шум в зале все труднее

было разобрать, о чем говорит великий старец.

— ...новая и более жесткая позиция правительства была необходимостью и прекрасным выходом из логически вытекающей гражданской войны, насильно навязанной Основанию. И сейчас только остатки старой Империи стоят на пути дальнейшей экспансии, а о них, по крайней мере, последующие несколько лет не надо будет и думать. Конечно, я не могу сообщить вам природу следующего кризиса, потому что вы ничего не должны знать о нем, иначе...

Рев толпы непрерывно усиливался, великий Сэлдон

беззвучно шевелил губами. Его никто не слушал.

Эблинг Мис подбежал к Ренду. Лицо его было красным от возбуждения, он кричал:

— Сэлдон сошел с ума. Он перепутал кризисы. Разве вы, торговцы, когда-нибудь планировали войну?

— Нет, конечно, — ответил Ренду. — Мы все отменили перед лицом новой опасности со стороны Мула.

— Но тогда Мул — добавочный элемент непредставленной сэлдоновской психоистории. Что же теперь будет?

Внезапно наступила полная

тишина, и Бейта с ужасом обнаружила, что стеклянный куб вновь пуст. Атомное свечение стен померкло, кондиционеры отключились.

Откуда-то донесся звук сирены, резкий, нарастающий. Ренду произнес одними губами:

— Атака из космоса!

Эблинг Мис поднес к уху часы, которые были у него на руке, и заревел:

— Клянусь Галактикой! Остановились! Есть ли здесь в комнате хоть одни часы, которые идут?

Голос его резал как нож.

Присутствующие разом

прислушались — ни одни часы не работали.

Эблинг заговорил, обнаружив свои страшные подозрения:

— Что-то основательно попортило Временной Сейф, значит, Мул атакует.

Крик Индабура перекрыл поднявшийся шум:

— Всем сесть на свои места. Иуда Мул в пятидесяти парсеках отсюда.

— Это было, — вскричал Мис, — неделю назад. А сейчас Терминус бомбардируют.

Бейта почувствовала большую усталость и горечь, у нее перехватило дыхание от отчаяния и боли.

Снаружи раздавался шум волнующейся толпы. Двери распахнулись настежь, в них ворвался человек, стремительно направляясь к Индабуру.

— Ваше превосходительство, — прошептал он. — В городе не двигается ни одна машина, нет внутренней и внешней связи. Получено сообщение о поражении десятого флота, а звездолеты Мула уже вошли в атмосферу.

Индабур покачнулся и упал, оставшись неподвижно лежать на полу. Во всем зале стояла мертвая тишина. Даже толпа снаружи почему-то умолкла, всех охватила страшная паника.

Индабура подняли. Губы его смочили вином. Он пошевелился и, прежде чем открыть глаза, его губы произнесли только одно слово:

— Сдавайтесь!

Бейта ощутила, что сейчас заплачет не от унижения, а от безотчетного ненавистного отчаяния. Эблинг Мис дернул ее за рукав.

— Пойдемте, девушка...

Она почувствовала, как ее поднимают с места.

— Мы уходим, — сказал Мис. — Только заберите с собой вашего музыканта.

Лицо ученого покрылось мертвенной бледностью, губы дрожали.

— Магнифико, — позвала Бейта слабым голосом.

Клоун весь сжался от ужаса. Его глаза были мутными.

— Мул! — взвизгнул он. — Мул пришел за мной.

При ее прикосновении он начал дико махать руками. Торан наклонился к нему. Магнифико рухнул без сознания, и Торан взвалил его к себе на плечо, как мешок с картошкой.

На следующий день уродливые черные звездолеты Мула стали один за другим опускаться на космодромы Терминуса. Генерал ехал по пустынным улицам Терминус-сити в автомобиле с бензиновым

двигателем, так как ни один атомный генератор в городе не работал.

Объявление об оккупации было сделано двадцатью четырьмя часами позже выступления Хари Сэлдона перед бывшими правителями Основания.

Из всех планет Основания только независимые торговцы все еще оставались непобежденными, и против них вся мощь Мула, теперь уже завоевателя Основания, была брошена в бой.

9. Начало поисков

Одинокая планета Убежище отдаленного сектора межзвездной пустоты была осаждена. В строго военном смысле она действительно находилась в осаде, так как со всех сторон в этой галактической области находились базы Мула не далее как в двадцати парсеках. В течение 24 месяцев после крушения Основания все коммуникации Убежища нарушились, как рвется паутина под острым ножом. Космодром планеты превратился в военную базу, как и все Убежище в целом. Но ужаснее была другая осада: безнадежность и отчаяние поселились в душах

людей...

Бейта прошла по розовому полу мимо рядов ослепительно белых пластиковых столиков и остановилась у одного из них не выбирая. Она уселась поудобнее на высоком кресле без подлокотников, механически ответила на приветствия знакомых, потерла усталые глаза тыльной стороной ладони и взяла меню.

Здесь, на Убежище, блюда из водорослей считались деликатесами, но Бейта испытывала к ним отвращение, как и все жители Основания. Вдруг она услышала рядом с собой всхлипывания и подняла голову.

До сих пор она не обращала внимания на Джуди, самую обычную девушку: простую, курносую, со свѣтлыми волосами, сидевшую за столиком напротив. Бейта даже не узнала ее сначала. Сейчас Джуди плакала, с ожесточением кусая край носового платка и пытаясь удержать свои рыдания. Лицо ее покраснело и опухло.

Бесформенный антирадиационный костюм Джуди был небрежно откинут на плечи, а прозрачная пластинка, чтобы закрывать лицо, валялась в тарелке с десертом.

Бейта подошла к девушкам, по очереди утешавшим Джуди: они хлопали по плечу, прятали ее голову у

себя на груди и лепетали ничего не значащие слова.

— В чем дело? — прошептала Бейта.

Одна из девушек повернулась к ней и пожала плечами.

— Сама не знаю.

Потом, чувствуя возникшую натянутость, она добавила:

— Наверное, у нее был слишком тяжелый день. Она беспокоится о своем супруге.

— Он в космическом патруле?

— Да.

Бейта по-дружески положила руку на плечо Джуди.

— Почему бы тебе не пойти домой, Джуди? — она говорила

веселым деловым тоном, так не похожим на мягкие увещевания ее подруг.

От неожиданности Джуди подняла голову.

— Я уже была один раз дома на этой неделе...

— Вот и сходи во второй. Если ты этого не сделаешь, то наверняка свалишься и не выйдешь всю следующую неделю — так что, уходя домой сейчас, ты проявляешь свой патриотизм. Девочки, кто-нибудь из вас работает в ее отделе? Тогда заберите ее карточку. Сходи только сначала в туалет, Джуди, и приведи себя в порядок. Вперед!

Бейта вернулась на свое место

явно с облегчением. Плохое настроение легко передается другому. Одна ревущая женщина может вывести из строя весь свой отдел в эти напряженные дни.

Бейта сделала выбор блюд, нажала на кнопки рядом со своим локтем и положила меню обратно в углубление.

Высокая темноволосая девушка, сидевшая напротив, сказала:

— Нам ничего и не остается, как только плакать.

Ее удивительно полные губки едва двигались, когда она говорила, и Бейта заметила, что они были очень искусно покрашены, придавая лицу выражение
полуулыбки,

своейственной умудренным опытом
женщинам. Бейта подозрительно на
нее посмотрела, и в это время
появился ее завтрак: верхняя крышка
стола отодвинулась в сторону,
тарелки были подняты снизу.

— Неужели тебе больше не о
чем думать, Гелла? — спросила она.

— О, да, мне есть о чем
думать! — ответила Гелла и
выкинула свою сигарету привычным
и театральным жестом в небольшое
отверстие; атомная вспышка
уничтожила ее, прежде чем та успела
достигнуть неглубокого дна.

— Например, — и Гелла
положила свой подбородок на
мягкие, ухоженные руки, — я думаю,

что мы сможем очень хорошо договориться с Мулом и прекратить все эти глупости.

Бейта даже не нахмурилась в ответ на эти слова. Голос ее остался таким же легким и спокойным.

— У тебя случайно нет брата или мужа на звездолетах?

— Нет. Тем паче это говорит в мою пользу. Я не хочу видеть, как убивают чужих братьев и мужей. К чему эти жертвы?

— Лучше жертвы, чем поражение.

— Основание сдалось, и люди живут там в мире. Наши мужчины воюют, и вся Галактика против нас.

Бейта пожала плечами и нежно

сказала:

— Боюсь, что тебя больше беспокоит первое.

Она уткнулась в тарелку, принимаясь за овощи, и внезапно почувствовала, как вокруг нее установилась тишина. Никто не ответил на циничные слова Геллы.

Бейта быстро ушла из столовой, предварительно нажав на механизм уборки, приготовив стол для нового посетителя.

Девушка, сидевшая от Бейты тремя столиками дальше, драматическим шепотом спросила у Геллы:

— Кто это?

Пухлые губки Геллы

безразлично скривились.

— Племянница нашего координатора. Разве ты не знала?

— Вот как? — девушка посмотрела вслед уходящей Бейте. — Что она здесь делает?

— Работает так же, как и все. Разве ты не знаешь, что сейчас очень модно быть патриоткой? Все это так демократично, что меня просто тошнит.

— Ну, знаешь, ты не права, Гелла, — сказала некрасивая девушка, сидевшая справа. — Она еще ни разу не пожаловалась на нас своему дяде. Почему ты не хочешь оставить ее в покое?

Гелла обдала свою соседку

презрительным взглядом и закурила новую сигарету. Девушка слушала болтовню некрасивой подруги, глаза ее сверкали.

— Говорят также, что она была во Временном Сейфе, представляете, когда выступал Сэлдон, говорят, мэрахватила кондрашка, начались восстания и все такое в этом роде. Ей удалось улететь раньше, чем Мул приземлился, говорят, что это был самый захватывающий побег сквозь заградительный заслон.

В общем, я удивляюсь, почему бы ей не написать об этом книгу. Ведь, что и говорить, военные книги сейчас очень популярны. А еще говорят, что она была на этой

планете Мула — Калгане, и говорят...

Прозвучал звонок к окончанию завтрака, и зал медленно стал пустеть. Голос девушки, рассказывающей о приключениях Бейты, продолжал удивлять, и другая девушка прерывала его в нужных и ненужных местах словами «да ну!» или «не может быть!»

Большие огни пещеры выключились при спуске вниз, чтобы те, кто слишком устал на работе, могли отдохнуть. Бейта возвращалась домой. Торан встретил ее в дверях с куском хлеба, намазанным маслом.

— Где ты была? — спросил он с полным ртом.

Прожевав и проглотив кусок, он добавил уже более ясно:

— Я тут состряпал кое-какой обед. Если будет невкусно, то я здесь ни при чем.

Но она обошла вокруг него, глядя широко раскрытыми глазами.

— Тори, где твоя форма? Что ты делаешь в штатском?

— Приказ, Бей. Ренду заперся сейчас с Эблингом Мисом, и я понятия не имею, о чем они там разговаривают. Это все, что я могу тебе сказать.

— А я тоже с тобой?

Она прижалась к нему.

— Думаю, да. Возможно, это будет опасно.

— А что не опасно?

— Вот именно. Кстати, я уже послал за Магнифико, так что он, вероятно, тоже отправится с нами.

— Ты хочешь сказать, что его концерт на инженерной фабрике отменяется?

— Очевидно.

Бейта прошла в соседнюю комнату и села за стол, глядя на приготовленный Тораном обед который действительно был состряпан. Она быстро разрезала бутерброды напополам и сказала:

— Плохо, что концерт отменяется. Девочкам очень хотелось его услышать. О, господи, он такой странный.

— Магнифико просто пробуждает в тебе материнский инстинкт, Бейта, вот и все. Когда-нибудь мы заведем ребенка и ты забудешь клоуна.

Бейта ответила ему с набитым ртом:

— Мне кажется, что мой материнский инстинкт с трудом выдерживает одного тебя, не говоря о других.

А затем она отложила бутерброд и на секунду стала серьезной.

— Тори?..

— Что, Бейта?

— Тори, я сегодня была в городском зале столовой. Поэтому так задержалась.

— Что ты там делала?

— Видишь ли, — она заколебалась, не зная, говорить ли на эту тему, — честно говоря, я вряд ли смогу теперь работать на фабрике. Мораль... ее просто не существует. Девочки плачут без всяких видимых причин. Кто не плачет, становится циником. Даже у самых трудолюбивых опускаются руки. В моем отделении не выпускается и четверти продукции, которая выпускалась вначале. И каждый день все меньшее количество людей выходит на работу.

— Ну, хорошо, — сказал Торан, — но что ты там делала, в столовой?

— Задавала вопросы. Так повсюду, Тори, по всему Убежищу. Количество выпускаемой продукции падает, возрастают волнения и неудовлетворенность. Начальник бюро просто пожал плечами, после того как я целый час прождала в приемной, чтобы попасть к нему. Да и удалось мне это только потому, что я племянница координатора. Он ничего не может с этим поделать. Честно говоря, мне даже показалось, что ему все безразлично.

— Не преувеличивай, Бей.

— Но ведь это так.

Глаза ее пылали лихорадочным огнем.

— Я могу тебе сказать, почему

все так плохо. Люди в отчаянии, в таком же ужасном, какое охватило людей во Временном Сейфе после выступления Сэлдона. Ты ведь помнишь это чувство?

— Да, ты права.

— Ну вот, нам никуда не деться от этого, — продолжала Бейта. — Мы никогда не будем в состоянии противостоять Мулу. Если даже у нас и есть материальная база, то отсутствуют сердце, душа, воля... Тори, нет никакого смысла продолжать борьбу...

Торан не помнил, чтобы Бейта когда-нибудь плакала. Не плакала она и сейчас. Совсем. Но он понимал: ей нужно помочь

успокоиться.

Мягко Торан положил свою руку Бейте на плечо.

— Забудь все это, девочка. Я знаю, что ты чувствуешь. Но тут ничего...

— Да, тут ничего не поделаешь. Никто ничего другого не говорит. Мы все так сидим и ждем, когда нас уничтожат!

Она отвернулась. Но вот наконец снова взяла в руки бутерброд и чашку с чаем. Торан начал расстилать постель. Снаружи было темно.

Ренду	назначили
координатором.	Этот пост

учреждали на Убежище только в военное время. По просьбе Ренду ему отвели верхние комнаты, из окон которых можно было видеть крыши и зеленые сады города. Сейчас, когда огни пещеры были притушены, город играл тенями. Ренду некогда было задумываться, что бы это значило. Он разговаривал с Эблингом Мисом. Ученый смотрел прямо на Ренду своими маленькими чистыми глазами, но, казалось, интересовался только бокалом вина, который держал в руке.

— У нас на Убежище говорят, что, когда огни пещеры затухают, справедливые и хорошо поработавшие люди спят.

— А вы много спали за прошедшее время?

— Нет! Мне очень жаль, что я вас поздно побеспокоил. Почему-то за все прошедшее время мне стали очень нравиться ночи. Странно, не правда ли? Люди в условиях Убежища привыкли сразу же ложиться спать, когда нет света. И я тоже. Но сейчас все не так...

— Вы прячетесь, — спокойно сказал Мис. — Ведь вас окружают люди. И когда они работают, вы чувствуете на себе их взгляды и надежды. Это трудно выдержать. Когда же они спят — вы свободны.

— Значит, у вас тоже такое чувство? Жалкое чувство поражения.

Эблинг Мис медленно кивнул головой.

— Да. Это массовый психоз, дурацкая паника толпы. Великая Галактика, Ренду, а чего же вы ожидали? Вся культура Основания держалась на идиотской непреклонной вере в то, что народный гений прошлого все для них спланировал, приняв во внимание даже самые простые вопросы, мельчайшие подробности их дурацких жизней. Эти мысли вызывали в массах определенный настрой, и вы должны понимать, что все это значит.

— Не совсем.

Мис без всякого энтузиазма

принял к сведению, что ему придется кое-что объяснять. Поэтому он заворчал, уставился на длинную сигару, которую мямлил в пальцах, и начал:

— Ответная реакция на непреклонную веру. Когда такая вера рушится, наступает сильное шоковое состояние, а в результате — умственный крах. Крайний случай — истерия, ужасное чувство безысходности. Прогрессирующие случаи — сумасшествие и самоубийство.

Ренду откусил заусеницу на большом пальце.

— Другими словами, когда Сэлдон обманул нас, наша вера

исчезла, а мы полагались на него так долго, что наши мускулы атрофировались и мы не можем больше стоять на своих ногах.

— Вот именно. Немного неуклюжая метафора, но точная.

— А вы, Эблинг, как насчет своих, мускулов?

Психолог медленно затянулся сигарой и выпустил дым.

— Они отвыкли от дела, но не атрофировались. В моей профессии всегда требовалось независимое мышление.

— И вы видите выход?

— Нет, но он должен быть. Может быть, Сэлдон и не предвидел появления Мула. Может быть, ему

было трудно гарантировать нашу победу. Но ведь он не мог гарантировать и поражения. Просто он выключен из игры, и мы оказались одни. Мула можно победить.

— Как?

— Единственным способом, которым вообще одерживают победы. Надо с силой ударить по его слабому месту. Послушайте, Ренду, Мул вовсе не супермен. Если в конце концов его и победят, то это увидит каждый. Дело в том, что он просто никому не известен, а легенды создаются быстро. Говорят, что он мутант. Ну и что с того? Только для самого невежественного человека

мутант и сверхчеловек это одно и то же. На самом деле ничего подобного. Было вычислено, что в Галактике рождаются ежедневно около семи миллионов мутантов. Из нескольких миллионов только один или два могут быть исследованы с помощью микроскопа и химических анализов. Из этого одного-двух процентов так называемых макромутантов всего лишь один-два процента могут быть определены на глаз. И почти все они уродливые, годные лишь для увеселительных центров, лабораторий, или просто непригодные для жизни. Из тех нескольких случаев макромутантов, чьи мутации совершились в хорошую

сторону, почти все — безобидные редкости, необычные в чем-то одном и совершенно нормальные во всем остальном. Вы это понимаете, Ренду?

— Да. Но тогда кто же этот Мул?

— Допустим, Мул тоже мутант. Допустим, что у него есть какое-то свойство, безусловно, ментальное, которое может быть использовано при завоевании миров. Во всех остальных отношениях у него есть свои слабости, которые мы должны обнаружить. Он не вел бы себя так таинственно, не скрывался бы от людских глаз, если бы эти способности не были заметны и,

вероятно, являются для него роковыми. ЕСЛИ он мутант.

— А разве можно предположить что-нибудь другое?

— Безусловно. Свидетельство этой мутации — показания Гана Притчера из бывшего Бюро информации Основания. Он сделал свой вывод после того, как выслушал тех, кто, по его утверждению, видел Мула в раннем детстве. Притчер собрал эти сведения по крохам, и вполне возможно, что это сам Мул подсунул их ему для своих собственных целей. Широко известно, что слухи о его мутации помогли ему завоевать почти все. Здесь сыграла роль его

репутация супермена.

— Это интересно. И давно вам пришла в голову такая мысль?

— Я никогда серьезно не задумывался об этом. Просто это одна из возможных версий, которую необходимо обдумать. Например, Ренду, допустим, Мул нашел такую форму излучений, которая в состоянии угнетать ментальную энергию так же, как прибор, способный прекращать атомный распад (он находится в его распоряжении сейчас). Что тогда, а? Может ли это объяснить угнетенное настроение жителей Убежища и Основания?

Ренду, казалось, погрузился в

мрачное раздумье.

— А чем закончились ваши исследования шута?

И тут Эблинг Мис заколебался.

— Пока что ничего не получилось. Прежде чем Основание пало, я нагло разговаривал с мэром, чтобы поддержать в нем храбрость и, честно говоря, чтобы самому не струсить. Но, Ренду, если бы мои знания математического аппарата были обширнее, то, обследуя только одного клоуна, я мог бы полностью проанализировать Мула. Тогда он был бы у нас в руках и мы смогли бы объяснить те странные аномалии, которые меня так поражают.

— То есть?

— Подумайте сами. Мул запросто нанес поражение флотилии Основания, но ему ни разу не удалось заставить отступить в открытом бою куда более слабые флотилии свободных торговцев. Основание пало от одного удара — независимые торговцы сдерживают его удары до сих пор. Впервые он использовал свое гасящее поле на атомных оружиях в битве с независимыми торговцами при Мнемоне. Элемент неожиданности заставил проиграть битву, но они рассчитали это поле. Больше ему уже никогда не удастся использовать его против независимых. Но вновь и вновь оно срабатывало против

Основания. Оно сработало и на самом Основании. Почему? Ведь исходя из того, что мы узнали, это не логично. Следовательно, здесь должен быть фактор, которого мы не можем понять.

— Предательство?

— Это самая настоящая чушь, Ренду. Дурацкая чушь. Не найдешь ни одного человека на Основании, который не был бы полностью уверен в победе. Кто же захочет предать сторону, которая должна выиграть?

Ренду подошел к узорчатому стеклу и невидящими глазами долго смотрел на него. Потом медленно заговорил:

— Но ведь сейчас мы неизбежно проиграем, даже если у Мула есть тысяча слабостей и даже если бы у него их был миллион...

Он не повернулся. За него говорила его согбенная спина, его нервно сжатые руки.

— Мы слишком легко вышли из Временного Сейфа, и нам никто практически не мешал убежать, Эблинг, — сказал он. — Могли скрыться и другие, но мало кто этим воспользовался. Большинство осталось. Гасящее поле не было нейтрализовано. Это требовало изобретательности и затрат. Все звездолеты Основания могли улететь на Убежище или другие независимые

миры и продолжать драться. Этого не сделал ни один корабль. Грубо говоря, они сдались неприятелю.

— Подполье Основания, на которое здесь возлагали большие надежды, до сих пор себя ничем не проявило. Мул слишком большой политик, и когда он пообещал, что имущество и торговая прибыль торговцев останутся в неприкосновенности, они просто перешли на его сторону.

Эблинг Мис упрямо ответил:

— Плутократы всегда были среди нас.

— Но у них всегда была в руках власть. Послушайте, Эблинг. У нас есть основания предполагать, что

Мул и его приближенные уже давно установили контакт с самыми влиятельными людьми из руководства Основания, да и среди независимых торговцев тоже. По крайней мере, десять из двадцати семи торговых миров перешли на его сторону. Возможно, еще десять колеблются. На самом Убежище тоже есть много людей, которым будет неплохо под властью Мула. Очевидно, непреодолимо искушение — отбросить опасные политические соображения, если это позволит сохранить экономические выгоды.

— Вы не думаете, что Убежище будет бороться с Мулом?

— Нет, не думаю.

И теперь Ренду повернулся к психологу и посмотрел на него взглядом, полным тревоги.

— Я думаю, что Убежище только и ждет, чтобы сдать. Поэтому я и пригласил вас сегодня так поздно. Я хочу, чтобы вы покинули Убежище.

Эблинг Мис в удивлении причмокнул губами.

— Как, уже?

И Ренду почувствовал, как его охватила страшная усталость.

— Эблинг, вы самый великий психолог Основания. Конечно, настоящие психологи ушли вместе с Сэлдоном, но вы — это все, что у нас есть, наш единственный шанс на

победу. Здесь вы ничего не сможете сделать, а поэтому отправляйтесь-ка на планету, где еще сохранились остатки Империи.

— На Трантор?

— Вы угадали. Правда, от того, что было раньше Империей, ничего больше не осталось. Но в самом ее центре не могло все исчезнуть, там должны быть записи, отчеты, Эблинг. Может, вам удастся больше узнать о математической психологии, ну хотя бы столько, сколько нужно для исследования мозга клоуна. Он, конечно, отправится с вами.

Мис сухо ответил.

— Сомневаюсь, что он на это согласится, даже боясь Мула, если с

ним не отправится ваша племянница.

— Я знаю. Торан и Бейта собираются на Трантор именно по этой же причине. И, Эблинг, у вас будет еще одна цель — самая главная. Хари Сэлдон создал ДВА Основания триста лет тому назад на разных концах нашей Галактики. ВЫ ДОЛЖНЫ НАЙТИ ВТОРОЕ ОСНОВАНИЕ!

10. Конспиратор

Дворец мэра, вернее, то, что было когда-то дворцом, казалось в темноте смазанным пятном. Побезженный город лежал спокойно, изредка перекликаясь колокольным звоном под ленивым молочным светом Великих Галактических Линз, и лишь одинокие звезды то тут, то там освещали темное небо Основания.

Понадобилось целых три века, чтобы Основание выросло из частного проекта небольшой группы ученых в гигантскую торговую планетную Империю, распространившую сферу своего

влияния по всей Галактике. И всего за полгода Основание низвергнулось с этих вершин до статуса еще одной побежденной провинции.

Вот это у капитана Гана Притчера не укладывалось в голове. Необычное ночное спокойствие города, темный дворец, захваченный оккупантами, были достаточно символичны, но капитан, отказываясь это понимать, стоял сейчас у наружных дверей дворца и прятал небольшую атомную бомбу под языком.

Из тумана появилась фигура и направилась к нему. Капитан наклонил голову. Еле слышный голос прошептал:

— Сигнальная система прежняя, идите, капитан! Идите! Вас никто не заметит.

Капитан быстро нырнул сквозь низкую арку и пошел по тропинке, выложенной плитками, ведущей в сад, который когда-то принадлежал мэру Индабуру. Четыре с лишним месяца назад он был свидетелем событий, происшедших во Временном Сейфе, и его мозг не выдерживал такой эмоциональной нагрузки. Неприятные сцены виделись Притчеру днем и ночью, причем ночью эти видения казались еще более жуткими.

Старый Сэлдон, произносящий милостивые слова, которые не имели

никакого отношения к ситуации, общая паника. Индабур в ярком костюме, еще более подчеркивающим бледность его лица. Напутанная криками и быстро увеличивающаяся толпа на улицах, молчаливо ожидающая слов о капитуляции. Молодой человек Торан, который бесшумно исчез в боковую дверь вместе с шутом Мула, бессильно свисающим с его плеча. И он сам, сидящий в своем автомобиле, который отказывался работать. Вот он пробирается сквозь толпу, уходит из города в неизвестном направлении. Слепо прячется в разных местах, которые были когда-то штаб-квартирами

демократического подполья. И вот уже 80 лет они не в состоянии правильно повести борьбу. Да, штаб-квартиры были пусты.

На следующий день черные чужие звездолеты мелькнули на мгновение в небе, опускаясь на космодромы ближайшего города. Капитан Ган Притчер почувствовал, как он постепенно тонет в безнадежности и отчаянии. Тогда он отправился в путешествие. За тридцать дней прошел пешком около двухсот миль, а когда на обочине дороги он нашел мертвое тело рабочего с гидропонной фабрики, переоделся в его одежду и отрастил себе большую неопрятную бороду. И

нашел то, что осталось от подполья, в городе, который назывался Ньютон. Он одно время процветал, а потом постепенно стал приходить в упадок. Все дома здесь были серыми и неприметными. В один из таких домов и направился капитан. Его встретил крупный человек с маленькими глазками. Он не впустил Притчера в дом, а, закрыв за собой дверь и засунув сжатые руки в карман, словно застыл на пороге.

— Я пришел от Мирена, — начал капитан.

Человек угрюмо ответил паролем:

— Слишком рано для Мирена в этом году.

— Не раньше, чем в прошлом, — закончил пароль капитан.

Но человек не отошел в сторону и не дал Притчеру пройти.

— Кто вы? — спросил он.

— Разве вы не Фокс?

— Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

Капитан сделал полный вдох, сдерживая негодование, и ответил спокойно:

— Я Ган Притчер, капитан флота и член Демократической подпольной партии. Вы меня не впустите?

Фокс наконец сделал шаг в сторону.

— Мое настоящее имя Онум Палли, — сказал он, протянул руку, и капитан пожал ее.

Комната была чистой, небогато убранной. В одном углу стоял аппарат для чтения фильмокниг, который на профессиональный взгляд капитана вполне мог сойти за замаскированный бластер, причем довольно солидного калибра. На входной двери сверкали защитные линзы, которые легко можно было контролировать. Фокс проследил за взглядом своего бородатого гостя и улыбнулся одними губами.

— Да, — сказал он, — но только во времена Индабура и его лакеев-кровопийц. Против Мула такие

игрушки бесполезны. С Мулом вообще ничто не поможет. Вы не голодны?

При напоминании о еде у капитана потекли слюнки, и он кивнул.

— Через минуту все будет готово.

Фокс вынул консервы из шкафа и поставил банки перед Притчером.

— Подержите на них палец и нажмите, когда будет достаточно горячо. Моя плита не работает. Такие вещи напоминают нам о войне, не правда ли?

Говорил он невесело, даже жестко, смотрел холодно и грустно. Он уселся напротив капитана и

сказал:

— Вы находитесь как раз в таком месте, что от вас останется только один пепел, если мне что-то не понравится. Вы об этом знаете?

Капитан не отвечал. Консервные банки открылись, когда он надавил на них пальцем.

Фокс коротко заметил:

— Тушенка! Прошу прощения, но с продуктами не все благополучно.

— Знаю, — отозвался капитан. Он ел быстро и не поднимал головы.

— Я когда-то видел вас, — сказал Фокс. — Пытаюсь сейчас припомнить, но мешает ваша борода. Тогда ее точно не было.

— Я не брился тридцать дней.

Притчер выругался, не в состоянии сдержаться:

— Чего вы хотите? Я знаю пароль. У меня сохранился мой паспорт.

Его собеседник помахал рукой.

— О, я и не сомневаюсь, что вы Притчер. Но сколько сейчас развелось людей, которые знают пароль, имеют паспорт, даже похожи САМИ НА СЕБЯ, но почему-то на стороне Мула. Слышали когда-нибудь о Левсе, а?

— Да, я его знаю.

— Он с Мулом.

— Что? Он...

— Да. Это был человек,

которого прозвали «Не сдамся», — Фокс усмехнулся, но глаза его оставались холодными.

— Затем Уилонг. С Мулом! Карре и Порт! С Мулом! Почему бы заодно и не Притчер, а? Откуда мне знать.

Капитан просто покачал головой.

— Но это не имеет значения, — мягко сказал Фокс. — Они и так должны знать мое имя после предательства Порты, так что если не лжете, то вы в большей опасности, чем я.

Капитан кончил есть и откинулся на спинку стула.

— Если у вас тут нет

организации, то где мне ее найти? Может быть, Основание и капитулировало, но я — нет.

— Вот как? Не можете же вы блуждать вечно, капитан. Сейчас издан приказ, по которому людям Основания требуется разрешение, чтобы путешествовать из одного города в другой. Вы этого не знали? А еще и удостоверение личности. У вас оно есть? Также все бывшие офицеры флота должны отметиться в ближайших оккупационных комендатурах. Это о вас, да?

— Да, — голос капитана был суров. — Вы считаете, что я буду бегать от страха? Я был на Калгане вскоре после падения его перед

Мулом. В течение месяца ни одного офицера бывшего наместника не осталось на свободе, потому что они были бы естественными вожаками возможных беспорядков. Подполье всегда понимало, что ни одна революция не может оказаться успешной, если не контролировать хотя бы часть космического флота. Мул явно знает об этом не хуже.

Фокс задумчиво кивнул головой.

— Логично. Мул умен.

— Я выкинул мою форму, как только мне предоставилась такая возможность. Отрастил бороду. Может быть, у нас есть шанс, что другие поступили точно так же.

— Вы женаты?

— Моя жена умерла, детей у меня не было.

— Значит, никто не может взять заложников, чтобы повлиять на вас?

— Да.

— Хотите совет?

— Если он хорош?

— Я не совсем понимаю, какова будет политика Мула в будущем, что он собирается делать, но пока квалифицированные люди находятся в покое. Производство всевозможного атомного оружия процветает.

— Вот как? По-моему, это оскорбительно.

— Не в этом дело. Мул скользок как уторь и, может быть, он просто

не хочет оставить рабочих без работы. Если уж Сэлдон не мог предвидеть его появления, то я и пытаться не стану. Но на вас рабочая одежда. Можете сами догадаться, что я вам предлагаю.

— Я еще не квалифицированный рабочий.

— Но ведь вы проходили военный курс обучения атомной технике?

— Конечно.

— Этого достаточно. Атом-Филд-Беаринг Инкорпорейтед расположена здесь, в самом городе. Скажите им, что у вас есть опыт. Сволочи, которые управляли фабрикой при Индабуре, остались и

при Муле. Они не будут задавать лишних вопросов, пока им нужно как можно больше рабочих для получения жирных прибылей. Они выдадут вам удостоверение, и вы получите комнату в общежитии завода. С этого можно и начать.

Таким образом, капитан Ган Притчер из национального флота стал рабочим Ло Моро в 45-м отделении Атом-Филд-Беаринг Инк. Из агента разведки он превратился в простого конспиратора, что привело его несколько месяцев спустя в бывший личный сад Индабура.

В саду капитан Притчер взглянул на радиационный измеритель, зажатый в кулаке.

Внутренняя охранная сигнализация дворца все еще не была отключена, он ждал. Полчаса оставалось до того, как маленькая атомная бомба, спрятанная у него во рту, разорвется. Он покатал ее языком. Радиационный измеритель погас, и капитан быстро пошел вперед.

До сих пор все шло по плану. Он прекрасно понимал, что жив, пока не взорвалась бомба, но ее взрыв, означавший для него смерть, станет смертью и для Мула. И тогда будет достигнута кульминация его частной войны с Мулом, продолжавшейся вот уже четыре месяца и начавшейся сразу после его бегства с завода в Ньютоне. В течение двух месяцев

капитан Притчер носил тяжелый передник и свинцовый шлем, пока не избавился от своей военной выправки. Он был рабочим, который получал зарплату, проводил время в городе и никогда не разговаривал о политике. В течение двух месяцев он не видел Фокса. А затем однажды мимо его рабочего места прошел человек, споткнулся о какую-то деталь, и капитан обнаружил в своем кармане записку. В записке было всего одно слово: «Фокс». Он кинул записку в атомную камеру, где она сгорела в бесшумной вспышке, и вновь вернулся к своей работе. В тот же вечер он пришел к Фоксу и принял участие в карточной игре с

двумя другими мужчинами, одного из которых он знал в лицо и по имени, а о другом был наслышен.

Играя в карты и передвигая по столу проигрыши и выигрыши, они разговаривали:

— Это наша основная ошибка, — сказал капитан. — Уже 80 лет наша организация ждала определенного исторического момента. Нас ослепляла психоистория Сэлдона, по которой отдельный индивидуум не делает истории и сложные социальные и экономические факторы играют им, как марионеткой.

Он аккуратно разложил карты на столе по мастям и, забирая выигрыш,

продолжал:

— Почему бы нам не убить Мула?

— И что это даст? — спросил его партнер слева.

— Видите ли, — сказал капитан, прикупая две карты, — это зависит от того, как смотреть на вещи. Что такое один человек из триллионов? Галактика не перестанет вращаться оттого, что умрет один-единственный человек. Но Мул не человек — он мутант. Он уже нарушил план Сэлдона, и если бы вы задумались о последствиях, то поняли бы, что это означает. Он — один человек — один мутант — перевернул всю сэлдоновскую

психоисторию. Если бы он никогда не родился, Основание продолжало бы существовать. Если он умрет, Основание вновь возродится.

— Демократы боролись в течение восьмидесяти лет с мэром и его приспешниками мирно, давайте же теперь попробуем террор?

— Как? — перебил его Фокс холодным тоном.

Капитан медленно ответил:

— Я думал над этим три месяца и не находил решения. А пришел сюда и все понял в пять минут.

Он мельком поглядел на человека с круглым улыбающимся лицом, смотревшего на него справа.

— Когда-то вы были камергером

мэра Индабура. Я и не знал, что вы состояли в подполье.

— Я тоже не подозревал этого о вас.

— Ну что же, будучи камергером, вы наверняка не раз проверяли тревожную сигнализацию дворца?

— Да.

— А там сейчас живет Мул?

— Так было объявлено. Хотя он скромный завоеватель, который не произносит речей, не вывешивает прокламаций и не появляется в публичных местах.

— Это давно известно и ни о чем не говорит. Вы — бывший камергер, и это все, что нам нужно.

Карты легли на стол рубашкой вниз. Фокс собрал выигрыш и медленно начал сдачу. Бывший камергер поднял свои карты и проговорил:

— Мне очень жаль, капитан, но я всего лишь проверял систему и ничего в ней не понимаю.

— Я ожидал этого, но ваш мозг хранит информацию обо всех переключениях, и если использовать психическую пробу, то все станет ясно.

Розовое лицо камергера внезапно побледнело и осунулось. Карты в его руке сломались:

— Психическая проба?

— Вам нечего беспокоиться, —

резко ответил капитан. — Я знаю, как это делать. Вам это вообще не повредит, только будете чувствовать несколько дней слабость. А если и есть малейший шанс на неудачу, то тут вы должны рискнуть. Ставки слишком высоки. Уверен, что среди нас найдутся люди, умеющие по одному лишь положению рукояток определять длину волн сигнальной и прочих систем. Среди нас есть и атомщики, которые смогут сделать небольшую атомную бомбу, и я сам понесу ее во дворец Мула.

Все склонились над столом.

Капитан продолжал говорить:

— В определенный вечер начнутся беспорядки в Терминус-

сити в районе дворца. Не надо ничего серьезного. Небольшая диверсия, а потом бегство. Если только удастся заманить туда охрану дворца или хотя бы отвлечь.

Начиная с этого дня приготовления шли целый месяц, и капитан Ган Притчер, превратившийся из офицера разведки в конспиратора, опустился еще ниже и стал террористом.

Капитан Притчер-террорист находился в бывшем дворце мэра, хмуро радуясь своим правильным выводам. Сложность сигнальной системы означала, что охрана будет небольшой. Пока охраны вообще не было. План дворца ясно запечатлелся

в его мозгу. Капитан поднимался по покрытой ковром лестнице, наверху вжался в стенку и стал ждать. Перед ним находилась небольшая закрытая дверь частных покоев дворца. За этой дверью должен был жить мутант, который победил непобедимое. Притчер пришел слишком рано, бомба должна была взорваться еще только через десять минут. Из них прошло пять, и все еще не раздавалось ни звука. Мулу осталось жить пять минут, как и капитану Притчеру...

Внезапно, поддавшись порыву, он пошел вперед. Их заговор теперь не мог потерпеть поражения. Когда бомба взорвется, вместе с ней

взорвется и дворец, весь дворец. Дверь перед ним, в десяти ярдах от него. Она не спасет. Но ему вдруг захотелось увидеть Мула, прежде чем они вместе умрут.

С отчаянной храбростью он громко постучал в дверь... Она открылась, обдав его потоками света. Капитан Притчер попятился, потом взял себя в руки. Посередине комнаты перед небольшим аквариумом с рыбками торжественно стоял человек, одетый в красивую черную форму, он постучал пальцем по стенке аквариума; золотая причудливой расцветки рыбка вильнула хвостом и уплыла в глубину.

— Входите, капитан, —
пригласил он.

У Притчера вдруг под языком начал разбухать маленький металлический шарик — выдержать это становилось физически невозможным. Но сейчас настанет последняя минута его жизни и...

— Лучше выплюньте эту глупую пилюлю, — сказал он капитану. — Так вам удобнее будет разговаривать. Все равно она не взорвется.

Прошло несколько минут. Притчер медленно наклонил голову и выплюнул металлический шарик к себе на ладонь. Бешенство и отчаяние одновременно овладели им — он швырнул шарик в стенку. Тот

отскочил и, не причинив никому вреда, упал на пол.

Человек в красивой черной форме пожал плечами.

— Вот и все. Да и, в любом случае, это ничего бы вам не дало, капитан. Я не Мул. Вам пришлось бы удовлетвориться его наместником.

— Как вы узнали? — хрипло спросил капитан.

— Можете упрекнуть хорошо поставленную работу контрразведки. Я могу назвать каждого члена вашей маленькой группы, перечислить ваши шаги...

— И вы позволили нам зайти так далеко?

— Почему бы нет? Самой

главной задачей было найти вас и нескольких других. Но особенно вас. Я мог бы взять вас еще несколько месяцев тому назад, когда вы служили рабочим в Ньютон-Беаринг. Но так даже лучше. Если бы вы не придумали этого плана сами, один из моих людей подсказал бы вам нечто похожее. Результат вполне драматичен и достаточно смешон.

Взгляд капитана был жестким.

— Тут я с вами полностью согласен. Значит, все кончено.

— Ну что вы, только начинается. Входите, капитан, и садитесь. Оставим героинку дуракам, которые не могут не восхищаться ею. Вы способный человек, капитан.

Согласно имеющейся у меня информации, вы первый из всего Основания обратили внимание на силы Мула. С тех пор вы довольно смело заинтересовались его ранней жизнью. Вы были одним из тех, кто помог бежать его клоуну, пока не найденному, и, поверьте, за это еще придется заплатить. Естественно, ваши способности были оценены, и Мул не из тех противников, которые боятся способностей своих врагов. Ведь эти способности можно прекрасно использовать, превратив врага в друга.

— Так вот к чему вы это ведете!

Ну нет!

— Да. В этом и заключается

конечная цель сегодняшней комедии. Вы интеллигентный человек, бывший разведчик, и тем не менее вам ничего не удалось сделать против Мула. Разве в военной академии вас не учили терять звездолеты в безнадежной ситуации?

— Сначала надо доказать, что она безнадежна.

— Это легко, — мягко заверил его наместник. — Мул победил Основание. Сейчас оно быстро переоборудуется для достижения более высокой цели.

— Какой цели?

— Завоевание всей Галактики. Объединение всех разобщенных миров в Новую Империю.

Выполнение Плана Сэлдона за семьсот лет до того, как он надеялся его выполнить. И тут вы можете помочь нам.

— Я могу, это несомненно. И так же несомненно, что я этого не сделаю.

— Насколько я понимаю, — все тем же увещательным тоном сказал наместник, — только три независимых торговых мира все еще оказывают сопротивление. Они долго не продержатся. Это последние силы Основания... Вы все еще отказываетесь?

— Да.

— И все равно вам придется отступить. Человек, согласившийся

по доброй воле, конечно, обладает большими возможностями. Но сойдет и наоборот. К сожалению, Мул отсутствует. Он, как всегда, борется против сопротивляющихся торговцев. Но он находится с нами в непрерывном контакте. Вам не придется долго ждать.

— Чего?

— Обращения.

— Мул, — упрямо ответил капитан, — никогда не сможет обратить меня в друга.

— Вот как? Со мной ему удалось это. Вы меня не узнаете? Бросьте, ведь вы же были на Калгане и не могли не видеть меня. Я носил монокль, подбитую мехом мантию,

высокую шапку...

Капитан вздрогнул.

— Вы были наместником
Калгана?

— Да. А сейчас я преданный
наместник Мула на Основании.
Видите ли, он настойчив.

11. Интерлюдия в космосе

Блокаду удалось удачно прорвать. В огромном космосе даже в десять раз большее количество звездолетов не могло контролировать все пространство. И маленький корабль, имевший умелого пилота и полагавшийся на свое счастье, всегда мог проскочить куда нужно.

С полным хладнокровием Торан вел свой звездолет от одной звезды к другой. Если слишком большие звездные массы делали космический прыжок невозможным или трудным, то и детекторы вражеских кораблей в таком тяготении были практически ненужными и бесполезными. И когда

кольцо блокады было прорвано и они вышли из сферы мертвого космоса, куда не могло прийти ни одно сообщение, ни одна депеша, впервые за три месяца Торан перестал чувствовать одиночество.

Целая неделя прошла, в течение которой программы вражеского радио говорили о все возрастающем контроле над Основанием. Это была та самая неделя, когда вооруженный торговый корабль Торана быстрыми межзвездными прыжками двигался из периферии Галактики.

Эблинг Мис позвал его из каюты пилота, и Торан оторвался от своих схем и звездных карт.

— В чем дело?

Торан зашел в маленькую центральную каюту, которую Бейта превратила в гостиную. Мис покачал головой.

— Понятия не имею. Комментатор Мула будет зачитывать специальное сообщение. Я думал тебе интересно его послушать.

— Хорошо. А где Бейта?

— Накрывает на стол, занята придумыванием меню и еще чем-то по хозяйству.

Торан уселся на кровать, которая служила постелью Магнифико, и стал ждать. Пропаганда «Специальных бюллетеней» Мула была утомительно однообразной. Музыкальный марш. Затем слащавый

голос комментатора вещал пустячные события одно за другим. Потом — пауза. И в конце победно звучали трубы и раздавались приветственные крики в честь Мула.

Торан терпел. Мис бормотал себе что-то под нос. Появился комментатор и короткими фразами принялся передавать о звуках битвы, скрежете металла и победах.

— Быстрая атака эскадры под началом генерал-лейтенанта Самнина принесла победу, выбив из Имссс...

Ничего не выражающее лицо комментатора на экране померкло. И появилось изображение космического боя: множество

звездолетов обменивались залпами. Голос продолжал греметь:

— Самым поразительным в этой битве была схватка крейсера «Созвездие» с тремя вражескими звездолетами типа «Нова»...

Изображение на экране вновь поменялось. Большой крейсер находился рядом с маленькими звездолетами, один из которых вдруг вспыхнул и взорвался. Крейсер «Созвездие» кинуло в сторону, и он едва успел уйти от второго залпа противника.

Комментатор не останавливаясь говорил, и экран непрерывно показывал, пока от маленьких звездолетов ничего не осталось.

Затем опять была пауза, и на экране появились картины старой битвы при Мнемоне, причем было добавлено длинное описание опасного приземления и показан горящий город с усталыми пленными. Вновь пауза — и на этот раз ожидаемые звуки литавр. Но вот на экране появился длинный коридор, по обе стороны которого стояли солдаты, и перед ними начал выступление правительственный оратор в форме советника. Раздавшийся голос был тяжелым, медленным и торжественным.

— По приказу нашего суверена объявляется, что планета Убежище, до сих пор сопротивляющаяся,

капитулировала. В настоящий момент силы нашего суверена оккупируют планету. И можно заключить, что оппозиция сломлена.

Сцена исчезла. Комментатор сообщил, что о дальнейших событиях объявит особо. Затем раздалась танцевальная музыка, и Эблинг Мис выключил экран.

Торан поднялся на негнущихся ногах и вышел. Психолог даже не пытался удержать его. Когда Бейта вышла из кухни, Мис сделал ей знак, чтобы она молчала.

— Они взяли Убежище, — пояснил он.

— Уже?

Глаза у Бейты округлились, ей

не хотелось верить. В шоковом состоянии она смотрела на Миса.

— Без борьбы, без дурацкой борь... — Мис не договорил, ком стоял у него в горле.

Он помолчал, сглотнул, потом сказал:

— Лучше не трогайте сейчас Торана. Ему не по себе. Давайте поедим без него.

Бейта взглянула в сторону рубки, потом безнадежно посмотрела на психолога.

— Хорошо.

Магнифико, незамеченный, уселся за стол. Он не говорил и не ел, и на лице его был написан такой страх, что казалось, в его теле не

осталось больше жизненной силы.

Эблинг Мис бездумно ковырял вилкой десерт из замороженных фруктов. Хриплым голосом он произнес:

— Два торговых мира еще воюют. Они воюют, истекая кровью, но не сдаются. Только на Убежище, как на Основании...

— Но почему, почему?

Психолог покачал головой.

— Это всего лишь небольшая часть общей проблемы. Каждое странное действие — намек на природу Мула. Во-первых, как он смог завоевать Основание практически без отражения? Одним-единственным ударом, в то время как

независимые торговые миры продолжали борьбу. То, что у него был прибор, гасящий атомное поле, ровным счетом ничего не значит — это слишком маломощное оружие, и мы обнаруживали его уже столько раз, что меня тошнит. Но это оружие срабатывало только против Основания.

— Ренду предположил, — продолжал Мис, нахмутив брови, — что у Мула должен быть излучатель, который подавляет волю. Может быть, он и прав: это сыграло свою роль на Убежище. Но тогда почему такой излучатель не был использован на Мнемоне и Иссе, которые даже сейчас продолжают сопротивляться

так яростно, что Мулу пришлось бросить на них не только весь свой флот, но и половину флота Основания, чтобы добиться победы. Да, я узнал корабли Основания, когда по телевизору показывали сражение.

— Основание, теперь Убежище, — прошептала Бейта. — Кажется, что несчастье следует за нами по пятам и никак не может настигнуть. Мы всегда успеваем ускользнуть, когда стоим на волосок от гибели. Неужели так будет продолжаться вечно?

Эблинг Мис не слушал ее, про себя он обдумывал одну мысль.

— Но существует и вторая проблема. Бейта, вы помните

выступление в новостях о том, что шут Мула не был обнаружен на Основании и предполагают, что он скрылся на Убежище? Или был взят туда теми, кто похитил его в самом начале. Этому клоуну, Бейта, придают какое-то большое значение, и мы еще не в состоянии установить какое. Магнифико должен знать что-то такое, что окажется роковым для Мула. Я в этом уверен.

Магнифико, бледный и заикающийся, запротестовал:

— Сир... благородный лорд... клянусь... что не могу понять, чем угодить желаньям вашим. Сказал я все, что знал, а вашей пробой вы взяли еще и то, что я знал не зная.

— Да... да... Видимо, это настолько незначительно, что ни ты, ни я не придаем этому значения. И все же я должен понять, в чем тут дело, потому что Мнемон и Исс долго не продержатся, а когда они падут, мы будем последними каплями, оставшимися от старого Основания.

К центру Галактики звездные скопления стали гуще. Гравитационные поля теперь уже нельзя было не учитывать при межзвездных прыжках. Торан особенно хорошо понял это, когда после очередного прыжка корабль оказался в угрожающей близости к красному гиганту, гравитационное

поле которого удалось пробить только после 24 часов напряженной работы. При отсутствии многих звездных карт, не имея достаточного опыта ни как пилота, ни как математика, Торан целыми днями торчал в рубке, пытаясь планировать каждый межзвездный прыжок как можно аккуратнее. Они действовали сообща. Эблинг Мис проверял математические выкладки, а Бейта рассчитывала маршруты различными общими выкладками в поисках единственного возможного решения. Даже Магнифико пристроили работать на счетную машину, производившую простые вычисления. Когда ему все

объяснили, он сразу заинтересовался и заработал с необыкновенной находчивостью и удовольствием. И примерно в конце месяца или несколько раньше Бейте удалось проложить красную линию в трехмерной модели Галактики к самому ее центру. Иронически посмотрев на нее, Бейта сказала:

— Знаете, на что это похоже? На огромного красного червяка, который страдает от несварения желудка. Кончится тем, Тори, что ты высадишь нас обратно на Убежище.

— Так оно и будет, — проворчал усталый и расстроенный. Торан, шурша звездной картой, — если ты не замолчишь.

— И наверняка, — продолжала Бейта, — есть другой маршрут, который привел бы нас к цели в тысячу раз скорее.

— Да? Может быть, тысячи звездолетов и разработали бы этот маршрут за пятьсот лет путем быстрых проб и ошибок, но в моих проклятых картах он не указан. Кроме того, может быть, нам как раз и следует избегать прямых маршрутов. Они могут кишеть вражескими звездолетами. И еще...

— Ох, ради всей Галактики, хватит разговоров на эту тему. — Она подняла руку, чтобы погладить Торана по голове.

— Пусти, — закричал он,

схватил ее за руки, дернул, и они оба вместе со стулом очутились на полу. Дело кончилось шутливой дракой и смехом.

Торан отпустил Бейту, когда в каюту вбежал запыхавшийся Магнифико.

— В чем дело?

Клоун казался очень бледным и взволнованным.

— Приборы ведут себя как-то странно, сэр. Я со всей осторожностью, я ничего не трогал, но...

Мгновенно Торан очутился в рубке и обратился к Магнифико:

— Разбуди Эблинга Миса. Пусть немедленно идет сюда.

Затем посмотрел на Бейту, которая пыталась привести в порядок свою прическу, и сказал ей:

— Мы обнаружены, Бей.

— Обнаружены? — руки у Бейты опустились. — Кем?

— Одна Шаровая Галактика знает, — прошептал Торан, — но я думаю, теми, чьи бластеры давно готовы и поджидают нас.

Он сел в кресло, а в приемнике уже слышался низкий голос, требовавший регистрационный код звездолета.

И когда вошел Эблинг Мис в халате и с заспанным лицом, Торан относительно спокойным голосом, пытаясь не обнаруживать своего

отчаяния, проговорил:

— Оказывается, мы пересекли границу местного королевства, которое называется Автократия Филии.

— Никогда о таком не слышал, — резко отозвался Эблинг Мис.

— Я тоже, — ответил Торан, — но тем не менее нас остановил филийский звездолет, и понятия не имею, чем все это кончится.

Капитан-инспектор филийского звездолета вошел на борт их корабля с шестью вооруженными охранниками. Он был небольшого роста, почти лысый, с тонкими губами и сухой кожей. Резко

откашлявшись, он уселся по-хозяйски и открыл толстенный том на чистой странице.

— Ваши паспорта и разрешение на вылет, пожалуйста?

— У нас ничего нет.

— Нет, вот как?

Он резко достал из-за пояса микрофон и быстро заговорил в него.

— Трое мужчин и одна женщина. Документы не в порядке, — и сделал соответствующую запись в своем томе.

— Откуда вы?

— Сивенна, — слабым голосом ответил Торан.

— Это еще где?

— Что-то около ста тысяч парсеков, восемьдесят градусов к западу от Трантора, сорок градусов...

— Неважно! Неважно.

Торан увидел, как его инквизитор записал: «Пункт отправления — периферия».

— Куда вы направляетесь? — продолжал допрос филиец.

— Сектор Трантора.

— Цель?

— Путешествие для удовольствия.

— Есть ли на борту какой-нибудь груз?

— Нет.

— Гм-м-м, проверим.

Он кивнул головой, и двое

вскочили с места и начали обыск. Торан не сделал никакой попытки вмешаться.

— Что привело вас на территорию Филии?

Глаза филийца недружелюбно блеснули.

— Мы понятия не имели, что находимся на чужой территории. У меня нет нужных звездных карт.

— Вам придется заплатить за это сто кредиток и, конечно, обычную плату по тарифным ставкам за услуги.

Он снова начал говорить в микрофон, но вдруг замолк и стал слушать. Затем вновь повернулся к Торану.

— Понимаете ли вы что-нибудь в атомной технологии?

— Немного, — ответил Торан.

— Вот как?

Филиец закрыл свой том и добавил:

— Говорят, что люди периферии хорошо в этом разбираются. Надевайте скафандр и следуйте за мной.

Бейта сделала шаг вперед.

— Что вы собираетесь с ним делать?

Торан мягко отстранил ее и спросил:

— Куда вы хотите, чтобы я пошел?

— Наш звездолет, работающий

на атомной энергии, требует небольшого осмотра. Он тоже пойдет с нами.

Его палец упрямо уперся в Магнифико, карие глаза которого широко раскрылись от отчаяния.

— А он-то здесь при чем? — требовательно спросил Торан, свирепо глядя на филийца.

Офицер измерил его холодным взглядом.

— Я информирован об активности пиратов в этой области. Описание одного из убийц нам известно. Это самая обычная проверка.

Торан заколебался, но шесть мужчин и шесть бластеров —

достаточно веский аргумент.

Ни слова не говоря, он полез в шкаф за скафандром. Часом позже он разогнул спину в машинном отделении филийского корабля и, взбешенный тем, что не владеет ситуацией, произнес:

— С вашими моторами все в порядке. Я не вижу ни одного дефекта. К Л-трубкам поступает достаточно горючего, анализы реакций положительны. Кто здесь главный?

Инженер спокойно ответил:

— Я.

— Тогда выпустите меня отсюда.

Его провели в офицерскую кают-компанию и через нее в

небольшую комнатку, на стене которой неотчетливо был виден герб.

— Где тот человек, который пришел со мной?

Прошло 15 минут, прежде чем к нему вывели Магнифико.

— Что они с тобой делали? — быстро спросил Торан.

— Ничего. Вообще ничего.

Голова Магнифико медленно, отрицая всяческие подозрения, закачалась из стороны в сторону.

Им пришлось заплатить 250 кредиток, чтобы удовлетворить требования Филии, пятьдесят из них за немедленное освобождение. И скоро они вновь были одни в космосе.

Бейта натянуто рассмеялась.

— Разве мы не заслуживаем эскорта? И нас не проводят фигурально пинком в зад через границу?

Тут Торан хмуро сказал:

— Это не корабль филийцев, и мы никуда не летим. Идите сюда.

Они окружили его.

Он продолжал:

— Это корабль Основания, а на его борту находятся люди Мула.

От неожиданности Эблинг выронил сигару и наклонился, чтобы поднять ее.

— Здесь? — проговорил он. — Мы же в 30 тысячах парсеков от Основания...

— Но мы оказались здесь. Почему они не могли проделать такой же путь? Великая Галактика, Эблинг, неужели вы думаете, что я настолько не разбираюсь в звездолетах. Я видел их моторы, и этого мне более чем достаточно. Говорю вам, это моторы и звездолет Основания.

— Ну, хорошо, а как они сюда попали? — Бейта всегда мыслила логично. — Каковы шансы на случайную встречу двух звездолетов в космосе?

— Но при чем здесь случайность? — запротестовал Торан. — Я уверен, что за нами следили.

— Следили? — вспыхнула Бейта. — В гиперкосмосе?

Эблинг Мис слабо кивнул.

— Это тоже возможно, если иметь хороший звездолет и толкового пилота. Но вероятность слежки ничтожно мала.

— Я не маскировал свои следы, — настаивал Торан. — Я довольно долго шел в обычном космосе по прямой перед прыжками. Даже слепец мог бы после этого рассчитать мой курс.

— Ничего подобного! — горячилась Бейта. — Мы следуем такими немыслимыми выкрутасами, что наблюдение за нашими прыжками ничего не даст. Ты и сам

говорил, что мы часто выходили из гиперкосмоса совсем не там, где намеревались.

— Мы теряем время, — проговорил Торан сквозь зубы. — Это корабль Основания под командованием Мула. Он остановил и обыскал нас. Они захватили одного Магнифико, а меня держали как заложника, чтобы вы не сбежали, если что-либо заподозрите. И мы превратим этот звездолет в небольшое атомное облачко, не теряя ни секунды.

— Подождите! — Эблинг Мис схватил его за руку. — Вы что, собираетесь погубить нас из-за одного корабля, который считаете

вражеским? Подумайте, неужели они проследили нас по всей Галактике, чтобы, остановив, обыскать и отпустить?

— Их все еще интересует, куда мы направляемся.

— Тогда к чему нас останавливать и тем самым показывать свои намерения? По-моему, вы немного запутались, Торан.

— И все-таки я сделаю по-своему. Отпустите меня, Эблинг, или мне придется вас ударить.

Внезапно Магнифико выпрямился в своем любимом кресле, в котором всегда сидел скрючившись. Его большие ноздри

раздувались от возбуждения.

— Прошу простить меня за то, что я вмешиваюсь, но мой бедный ум внезапно поразила одна мысль.

Бейта мягко положила руку на плечо Торана, находившегося в состоянии крайнего раздражения. Эблинг тоже держал его за руку.

— Говори, Магнифико, мы все тебя слушаем.

— Когда я остался на корабле один, меня охватил такой страх, что я почти ничего не запомнил. Я даже не могу сказать, что там произошло. Много людей смотрели на меня и говорили, но я не мог понять о чем. Но в самом конце, как луч солнца пронизывает облака, появилось лицо,

которое я узнал. Он посмотрел на меня мельком, но я запомнил его навсегда.

— И кто же это был? — спросил Торан.

— Тот капитан, которого мы встретили давным-давно, когда спасли меня от рабства.

Это явно входило в намерения Магнифико — создать сенсацию, и довольная улыбка на его лице показывала, что он достиг чего хотел.

— Капитан... Ган Притчер? — требовательно спросил Мис. — Ты уверен в этом?

— Абсолютно уверен.

И Магнифико ударил маленькой рукой себе по впалой груди.

— Я эту истину сказал бы Мулу, в лицо бы ее кинул, хотя бы всею силою он отрицал ее.

— Но тогда что же все это значит? — удивлению Бейты не было предела.

Клоун смотрел на нее с обожанием.

— Миледи, я тут кое-что надумал. Ко мне все это пришло внезапно, словно Галактический дух вложил знания мне в голову.

Он даже повысил голос, перекрикивая начавшего было возражать Торана.

— Миледи.

Он обращался только к одной Бейте.

— Если этот капитан, как и мы, совершил побег на корабле, если он, как и мы, путешествовал с какой-то своей целью, значит, когда он наткнулся на нас, то мог заподозрить, что это МЫ преследуем его. Тогда нечего удивляться той комедии, которую он разыграл, чтобы попасть на наш корабль.

— Зачем тогда мы понадобились ему на ЕГО корабле? — требовательно спросил Торан. — Нет, не получается.

— Все получается, — воскликнул клоун в приливе вдохновения. — Он послал подчиненного, который не знал нас, но описал в свой микрофон.

Капитан, наверное, поразился такому совпадению, потому что мало в Галактике похожих на меня. И доказательством того, что вы — это вы, был я.

— И поэтому он оставил нас в покое?

— Что знаем мы о его миссии и секретности? Он выяснил что мы не враги, а зачем ему рисковать и ненужные знания давать нам?

— Не упрямясь, Тори, — медленно сказала Бейта. — Это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** все объясняет.

— Вполне возможно, — согласился Мис.

Перед лицом такой объединенной настойчивости Торан

почувствовал себя беспомощным. Что-то неуловимое в объяснении клоуна тревожило его. Что-то было не так, но он был расстроен и гнев его уже прошел.

— Некоторое время, — прошептал он, — я думал, что нам удастся уничтожить хотя бы один корабль Мула.

И взгляд его темных глаз выражал боль и отчаяние при воспоминании о потере Убежища.

Остальные поняли его.

12. Смерть на Неотранторе

НЕОТРАНТОР —
маленькая планетка, ранее
называвшаяся Деликассом.
Новое название придумал
великий Сакс. В течение
примерно одного столетия
здесь правила последняя
династия Первой Империи.
Это был тенистый мир, да
и сама Империя давно ушла
в тень, и существование ее
имело лишь номинальное
значение. При первом
императоре династии на
Неотранторе...

Галактическая

Энциклопедия

Название

Неотрантор

образовалось от двух слов — новый и Трантор. И на этом кончалось все сходство между Неотрантором и его великим предшественником. Солнце старого Трантора все так же ярко сверкало в двух парсеках отсюда, и столица Галактической Империи предыдущих веков все так же торжественно вращалась в космосе по прежней орбите.

На старом Транторе тоже жили люди. Немного, всего сто миллионов, вместо прежних сорока биллионов. Трантор переживал эпоху упадка. Огромный металлический шар лежал

в развалинах. Многобашенные конструкции, исходящие из одного и того же основания, были сломаны и пусты. Хотя в них еще оставались дыры от атомного оружия великого Сакса, завоевавшего Империю сорок лет назад.

Казалось странным, что этот мир — центр Галактики в течение двух тысячелетий, правивший бесконечным космосом и бывший домом для правителей и императоров, чьи капризы уничтожили целые планеты, смог умереть всего за месяц. Действительно, мир, остававшийся неприкосновенным во время военных кампаний и отступлений на

протяжении тысяч лет, сейчас лежал мертвым, слава Галактики превратилась в загнивающий труп.

Все это было странно и патетично.

Века пройдут, и титаническая работа пятидесяти поколений людей сойдет на нет, титаническая работа, оказавшаяся бесполезной. Миллионы людей оставили планету после того, как биллионы погибли. Металлическая кора планеты была сорвана, и обнажилась почва, которая тысячелетия не видела солнца. Человечество, окруженное металлическими чудесами, созданными ранее, свободное от тирании, вернулось к земле. На

расчищенных от металла полях произрастали пшеница и рожь. В тенях башен паслись овцы.

Рядом с Трантором-мертвецом Неотрантор казался вполне здоровым организмом. Эта деревянная планета стала последним пристанищем для королевской фамилии, которая убежала от пушек и мести великого Сакса, там же, на Неотранторе, скрылась и держалась, пока не затих рев восстаний. Там она и правила, вспоминая о былом великолепии Империи.

Двадцать сельскохозяйственных миров — все, что осталось от Империи.

Дагоберт IX был правителем двадцати миров тучных сквайров и

грубых глупых крестьян, а также императором Галактики, повелителем Вселенной.

В тот кровавый день, когда Дагоберт IX прибыл на Неотрантор, ему исполнилось 25 лет. Его ум и достоинство, с которым он держался, не позволяли так скоро забыть о былом величии, славе и мощи старой Империи. Но иная судьба была уготована его сыну, который когда-нибудь мог стать Дагобертом X, потому что родился здесь, на Неотранторе. Двадцать миров — это все, что он знал.

Открытый воздушный аэромобиль Джорджа Комасона был самым удобным способом

передвижения на всем Неотранторе и считался таковым по праву. И дело заключалось не только в том, что Комасон являлся самым крупным землевладельцем на Неотранторе. Главное было в другом: в прежние времена Комасона считали компаньоном и злым гением молодого принца, которого средних лет император держал в ежовых рукавицах. Но и сейчас он оставался компаньоном и злым гением средних лет принца, который ненавидел и боялся старого императора.

Итак, Джордж Комасон в воздушном аэромобиле, который благодаря своей жемчужной отделке и золотому орнаменту не нуждался

ни в каких других знаках отличия, обследовал земли, принадлежавшие ему. Его собственностью были также тяжелые трактора и комбайны, наладчики машин и фермеры, здесь проживавшие. И глядя на все это глазами собственника, он осторожно думал о своих проблемах.

Рядом с ним сгорбленный шофер мягко вел машину в воздушных течениях и улыбался. Джордж Комасон сказал солнцу, ветру и небу:

— Ты помнишь, что я говорил тебе, Инчии?

Пряди седых волос Инчии слегка трепал ветерок. Его беззубая улыбка стала еще шире, тонкие губы раздвинулись, а вертикальные

морщинки на щеках углубились, как будто он сам от себя прятал свои мысли. Его голос был едва слышен:

— Я помню, сэр, и я думал...

— И что же ты надумал, Инчии?

Вопрос этот был задан нетерпеливым тоном. Инчии вспомнил себя молодым и красивым дворянином на старом Транторе. А сейчас он был дряхлым ничтожеством на Неотранторе, жившим милостями сквайра Джорджа Комасона, за которые приходилось платить.

— Хорошо бы иметь для себя, — вновь прошептал он, — посетителей с Основания. В особенности, сэр, когда они прибывают в одном-

единственном звездолете и почти без команды. Конечно, это можно только приветствовать.

— Приветствовать? — угрюмо спросил Комасон. — Может быть. Но, говорят, эти люди — волшебники и имеют большую власть.

— Тьфу! — прошептал Инчии. — Туман расстояний преувеличивает истину. Основание — самый обычный мир. Его граждане — самые обычные люди. Если их убить — они умрут.

Инчии вел корабль строго по курсу. Далеко внизу, извиваясь, сверкала река. Он прошептал:

— И разве они сами не говорили о каком-то человеке, который

взбудоражил всю периферию?

Комасон внезапно стал
подозрителен.

— Что ты знаешь об этом?

На лице шофера не было
улыбки.

— Ничего, сэр. Это был глупый
вопрос.

Сквайр недолго колебался, с
жесткой прямоотой он сказал:

— Ты никогда не задаешь глупых
вопросов, а твои методы получения
информации еще засунут твою голову
в петлю. Но я скажу тебе, как зовут
того человека — его зовут Мул! И
подданный Мула был всего несколько
недель назад по делу. Я ожидаю
сейчас еще одного, чтобы завершить

начатое.

— А эти самые, которые прилетели сейчас, может быть, это те, кого вы ждете?

— Они не рассказали того, что могли рассказать.

— Но было доложено, что Основание захвачено.

— Я тебе этого не говорил

— Было доложено, — спокойно продолжал Инчии, — а если это так, тогда они могут быть беглецами, которые ищут убежища, и их можно задержать до тех пор, пока не придут люди Мула, в знак нашей дружбы с ним.

— Да? — Комасон был неуверен.

— И, сэр, так как хорошо известно, что друг победителя — его последняя жертва, то хорошо было бы иметь этих людей просто для самозащиты. Потому что существует такая вещь, как психическая проба, а в нашем распоряжении четыре мозга Основания. Об Основании многое следует знать, и еще больше — о Муле. Тогда дружба Мула не особенно много будет для нас значить.

Комасон в тиши верхних слоев воздуха вернулся к своей первоначальной мысли.

— Но если Основание не пало. Если все эти докладные — ложь? Говорили, что предсказывалась

победа Основания?

— Наш век — уже давно не век предсказаний и суеверий.

— И все же, если оно не пало? Думай, Инчии: Если оно не пало? Мул надавал нам много обещаний, это верно...

Он зашел слишком далеко и тут же опомнился.

— То есть, он хвастался. Но хвастовство — ветер, а слова — это слова.

Инчии бесшумно рассмеялся.

— Дела трудно делаются только в самом начале. Действительно, нам, кроме далекого Основания, нечего бояться.

— Еще остается принц, —

прошептал Комасон как бы про себя.

— Он тоже заключил сделку с Мулом, сэр.

Комасон чуть не поперхнулся от такой проницательности.

— Не совсем так. Не так, как я... Но с ним становится все труднее и труднее. В него вселился какой-то демон. Я не могу схватить этих людей: еще слишком рано для окончательного разрыва с ним. А он забирает их у меня для каких-то своих целей... Да, ему нельзя отказать в определенной проницательности...

Комасон нахмурился, его тяжелые щеки отвисли, внутри все клокотало от негодования.

— Я вчера мельком видел этих незнакомцев, — не совсем к месту сказал седой шофер. — Меня поразила женщина, особенно ее бледность, причем лицо кажется еще блее на фоне темных волос, ее свободная мужская походка...

В этом странном шепоте звучала почти нежность, и Комасон с удивлением посмотрел на своего шофера:

— Продолжай.

— Я думаю, проницательный принц всегда пойдет на желательный для него компромисс. Вы можете оставить себе остальных, если отдадите ему эту девушку...

Комасон внезапно прозрел.

— Какая мысль! Какая мысль! Инчии, поворачивай обратно. И, Инчии, если все кончится хорошо, мы в дальнейшем можем обсудить вопрос о твоём освобождении.

Комасон был суеверен и ужаснулся, когда, приехав домой, нашёл у себя на столе личную капсулу, — все это было слишком символично. Капсула прибыла на длинной волне, известной немногим. Комасон улыбнулся, он был доволен. Человек Мула прибывал, значит, Основание действительно пало.

Туманное воображение Бейты рисовало ей императорский дворец совсем не таким, каким он оказался в

действительности. И где-то в глубине души Бейта чувствовала разочарование. Комната была маленькой, очень простой. Дворец тоже нельзя было сравнить с резиденцией мэра на Основании, а Дагоберт IX...

У Бейты были свои представления о том, каким должен быть император. Он не должен выглядеть добродушным дедушкой, наливать им чай собственноручно и беспокоиться об их удобстве. Но именно так и было.

Дагоберт IX усмехнулся, наливая чай в неловко протянутую Бейтой чашку, и проговорил:

— Это большое удовольствие

для меня, моя дорогая. Забудем сейчас о церемониях и льстивых речах. У меня не было возможности приветствовать посетителей из далеких провинций уже долгие годы. Мой сын теперь занимается этими вещами, потому что я уже стар. Вы не встретили моего мальчика? Он очаровательный. Немного только упрямый. Но ведь принц еще так молод. Хотите капсулу запаха? Нет?

Торан попытался перебить императора.

— Ваше императорское величество...

— Да.

— Ваше императорское величество, в наши намерения не

входило беспокоить вас...

— Ерунда, никакого беспокойства. Сегодня днем состоится официальный прием, а до тех пор вы свободны. Откуда, говорите, вы прилетели? Прошло столько времени с тех пор, как у нас были официальные представители. Говорите, вы из провинции Анакреон?

— Из Основания, ваше императорское величество!

— Да, Основание. Теперь вспомнил. Оно расположено в провинции Анакреон. Я там никогда не был. Врачи запрещают мне длительные путешествия. Я что-то не помню недавних докладов моего,

наместника на Анакреоне. Как там условия? — с волнением в голосе пробормотал он.

— Сир, — замешкался Торан, — у нас нет никаких жалоб.

— Это прекрасно. Мне придется наградить своего наместника.

Торан безнадежно посмотрел на Эблинга Миса, и тот произнес:

— Сир, нам сказали, что требуется ваше разрешение на посещение имперской библиотеки на Транторе.

— Транторе? — с удивлением переспросил император. — Трантор?

Затем его морщинистое лицо исказилось гримасой боли.

— Трантор, — прошептал он. —

Теперь я вспомнил. Я как раз строил планы вернуться туда с большой флотилией звездолетов. Вы полетите со мной. Мы вместе с вами уничтожим этого повстанца Гилмера. Вместе с вами мы восстановим Империю.

Он выпрямился. Его голос приобрел силу. На мгновение в глазах зажглись огоньки. Затем он моргнул и совсем мягко сказал:

— Но Гилмер умер... теперь я вспомнил... Да, Гилмер умер. Трантор умер!.. Ненадолго, но... Откуда, говорите, вы прибыли?

— Это действительно император? — прошептал Магнифико на ухо Бейте. — Я всегда

думал, что императоры
величественнее и мудрее обычных
людей.

Бейта сделала ему знак, чтобы
он молчал. Она сказала:

— Если только ваше
императорское величество подпишет
приказ, позволяющий нам
отправиться на Трантор, это очень
поможет делу.

— Трантор? — выражение лица
императора было недоумевающим.

— Сир, наместник Анакреона,
от чьего имени мы говорим, шлет
весть, что Гилмер еще жив...

— Жив! Жив! — загрохотал
Дагоберт. — Где? Это война!

— Ваше императорское

величество, это еще неизвестно. Наместник послал нас уведомить Вас о том, что только на Транторе мы найдем его потайное место. А когда мы его обнаружим...

— Да, да... его надо обнаружить.

Старый император подбежал к стене и дотронулся до фотоячейки дрожащей рукой. После непродолжительной паузы он прошептал:

— Мои слуги не идут. Я не могу ждать их.

Он что-то написал на чистом листе и расписался цветистой буквой «Д».

— Гилмер еще узнает силу

своего императора, — сказал он. — Откуда, говорите, вы прилетели? Анакреон? Какие там условия? Имя императора могущественно?

Бейта взяла бумагу из его слабых пальцев.

— Ваше императорское величество очень любим народом. Ваша любовь к нему тоже хорошо известна.

— Мне надо посетить моих добрых подданных на Анакреоне. Но мой доктор говорит... Я не помню, что он говорит, но...

Он поднял голову, и в его старых светлых глазах неожиданно появились проблески мысли.

— Вы что-то говорили о

Гилмере?

— Нет, ваше императорское величество.

— Он не продвинется дальше. Возвращайтесь и передайте это своему народу. Трантор продержится. Мой отец сейчас командует флотом, а проклятый Гилмер так и замерзнет в космосе.

Он попятился и уселся в свое вращающееся кресло, и лицо его приняло отсутствующее выражение.

— Что я говорил?

Торан поднялся и низко поклонился.

— Ваше императорское величество были так добры к нам, но время, отведенное на аудиенцию, уже

кончилось.

На какое-то мгновение Дагоберт IX действительно стал похож на императора, когда поднялся с кресла, расправил плечи, а его посетители один за другим попятились к выходу.

А за дверью двадцать вооруженных людей ожидали их, образовав круг. Блеснул парализующий пистолет...

К Бейте сознание возвращалось медленно, но без обычного в таких случаях вопроса: «Где я?». Бейта в последнее время ничему почти не удивлялась. Она ясно помнила странного старика, называвшего себя императором, и людей, которые их

поджидали за дверью. По покалыванию в пальцах она поняла, что был применен парализующий пистолет. Бейта продолжала держать свои глаза закрытыми и с болезненным вниманием прислушивалась к голосам.

Говорили двое. Один — медленно и осторожно, причем под внешней мягкостью чувствовалась жесткость и твердость. Другой голос был хриплым и тяжелым, иногда срывающимся на крик. Бейте не понравился никакой.

В разговоре преобладал тяжелый голос.

Бейта расслышала последние слова:

— Он будет жить вечно, старый безумец. Это раздражает меня. Это мне неприятно, Комасон, так как я тоже становлюсь стар.

— Ваше величество, давайте решим, какую пользу могут принести нам эти люди. Может получится, что у нас появятся другие источники власти, чем те, которые вам даст смерть отца.

Тяжелый голос умолк, уступив место свистящему шепоту.

Бейта услышала только одно слово: «... девушка...».

И вдруг громкий голос зазвучал дружески, слегка покровительственно:

— Дагоберт, ты не стареешь.

Лжет тот, кто говорит, что ты не двадцатилетний юноша.

Они засмеялись оба, и у Бейты кровь заledenела в жилах. «Дагоберт... Ваше величество...» — Бейта постепенно начала догадываться, о чем шептались эти двое, она стала припоминать, что император говорил о своем упрямом сыне...

Но ведь такое просто не могло случиться в настоящей жизни. Такое возможно только в дешевых романах...

Она услышала голос Торана, ругавшегося и проклинавшего все на свете, и открыла глаза. Торан смотрел на нее, испытывая явное

облегчение. Он свирепо заговорил:

— За этот бандитизм ответит ваш император. Освободите меня!

Бейта поняла, что ее руки и ноги были прикреплены к стенке и полу сильным полем гравитации.

Тяжелый голос принадлежал тучному человеку с редющими волосами. В его меховую шляпу было воткнуто легкомысленное перо, а камзол расшит серебром. Он презрительно фыркнул:

— Император! Бедный сумасшедший император.

— И тем не менее он нас принял. Ни один его подданный не смеет покушаться на нашу свободу.

— Но я не подданный, ты,

космическое отребье. Я — регент. Я — принц, и ко мне следует относиться подобающим образом. А что касается моего бедного дурака отца, то он развлекается иногда тем, что принимает у себя посетителей. И мы не перечим ему, пусть развлекается. Ему все еще кажется, что он великий император.

А затем принц подошел близко к Бейте. Она посмотрела на него взглядом, полным презрения. Он наклонился над ней совсем близко, изо рта его пахло мятой.

— Ее глаза мне нравятся, Комасон, — сказал он. — Когда они открыты, она аппетитно хорошенькая. Думаю, она подойдет

мне. Экзотическое блюдо для моего испорченного вкуса, а?

Торан сделал бесполезную попытку освободиться, но принц его игнорировал, и Бейта почувствовала, как ее продрал по коже мороз. Эблинг Мис все еще был без сознания, и голова его упала на грудь. Но Бейта с удивлением заметила, что глаза Магнифико открыты, причем казалось, что он очнулся давным-давно. Шут своими огромными карими глазами внимательно посмотрел на Бейту, кивнул головой и показал взглядом на принца-регента:

— У него мой Визи-Сонар.

Принц резко повернулся,

заслышав новый голос.

— Значит, это твой инструмент, урод?

Он снял с плеча Визи-Сонар, висевший на зеленой ленте и не замеченный раньше Бейтой, неуклюже провел рукой по клавишам, пытаясь извлечь звуки, но инструмент, конечно, молчал.

— Эй, урод, ты можешь играть на нем?

Магнифико кивнул головой.

Торан внезапно сказал:

— Вы захватили звездолет Основания. Если не отомстит император, отомстит Основание.

На этот раз ответил другой человек, которого звали Комасон.

— Какое Основание? Или Мул уже больше не Мул?

На это нечего было ответить. Принц показал в улыбке неровные желтые зубы. Клоуна освободили и одним рывком подняли на ноги. Визи-Сонар всунули ему в руки.

— Играй для нас, чучело, — сказал принц. — Сыграй серенаду любви и красоты для нашей дамы. Скажи ей, что тюрьма моего отца не дворец, но я могу предоставить в ее распоряжение настоящий дворец с розовой водой, пусть знает, что такое любовь принца. Пой о любви, чучело.

Он присел на мраморный стол и положил толстую ногу на другую, от

его сладострастного взгляда Бейта испытывала чувство омерзения. У Торана на висках вздулись жилы, но все попытки освободиться от силового поля кончались безрезультатно. Эблинг Мис пошевелился и застонал.

Магнифико жалобно сказал:

— Мои пальцы так онемели...

— Играй, урод! — заревел принц.

Он сделал знак Комасону, и свет померк. В полутьме принц скрестил руки на груди и стал ждать.

Магнифико пробежал в быстром ритме от одного края многоклавишного инструмента до другого, и резкая сияющая радуга

изогнулась по комнате. Раздался низкий звук, дрожащий и пугающий. Он расцветал печальным смехом, откуда-то доносился грустный перезвон. Казалось, стало еще темнее и мрачнее. Музыка достигла Бейты, но как сквозь толстые одеяла. Сверкающий свет лился к ней из глубин, как будто одинокая свеча горела на дне огромного колодца.

Невольно глаза ее напряглись. Свет стал ярче, будучи все таким же туманным. Радуга двигалась хаотично, все время меняя свет и цвет. А музыка внезапно стала медной, злой, заканчиваясь высоким крещендо. Свет быстро заколебался, зазвучал дикий, рваный ритм. Что-то

звякнуло и повернулось с металлическим звуком.

Бейта боролась со странным ощущением, потом насильно взяла себя в руки. Она вспомнила свои ощущения во Временном Сейфе, а потом на Убежище. Ужас и отчаяние овладели ею. Она почувствовала, как силы покидают ее. Музыка же накинута на нее, страшно хохоча, злое лицо появилось на другом конце телескопа маленькой точкой и исчезло, когда она в отчаянии отвернулась. Ее лоб был мокрым от пота.

Наконец все кончилось. Музыка, должно быть, продолжалась минут пятнадцать, и чувство огромного

облегчения охватило Бейту. Зажегся свет. Лицо Магнифико, потное, с безумными глазами, уродливое, приблизилось к ней.

— Миледи? — выдохнул он. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — прошептала она, — но почему ты играл так?

Она посмотрела на остальных присутствующих в комнате. Торан и Мис бесчувственно висели на стене. Но взгляд ее не остановился на них, она смотрела на принца. Он лежал у стола подозрительно спокойно. Комасон стонал, изо рта его вытекала струйка слюны.

Когда Магнифико сделал к нему шаг, Комасон взвыл и посмотрел на

него безумными глазами. Магнифико обернулся и несколькими движениями освободил остальных. Торан вскочил на ноги, первым делом добежал до землевладельца и сдавил ему шею.

— Ты пойдешь с нами, будешь заложником, пока мы не дойдем до своего звездолета.

Через два часа на кухне корабля Бейта подавала на стол яблочный пирог домашнего приготовления, и Магнифико отпраздновал возвращение в космос: накинулся на пирог, забыв о всяких приличиях.

— Вкусно, Магнифико?

— Ум-м-м...

— Магнифико...

— Да, миледи.

— Что такое ты играл?

Клоун заерзал на стуле.

— Я... я лучше не скажу. Я выучил как-то... На нервную систему Визи-Сонар влияет очень... Конечно, злобное было сочинение и не для ваших сладостных ушей.

— Брось, Магнифико. Не такая уж я невинная. Скажи, я видела и слышала то же, что и они?

— Надеюсь, нет. Я играл только для них. Вы могли видеть лишь часть, да и то издалека.

— Этого мне было достаточно. Ты знаешь, что принц валялся без сознания.

Пережевывая огромный кусок

пирога, Магнифико угрюмо ответил:

— Я убил его, миледи.

— Что?

Она чуть не подавилась.

— Когда я кончил играть, он был мертв. Или я бы не остановился. Мне был безразличен Комасон. Он мог умереть лишь от мучений. Но, миледи, этот принц со злыми намерениями глядел на вас и...

Он поперхнулся, делая вид, что занят пирогом. Бейта почувствовала, что странные мысли овладевают ею. Она заставила себя не думать об этом.

— Магнифико, у тебя галантная душа.

— О, миледи, — он уткнулся

носом в пирог, но почему-то не стал есть.

Эблинг Мис смотрел в космос из иллюминаторов. Трантор был близко, и его металлическое сияние ослепляло. Он с горечью произнес:

— Наше путешествие бесполезно. Люди Мула преследуют нас.

Эблинг Мис потер лоб рукой, которая, казалось, похудела за время их испытаний. Говорил он слишком абстрактно, и Торан все больше и больше раздражался.

— А я говорю, эти люди знали, что Основание пало. Я говорю...

— Что?

Мис, удивленный, оторвался от

своих мыслей и поднял голову. Затем он нежно взял Торана за руку, совершенно не соображая, о чем речь.

— Торан... Я... я смотрел на Трантор. Вы знаете, у меня странное чувство... С тех пор как мы прилетели на Неотрантор. Это стремление, очень сильное стремление толкает меня изнутри. Все становится ясным в моей голове — никогда она еще не была такой ясной.

Торан уставился на него и пожал плечами. Он ничего не мог понять.

— Мис?

— Да.

— Вы не видели звездолет,

который спускался на Неотрантор
как раз тогда, когда мы улетали?

Мис на секунду задумался.

— Нет.

— Я видел. Может быть, это мое
воображение, но я уверен, что это
тот самый филийский корабль.

— С капитаном Притчером?

— Не знаю я, с кем он там был.
Информация Магнифико... Он
последовал за нами сюда, Мис.

Эблинг Мис ничего не ответил.
Торан озабоченно произнес:

— С вами что-нибудь случилось,
Мис, вы себя неважно чувствуете?

Мис как-то очень странно
сверкнул на Торана глазами,
задумался и ничего не ответил.

13. Руины трантора

Трантор, пожалуй, единственная планета во всей Галактике, на которой нужное место приземления определить сразу практически невозможно. Здесь нет ни континентов, ни океанов, которые можно было бы различить с расстояния в тысячу миль. Здесь отсутствуют озера, реки, острова, которые обычно видны сквозь облака. Покрытый металлом мир кажется одним колоссальным городом, и только старый дворец императора выделяется на его фоне.

«Бейта» кружила над Трантором на самой маленькой высоте и никак

не могла обнаружить место, которое было целью их путешествия. Изредка они сверяли увиденное с тем, что показывала карта Неотрантора. Но вот показались полярные шапки с металлическими шпилями, покрытыми льдами, — техники, следившие за погодными условиями, явно не выполняли своих обязанностей — и они взяли курс южнее. Наконец долетели до места, спутать которое с чем-то другим было невозможно. В металлическом покрытии планеты образовался разрыв шириной в пятьдесят миль. Необычная зеленая растительность простиралась вокруг, включая и величественный дворец старых

императоров.

«Бейта» притормозила и медленно сориентировалась в воздухе. Они могли ориентироваться лишь по карте, длинные прямые линии которой соответствовали гладким блестящим лентам внизу. Того места, что на карте было обозначено как Университетская область, они достигли с поразительной точностью, и звездолет опустился на взлетное поле, служившее когда-то причалом для множества кораблей.

И только когда они спустились к самой земле, прекрасные изящные конструкции, которые они видели сверху, превратились в запущенные,

разломанные обломки, оставшиеся после Сакса. Шпили были сломаны, гладкие стены искорежены, и на мгновение мелькнула земля, примерно сто акров, черная и бесплодная. Ли Сантер ждал, пока звездолет осторожно приземлится. Это был странный звездолет, не с Неотрантора. И в глубине своей души Сантер вздохнул. Чужие звездолеты и необходимость вести дела с незнакомыми людьми могли означать конец спокойной жизни, возвращение к старым грандиозным дням битвы и смерти. Сантер был старшим группы — в его распоряжении находились старые книги, и он читал о том, что было

раньше. Он отнюдь не хотел, чтобы старые времена вернулись. Прошло не менее десяти минут, прежде чем странный звездолет опустился на землю, но за это время много мыслей пронеслось в голове Сантера. Сначала, он вспомнил из своего теперь уже далекого детства огромную ферму, которая осталась в его памяти просто как вечно шумящая толпа людей. Затем он вспомнил поход молодых семей на новые земли. Тогда ему было десять лет и он был удивлен и испуган происходящим. Затем новые строения, огромные металлические башни разбивались и выбрасывались, обнаженную землю следовало

удобрить и освежить, некоторые соседние постройки сравнять с землей, другие приспособить для жилья. Созревал урожай, который надо было собирать, устанавливались мирные отношения с соседними фермами, и их тоже надо было поддерживать. Земельные участки расширялись, на них работали все с большей уверенностью. Родилось новое поколение молодежи, любящей землю. Это был замечательный день, когда его назначили начальником группы. Впервые с тех пор как ему исполнилось 18 лет, он не побрился и стал ждать, когда отрастет его борода начальника. А сейчас Галактика опять может положить

конец этой недолгой идиллии...

Звездолет приземлился. Сантер молча смотрел, как открывается входная дверь камеры. Осторожно, оглядываясь по сторонам, из нее вышли четыре человека. Трое мужчин резко отличались друг от друга. Старик, юноша и худой человек с огромным, словно клюв, носом. И посередине, как равная, шла женщина. Сантер дернул себя за бороду и выступил вперед. Он показал им универсальный жест мира — вытянул вперед обе руки вверх ладонями, которые были сплошь покрыты мозолями.

Молодой человек сделал два шага вперед и произнес:

— Мы пришли с миром, — и вытянул руки тоже ладонями вверх.

Акцент был странный, но слова понятны и приятны. Глубоким голосом Сантер ответил:

— Пусть всюду будет мир. Наша группа предлагает вам свое гостеприимство. Если вы голодны, вас накормят. Если вы испытываете жажду, вас напоят.

В ответ слышалось медленное:

— Мы благодарим вас за доброту и всегда будем вспоминать о вашей группе, когда вернемся в свой мир.

Странный ответ, но хороший. Стоявшие позади Сантера люди

группы улыбались, а из ближайших зданий начали выходить женщины.

В своем доме он вынул из потайного места запертую зеркальную коробку и предложил каждому из гостей по толстой длинной сигаре, которые он хранил для особо торжественных случаев. Перед женщиной он заколебался. Она занимала особое место среди них. Незнакомцы явно позволяли ей все и ожидали от Сантера, что и ей он тоже предложит сигару. Опустив глаза, он поднес Бейте коробочку.

Она с улыбкой взяла сигару и затянулась ароматным дымом с удовольствием, чего уж никак нельзя было ожидать от женщины. Ли

Сантер был шокирован, но не показал виду.

Перед тем как была подана пища, они неловко, но вежливо беседовали на тему сельскохозяйственных дел на Транторе.

Старик задал Сантеру вопрос:

— Почему вы не пользуетесь химическими удобрениями? Ведь для такого мира, как Трантор, это было бы решением проблемы.

Сантер медленно покачал головой. Он чувствовал себя неуверенно. Свои знания он получил из не совсем понятных ему книг.

— Искусственные химикаты? Нет, это не для Трантора. Для них

нужен индустриальный мир, хотя бы с развитой химической промышленностью. Во время войны или всенародного бедствия, когда промышленность погибает, люди начинают голодать. Да и не все продукты можно выращивать на искусственных удобрениях. Урожай тогда теряет свою пищевую ценность. Натуральные удобрения дешевле и лучше, и на них всегда можно рассчитывать.

— И вам вполне хватает того, что вы производите?

— Вполне, разве что пища однообразная. Куры несут яйца. Есть молоко, но наши запасы мяса зависят от торговли с другими планетами.

Молодой человек, казалось, внезапно заинтересовался:

— Значит, вы торгуете? Но что вы экспортируете?

— Металл, — последовал быстрый ответ. — Взгляните сами: у нас его неограниченные запасы и уже готового. К нам прилетают на звездолетах с Неотрантора, садятся в определенной области, забирают металл, увеличивая тем самым наши земельные угодья, и оставляют нам в обмен мясо, консервированные фрукты, пищевые концентраты, трактора для ферм и тому подобное. Они увозят с собой металл, и обе стороны выигрывают.

На обед были поданы хлеб с

сыром и тушеные овощи, которые оказались необыкновенно вкусными. За десертом из консервированных фруктов — единственная импортированная часть обеда — незнакомцы стали более оживленными в разговоре. Молодой человек достал карту Трантора.

Ли Сантер принялся угрюмо рассматривать ее. Он выслушал, что ему сказали, и ответил:

— Университетская область статична. Мы, фермеры, не выращиваем там урожаев. Это одна из немногих реликвий старого времени, которую мы хотим оставить в неприкосновенности.

— Мы ищем только знаний и

ничего не нарушим. Наш звездолет будет залогом, — предложил старик лихорадочно, как бы боясь, что ему откажут.

— Я могу провести вас туда, — ответил Сантер.

В эту ночь незнакомцы легли спать, а Ли Сантер послал радиограмму на Неотрантор.

14. Обращенный

Среди широко разбросанных зданий Университета стояла полная тишина, торжественная и одинокая. Здесь не было даже и намека на ту жизнь, которая еще теплилась на Транторе.

Жители Основания ничего не знали о волнующих и кровавых днях великого Сакса, который тем не менее отважился оставить Университет в неприкосновенности. Они ничего не знали о времени, что наступило после коллапса великой Империи, когда студенты с украденным оружием в руках, с бледными лицами, неумело, но

храбро сформировали добровольческую армию, чтобы защищать цвет науки всей Галактики. Они ничего не знали о семи днях битвы, об упорстве, с которым отстаивали Университет, когда даже дворец императора познал тяжелую поступь солдат Гилмера и его приспешников во время их короткого правления.

Люди Основания, вошедшие на территорию Университета, знали только, что они пришли в тихий и спокойный музей величественной старины.

В определенном смысле они были оккупантами. Угрюмая тишина не принимала их. Академическая

атмосфера, казалось, недовольно заколебалась при их появлении.

Библиотека обманчиво казалась небольшим зданием, а на самом деле глубоко уходила под землю, будучи сокровищницей науки и знаний. Эблинг Мис остановился в приемной. Он прошептал, потому что громкий голос казался здесь неуместным:

— По-моему, мы прошли помещение каталогов. Я задержусь здесь.

Лицо его покраснелось, руки дрожали.

— Не надо меня отвлекать и беспокоить, Торан. Давайте, вы будете приносить мне пищу прямо

сюда?

— Как скажете. Мы сделаем все, чтобы помочь вам. Может, мы будем полезны вам и здесь?

— Нет. Я должен остаться здесь... один.

— Вы считаете, что найдете то, что нужно?

И Эблинг Мис ответил не колеблясь:

— Я знаю, что найду!

Торан и Бейта зажили спокойной семейной жизнью впервые с тех пор, как поженились.

Это была странная жизнь. Они жили в самом центре великолепия очень просто. Пищу получали, в основном, с фермы Ли Сантера и

платили теми маленькими атомными приборчиками, которые можно было обнаружить на любом торговом корабле.

Магнифико научился
пользоваться Читательскими
аппаратами библиотеки и все время
пропадал в читальном зале,
увлекшись приключенческими и
любовными романами, и даже стал
вести себя почти как Эблинг Мис,
забывая о еде и питье.

Сам Эблинг не имел ни минуты свободного времени. Он настоял, чтобы в зале психологии ему повесили гамак. Лицо его стало худым и бледным. Разговаривал он невнятно и совсем забыл свои

любимые ругательства. Были с ним минуты, когда он с трудом узнавал Торана и Бейту. Он чувствовал себя увереннее и спокойнее с Магнифико, который приносил ему пищу и сидел часами, глядя со странным восхищением, как стареющий психолог переписывал бесконечные уравнения, сверял их с фильмокнигами и шел к конечному результату, который только он сам мог предвидеть.

Торан нашел жену в полутемной комнате и резко окликнул:

— Бейта?

Она виновато вздрогнула.

— Да? Я нужна тебе, Торан?

— Конечно, ты мне нужна.

Великий Космос, ради чего ты здесь сидишь? Ты ведешь себя странно с тех пор, как мы прилетели сюда на Трантор. Что с тобой?

— Ох, Тори, перестань, — слабым голосом отозвалась она.

— Ох, Тори, перестань, — передразнил он ее.

Затем с неожиданной мягкостью сказал:

— Скажи мне, в чем дело, Бей, я же вижу, что тебя что-то беспокоит?

— Нет! Все в порядке, Тори. Если ты будешь все время твердить одно и то же, я сойду с ума. Я просто... думаю.

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем. Ну что я могу тебе

сказать? О Муле, об Убежище, об Основании, обо всем на свете. Об Эблйнге Мисе и о том, обнаружит ли он что-нибудь о Втором Основании или нет. И еще о всякой всячине. Теперь ты доволен?

Голос ее стал возбужденным.

— Если ты в плохом настроении, то не хватит ли? Во-первых, это неприятно, а во-вторых, ничем не поможет.

Бейта поднялась на ноги и слабо улыбнулась.

— Ну, хорошо, я счастлива. Видишь, как весело я улыбаюсь.

Внезапно до них донесся возбужденный голос Магнифико:

— Миледи...

— В чем дело? Войди...

Голос Бейты внезапно прервался, когда в дверях показалась большая, с нескладными и жесткими чертами лица фигура.

— Притчер! — воскликнул Торан.

Бейта вскрикнула вслед за ним:

— Капитан! Как вы нас нашли?

Ган Притчер вошел в комнату. Голос его был ровным, ясным и абсолютно лишенным всякой эмоциональности.

— Мое звание полковник, и я служу Мулу.

Все трое безмолвно уставились на него. Магнифико смотрел на Притчера с открытыми от ужаса

глазами и весь сжался, спрятавшись за Торана.

Никто этого не заметил.

Руки Бейты, державшей обеих мужчин, дрожали.

— Вы нас арестовываете? Вы действительно перешли к ним?

Полковник быстро ответил:

— Я прибыл сюда не для того, чтобы арестовать вас. В моих инструкциях вы вообще не упомянуты. По отношению к вам я свободен и во имя нашей старой дружбы я вас не трону.

Лицо Торана перекосила гримаса ярости.

— Как вы нас отыскиали? Значит, вы были на филийском звездолете?

Вы за нами следили?

Отсутствующее выражение на лице Притчера исчезло. На мгновение он смутился. Но лишь на мгновение. И лицо его вновь стало непроницаемым.

— Я БЫЛ на филийском корабле. Но встретился с вами там... случайно.

— Математически эта случайность невозможна.

— Нет, не совсем так. Лучше сказать, случайность нашей встречи маловероятна, но возможна. В любом случае, филийской нации не существует, а вы направлялись в район Трантора. И так как Мул уже установил контакт с Неотрантором,

легко было проследить ваш путь сюда. К сожалению, вы улетели с Неотрантора до того, как я прибыл, но я опоздал ненамного и успел отдать распоряжение фермерам, чтобы они сообщили, если вы покажетесь на Транторе. Это было сделано, и вот я здесь. Разрешите присесть? Я пришел с чисто дружескими намерениями, поверьте мне.

Он сел. Торан наклонил голову и напряженно думал. Мысли бешено сменяли друг друга, но на лице сохранялось надменное выражение.

Бейта приготовила чай.

Торан резко поднял голову.

— Ну, так чего же вы ждете,

ПОЛКОВНИК? В чем выражается ваша дружба? Если это не арест, то что? Зовите ваших людей и отдавайте приказ.

Притчер терпеливо покачал головой.

— Нет, Торан, я пришел поговорить с вами по своей собственной воле, чтобы убедить вас в бесполезности ваших действий. Если мне это не удастся, я уйду. Вот и все.

— И все? Тогда кончайте свою пропаганду, говорите что вам нужно, и уходите. Я не хочу чая, Бейта.

Притчер взял в руки чашку, кивнул в знак благодарности и бросил на Торана быстрый взгляд.

Затем медленно отпил из чашки и сказал:

— Мул — мутант. Его нельзя победить именно из-за природы его мутации...

— Почему? Что это еще за такая мутация? — с иронией в голосе осведомился Торан. — Может быть, вы будете настолько любезны, что объясните, в чем дело?

— Да, я скажу. Более того, вы узнаете, что не сможете повредить ему. Видите ли, он в состоянии регулировать эмоциональный баланс живых существ. Это звучит как нелепость, но с ним невозможно бороться.

Бейта вмешалась в разговор:

— Эмоциональный баланс?

Она нахмурилась.

— Не объясните ли вы подробнее, я не совсем понимаю.

— Я имею в виду, что ему, например, очень легко внушить способному генералу, скажем, эмоции совершеннейшей преданности и полную веру в Мула. Его генералы эмоционально контролируются. Они не могут предаваться сомнениям, потому что один раз внушений — и контроль остается навечно. Самые способные его враги стали его самыми верными подчиненными. Наместник

Основания погиб, но наместник Калгана сдал свою планету и стал

наместником Основания.

— А вы, — с горечью произнесла Бейта, — предали свое дело и стали его посланником на Транторе? Я понимаю.

— Я еще не закончил. Эта способность Мула работает в обратную сторону еще более эффективно. Отчаяние — тоже эмоции. В критический момент люди на Основании и Убежище поддались отчаянию, и планеты сдались практически без сопротивления.

— Вы хотите сказать, — напряженно произнесла Бейта, — что то чувство, которое я испытала во Временном Сейфе, зависело от

Мула, эмоционально меня контролирующего?

— И меня тоже. Всех. А как было на Убежище в самом конце?

Бейта отвернулась.

Притчер серьезно продолжал:

— Так же, как с планетами, но еще проще он работает с индивидуумами. Разве можно сопротивляться силе, которая может заставить вас сдаться добровольно и охотно? Мул может сделать из вас преданных слуг, когда только этого пожелает.

Торан медленно произнес:

— Но я не верю в это.

— Можете вы объяснить падение Основания и Убежища как-

нибуть по-другому? Можете ли вы объяснить мое обращение? Подумайте. Разве вы, я или вся Галактика смогли добиться чего-нибудь существенного, выступая против Мула все это время? Хоть чего-нибудь мелкого, незначительного?

Торан почувствовал в этих словах вызов. Внезапно его осенила мысль и он закричал:

— Вы говорите, что ваш расчудесный Мул установил контакт с Неотрантором и приказал, чтобы нас там задержали? Можете поставить на этих контактах крест. Мы убили принца, а из другого сделали идиота! Мул не остановил

нас, и все, чего он там добился, было уничтожено.

— Но почему? Ничего подобного! Они не были нашими людьми. Принц был хвастливым пьянчужкой, другой, Комасон был просто глуп. Феноменально глуп. Он имел много власти, но это не мешало ему быть злым и полностью некомпетентным. Мы и не собирались устанавливать с ними никаких особых контактов. Они просто по какой-то причине были ширмой...

— Но они задержали нас или пытались это сделать.

— И опять-таки нет. У Комасона был личный раб по имени Инчии.

Задержать вас — это его мысль. Он стар, но служит нам верную службу. Его-то вы не убили, а это самое главное.

Бейта повернулась к Притчеру, она не сделала ни глотка из своей чашки.

— По вашему утверждению, ваши эмоции тоже подверглись обработке. Вы верите в Мула, более того, это можно заранее назвать Верой с большой буквы. Какова тогда цена вашему мнению. Вы потеряли способность объективно мыслить.

— Вы не правы.

Полковник медленно покачал головой.

— Закреплены только эмоции.

Моя логика осталась такой же, как и всегда. Может быть, на нее и оказывает влияние определенное направление моих эмоций, но я не мыслю НАСИЛЬНО. И существуют кое-какие вещи, которые я сейчас вижу более отчетливо, будучи освобожденным от прежней эмоциональной нагрузки. Я, например, вижу, что программа Мула умна и ее следует исполнять. С тех самых пор как меня... обратили, я изучил его карьеру, начавшуюся семь лет назад. Используя свою ментальную силу мутанта, он начал с того, что стал главарем космических пиратов. С ними, и опять же пользуясь своими возможностями, он

завоевал планету. Затем принялся расширять свои владения, пока не добрался до наместника Калгана. Каждый шаг логично вытекал из предыдущего. А после захвата Калгана в его распоряжении оказался прекрасный флот, а с флотом и пользуясь своими силами он смог напасть на Основание. Основание — ключ ко всему остальному. Это самая большая область, где сконцентрирована вся индустрия Галактики. И теперь, когда атомные силы Основания в его руках, он является фактически властелином Галактики. Имея в своем распоряжении лучшую современную технику — и опять же пользуясь

своими силами — он может принудить остатки Империи признать его правление и после смерти старого императора, который долго не протянет, короновать себя императором. Тогда он станет властелином не только фактически, но и номинально. Когда это произойдет — кто в Галактике сможет противостоять ему? За прошедшие семь лет он создал новую Империю. Пройдет еще семь лет, и он создаст то, что Хари Сэлдон мечтал создать только за тысячу лет со всей своей психоисторией. В Галактике наконец наступят мир и порядок, и вы ничем не сможете остановить его. Это равносильно

тому, если бы вы захотели остановить вращение планеты, подставив свои плечи.

Долгое молчание последовало за этой речью Притчера. Чай в его чашке успел остыть. Он допил его одним глотком, налил себе еще и принялся пить медленно-медленно. Торан яростно грыз ногти. Бейта смотрела холодно. Лицо ее побледнело, и вся она казалась какой-то неприступной. Затем она медленно заговорила:

— Вы нас не убедили. Если мы нужны Мулу, пусть он придет сюда и сам «обратит» нас. Насколько я поняла, вы боролись с ним до последнего, перед тем как он

обратил вас?

— Да, — торжественно ответил полковник Притчер.

— Тогда разрешите нам воспользоваться той же привилегией.

Полковник Притчер поднялся с кресла. Жестким голосом он сказал:

— Тогда я ухожу. Как я уже упомянул раньше, моя миссия к вам не имеет никакого отношения. Следовательно, я думаю, мне нет никакой надобности кому-либо докладывать о том, что я вас здесь видел. Это вовсе не доброта с моей стороны. Если Мул пожелает остановить вас, он, вне всякого сомнения, направит других людей с этой целью. И вы будете

остановлены. Я же собираюсь заниматься тем, что мне было поручено.

— Благодарю вас, — слабо отозвалась Бейта.

— А что касается Магнифико... Где он? Выходи, Магнифико, я не причиню тебе вреда.

— А что? — спросила Бейта с внезапным интересом.

— Да нет, ничего. У меня не было инструкции что-либо с ним делать. Я слышал, что его ищут, но Мул найдет его, когда ему будет нужно. Я ничего ему не скажу. Вы не пожмете мне руку?

Бейта покачала головой. Торан посмотрел на него с презрением.

Полковник, вдруг сникший, пошел к двери, потом повернулся и добавил:

— И последнее. Не думайте, что я не знаю, почему вы так упрямы. Вы ищете Второе Основание. Но Мул еще примет меры. Ничто вам не поможет... Просто я знал вас раньше, и, может быть, это толкнуло меня на сегодняшний поступок, по крайней мере, я искренне пытался помочь вам и уберечь от опасности. Пока не поздно. Прощайте, — он резко поклонился и вышел.

Бейта повернулась к Торану и прошептала:

— Они даже знают о Втором Основании.

Эблинг Мис продолжал работать в библиотеке. И когда он увидел искорку света, мелькнувшую в полной тьме, то победно забормотал себе под нос.

15. Смерть психолога

Эблингу Мису оставалось жить три недели. И за это время Бейта три раза навещала его. Первый раз ночью, после того как у них побывал полковник Притчер. Второй раз — неделей позже. И в третий раз — в последний его день, в тот день, когда Мис умер.

Полковник Притчер ушел; Торан и Бейта угрюмо сидели и не знали, что им делать.

— Тори, — заговорила наконец Бейта, — давай найдем Эблинга и все расскажем ему.

— Ты думаешь, он сможет нам помочь? — безнадежно спросил

Торан.

— Мы все равно не знаем, что делать. Может быть, он что-нибудь придумает.

— Он изменился, — сказал Торан, — потерял в весе. От него словно один скелет остался, и, по моему, он немного не того.

Торан покрутил пальцем у виска.

— Иногда я думаю, что он никогда не сможет нам помочь.

— Прекрати! — голос Бейты сорвался на крик. — Тори, не надо. Когда ты говоришь так, мне кажется, что Мул добрался и до нас! Пойдем и расскажем все Эблингу.

Эблинг Мис поднял голову от

большого стола и невидящими глазами посмотрел на них. Его редящие волосы были включены, губы причмокивали.

— А? — сказал он. — Вам что-нибудь нужно?

Бейта опустилась на колени.

— Вы спали? Мы разбудили вас? Может, нам лучше уйти?

— Уйти? Как это? А, Бейта! Нет, нет, оставайтесь. Разве тут нет кресел я их видел...

Он неуверенно помахал рукой в воздухе. Торан придвинул к столу два кресла. Бейта села и взяла руки психолога в свои. Они казались безжизненными.

— Можем ли мы поговорить с

вами, доктор?

Она редко обращалась к нему, прибавляя титул.

— Что-нибудь не в порядке?

Слабая искорка зажглась в его безжизненных синих глазах. На обвисших щеках появилось подобие румянца.

— Вы помните капитана Притчера? Он недавно нас навестил, — сказала Бейта.

— Да... да...

Мис затеребил пальцами губы, потом отпустил их.

— Такой высокий человек? Демократ?

— Да, он. Он открыл секрет мутации Мула. Он был здесь, доктор,

и сказал нам.

— Но ведь это уже давно не новость. Мутация Мула давно мне известна.

Мис смотрел взглядом, полным изумления.

— Разве я вам не говорил? Неужели я забыл сказать?

— О чем вы забыли нам сказать? — быстро спросил Торан.

— Ну, конечно же, о мутации Мула. Он влияет на эмоции. Эмоциональный контроль. Неужели я вам не сказал? Интересно, как же это я позабыл. — Он медленно сосал свою верхнюю губу и снова задумался.

Затем постепенно в его голосе

появилась сила, глаза заискрились, словно затуманенный его мозг попал в хорошо известную ему колею. Он говорил как бы во сне, глядя не на слушателей, а мимо них.

— Это ведь, оказывается, так просто. И не надо никаких специальных знаний. В психоисторической математике это легко получается через уравнения третьего уровня, извлекающего... Впрочем, это не важно. Все это можно выразить конечными словами, правда, грубо и приблизительно, но это будет понятно.

— Спросите сами себя: что может нарушить тщательно продуманный план Хари Сэлдона?

С волнением он перевел свой взгляд с одного слушателя на другого.

— Каковы были первоначальные предположения Сэлдона? Во-первых, в ближайшую тысячу лет не должно произойти в Галактике чего-либо, что фундаментально ее изменит. Например предположим, что произошли колоссальные изменения в технологии Галактики, допустим, открыт новый принцип сохранения энергии или какое-нибудь сверхоткрытие в области электронной нейробиологии. Такие изменения сделали бы первоначальные и известные уравнения Сэлдона устаревшими. Но этого не произошло. Или вдруг новое

страшное оружие было бы создано
вне Основания, способное
уничтожить любое оружие
Основания. Это вызвало бы ужасные
отклонения, хотя и с меньшей долей
вероятности. Но и этого не
произошло. Атомный «гаситель
поля» Мула — неуклюжее оружие, и
его с легкостью можно обезвредить.
А это единственно новое оружие,
которое он внес в битву — ничего
более. Но было сделано второе
предположение, куда более тонкое.
Сэлдон считал, что человеческая
реакция на стимул остается
постоянной. Если учесть, что первое
его предположение оправдалось,
ЗНАЧИТ, НАРУШЕНО ВТОРОЕ!

Какой-то фактор нарушил эмоциональное равновесие человеческих существ, или Плану Сэлдона ничего бы не грозило. И Основание не могло бы проиграть. Таким фактором и явился МУЛ! Я прав? Или моих рассуждениях есть ошибка?

Мягкой рукой Бейта потрепала его по плечу.

— Ошибки нет, Эблинг.

Мис радовался, как ребенок.

— Не только это, но и многое другое удалось узнать мне совсем легко. Говорю вам, я иногда и сам удивляюсь, что такое со мной делается. Я вспоминаю еще то время, когда ничего не понимал, а сейчас

туман рассеялся и мне все стало понятным. Проблем больше не существует. Я вдруг начинаю все осознавать внутри себя. И все мои догадки, все мои теории вдруг раскрываются. Меня что-то влечет... всегда вперед... и я не могу остановиться... я не хочу есть и спать... но все время идти вперед... вперед... вперед.

Его голос сорвался на шепот, его исхудавшая, дрожащая, с выступившими венами рука прикоснулась ко лбу. Какой-то страх мелькнул и пропал в его глазах, затем более спокойным голосом он произнес:

— Так, значит, я вам не говорил

о мутации Мула? Но ведь вы сказали, что узнали об этом сами?

— От капитана Притчера, Эблинг, — вздохнула Бейта. — Помните.

— Он знает об этом?

Эблинг Мис явно был озадачен новостью.

— Но откуда?

— Мул поменял ему эмоции. Он сейчас полковник, служит у Мула, и прилетел нам посоветовать сдаться Мулу. Он сказал нам то же, что и вы сейчас.

— Значит, Мул знает, что мы здесь. Я должен торопиться. Где Магнифико? Разве он не с вами?

— Магнифико спит, —

нетерпеливо ответил Торан. — Сейчас уже далеко за полночь, знаете ли вы?

— Вот как? Но тогда... Скажите, я спал, когда вы вошли?

— Да, — решительно ответила Бейта, — и вы тоже не будете больше работать, а ляжете в постель. Пойдем, Торан, помоги мне.

Перестаньте отталкивать меня, Эблинг, потому что еще ваше счастье, что я не отвела вас сначала под душ. Сними с него ботинки, Тори, а завтра утром ты придешь сюда и вытащишь его погулять, прежде чем он весь сойдет на нет. Посмотрите на себя, Эблинг, вы совсем, как паук в паутине. Вы голодны?

Эблинг Мис покачал головой и посмотрел на нее со своей кровати со стыдливым смущением.

— Я хочу, чтобы вы завтра прислали ко мне Магнифико, — пробормотал он.

Бейта подоткнула под него одеяло.

— Завтра утром я приду сюда с чистым бельем. Вы примете хорошую ванну, а потом прогуляетесь до фермы и немного позагораете.

— Некогда, — слабо ответил Мис. — Вы меня слышите? Я занят.

Его редкие волосы раскинулись по подушке, и казалось, что это серебряный ореол вокруг головы. Он говорил загадочным шепотом:

— Вы ведь хотите помощи Второго Основания?

Торан быстро повернулся и сел на кровать рядом с ним.

— Что вы узнали о Втором Основании?

Психолог высвободил свою руку из-под одеяла и схватил руку Торана.

— Оба Основания были созданы на Большой психологической Конференции под председательством Хари Сэлдона. Торан, я нашел опубликованные отчеты этой конференции. Двадцать пять длинных фильмов. Я уже просмотрел множество выводов.

— Ну?

— Понимаете, очень просто

определить местонахождение
Первого Основания, если хоть
немного понимать математическую
психоисторию. На него часто
ссылаются. Правда, нужно хорошо
разбираться в уравнениях. Но только
никто не упоминает о Втором
Основании. Нигде нет на него
ссылок.

Торан задумчиво нахмурил
брови.

— Оно не существует?

— Ну, конечно, оно
существует, — Мис начинал
злиться. — Кто сказал, что нет? Но
просто о нем меньше разговоров. Его
значение и все с ним связанное
лучше скрыто, тщательно запутано и

затуманено. Разве вы не понимаете? Оно самое главное из всех двух. Оно — критическое. ТОЛЬКО ОНО И ИМЕЕТ СМЫСЛ! У меня есть отчеты Сэлдона, Мул еще не победил...

Бейта спокойно выключила свет.
— Спите.

Торан и Бейта молча прошли в свою комнату.

На следующий день Эблинг Мис выкупался и оделся во все новое. Сидя на солнышке Трантора, он дышал воздухом в первый раз после их прилета на планету. И в последний. К вечеру он зарылся в отчетах библиотеки и уже больше не вылезал из нее.

Следующую неделю жизнь текла в обычном ритме. Солнце Неотрантора спокойной яркой звездой светило на небе Трантора. На ферме были все заняты весенним севом. Университет все так же пустовал. Сама Галактика казалась опустевшей. Хотелось верить, что Мула никогда и не было.

Бейта думала об этом, глядя, как Торан осторожно зажигает сигару и смотрит на голубое небо, видимое между двумя гигантскими шпилями, окружавшими горизонт.

— Хороший выдался денек, — сказал он.

— Очень. Ты сделал список, Тори?

— Конечно. Полфунта масла, дюжина яиц, бобы — я все записал, Бей, не спутаю.

— Хорошо. И проследи, чтобы овощи были свежими, а не из музея. Кстати, ты давно не видел Магнифико?

— С самого завтрака. Я думаю, он пошел к Эблингу и просматривает какой-нибудь бульварный роман.

— Ну, хорошо. Не теряй времени, потому что к обеду мне нужны будут яйца.

Торан ушел, улыбнувшись на прощание и помахав рукой.

Когда он скрылся из виду, Бейта отвернулась. Она поколебалась, стоя перед кухонной дверью, а затем

медленно пошла вдоль длинной колоннады к эскалатору, ведущему в библиотеку.

Там был Эблинг Мис, склонивший голову над читальным аппаратом, — безжизненное, замерзшее тело. Рядом с ним сидел Магнифико, согнувшись в кресле, наблюдая за психологом зорким взглядом, — мешок гнущихся рук и ног с лицом, на котором торчал птичий клюв вместо носа.

Бейта мягко позвала:

— Магнифико.

Магнифико вскочил на ноги.

Заговорил он приглушенным шепотом:

— Миледи!..

— Магнифико, — сказала Бейта, — Торан ушел на ферму, и некоторое время его не будет. Можно тебя попросить сбегать за ним и передать записку?

— С радостью, миледи. Все, что я только могу сделать, принадлежит вам, о какой бы мелочи вы не попросили.

Она осталась наедине с Эблингом Мисом, который так и не пошевелился. Твердым жестом она положила руку ему на плечо.

— Эблинг...

Психолог вздрогнул и вскрикнул.

— В чем дело?

Он поморгал глазами.

— Это вы, Бейта? Где

Магнифико?

— Я услала его. Я хотела остаться с вами наедине.

Каждое слово она произносила с нарочитой отчетливостью.

— Я хочу поговорить с вами, Эблинг.

Психолог сделал движение вернуться к аппарату, но она твердо держала его за плечо. Под пиджаком прощупывались его кости. Казалось, вся плоть сошла с его тела с тех пор, как они поселились на Транторе. Его лицо было совсем исхудавшим, желтого оттенка и с пучками немытых волос, торчавших в разные стороны. Плечи его заметно поникли и похудели, что было видно, даже

когда он сидел.

— Магнифико не мешает вам, Эблинг? Кажется, он торчит здесь день и ночь, — сказала Бейта.

— Нет, нет, нет, вовсе нет. Я даже не обращаю на него внимания. Он сидит и молчит, и никогда не раздражает меня. Иногда он приносит мне фильмы и уносит использованные, он, кажется, знает, чего я хочу, даже когда я этого не говорю. Оставьте его в покое.

— Хорошо... но, Эблинг, разве он вас не удивляет? Вы слышите меня, Эблинг? Разве он вас не удивляет?

Она рывком придвинула свой стул ближе к психологу и посмотрела

ему прямо в глаза, как бы пытаюсь прочесть в них ответ.

Эблинг Мис покачал головой.

— Нет. Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что вы оба, вы и полковник Притчер утверждаете, будто Мул может контролировать эмоции человеческих существ. Но вы в этом уверены? Или Магнифико — исключение?

Наступило молчание.

Бейта подавила в себе сильное желание потрясти психолога за плечи.

— Что с вами, Эблинг? Магнифико был клоуном Мула. Почему ему не внушили любовь и веру? Почему он, единственный из

всех контактировавших с Мулом, ненавидит его?

— Но... но он был не обращен. Ну, конечно, Бей.

Казалось, чем больше он говорил тем большую чувствовал уверенность.

— Неужели вы думаете, что Мул будет обращаться со своим шутком так, как он обращался со своими генералами. Ему требуется вера и преданность в последних, но от клоуна он хотел только страха. Разве вы не заметили, что страх Магнифико патологичен по своей природе? Неужели вы считаете, что для человеческого существа характерно все время бояться так,

как он? Бояться в такой степени, что становится смешно. Комично. Возможно, это было смешно и Мулу, а также и полезно, потому что из-за этого страха мы ничего и не смогли узнать о Муле.

— Вы хотите сказать, что информация Магнифико о Муле была неверной?

— Она уводила нас в сторону. Она была окрашена патологическим страхом. Мул вовсе не такой гигант, как думает Магнифико. Вероятнее всего, это обычный человек, если не считать ментальных способностей. Но ему доставляло удовольствие быть суперменом для Магнифико...

Психолог пожал плечами.

— В любом случае, сведения Магнифико были не важны.

— А что же важно?

Но Мис уже стряхнул с плеча ее руку и вновь уткнулся носом в аппарат.

— Так что же важно? — повторила она. — Второе Основание?

Психолог вздрогнул и вновь внимательно посмотрел на нее.

— Разве я вам что-нибудь говорил об этом? Не помню, чтобы сообщал вам какие-либо сведения. Я еще не готов. Что я вам сказал?

— Ничего, — ответила Бейта. — Ох, Галактика, вы ничего мне не говорили, но как мне вас упросить,

чтобы вы сказали хоть что-нибудь. Потому что я смертельно устала. Скоро ли это кончится?

Эблинг Мис, глядя на нее, испытал что-то вроде чувства жалости.

— Э-э-э... моя... моя дорогая, я не хотел обидеть вас. Я иногда забываю... кто мои настоящие друзья. Иногда мне кажется, что я вообще ни о чем не должен говорить. Необходимо хранить тайну, но от Мула, а не от вас, моя дорогая.

Он потрепал ее по плечу, стараясь выглядеть дружелюбным.

— Так как же насчет Второго Основания? — вновь спросила Бейта.

Его голос тут же перешел на шепот, так что иногда его было еле слышно.

— Знаете ли вы, с какой тщательностью Сэлдон скрывал все следы? Фильмы Сэлдоновской Конвенции были для меня вообще бесполезны... всего лишь месяц назад, до того как ко мне пришло какое-то внутреннее зрение. И даже сейчас... мне очень трудно. Документы, изданные Конвенцией, кажутся не к месту запутанными, значение их затуманено. Очень часто я задумывался над тем, знали ли сами члены Конвенции, что было на уме у Сэлдона. Иногда мне кажется, что он использовал Конвенцию

просто как ширму, а всю гигантскую структуру создал собственноручно.

— Обоих Оснований? —
настойчиво спросила Бейта.

— Второго Основания! С нашим Основанием было все просто. Но Второе Основание не более чем название. Оно упоминается, но если и были какие-то другие сведения, то они глубоко спрятаны в уравнениях. Есть много того, что я даже не начал понимать. Но за эти семь дней обрывки уже складываются в картину. Первое Основание было миром ученых. Оно представляло собой концентрацию науки Галактики при условиях, необходимых, чтобы вновь

возродиться к жизни. Ни один психолог не был включен в состав ученых. Это очень странно и, наверняка, сделано с определенной целью. Дело в том, что психоистория Сэлдона могла функционировать только тогда, когда индивидуумы, то есть отдельные люди, не могли предугадывать будущее и, таким образом, совсем естественно вели себя во всех ситуациях. Вы понимаете, что я хочу сказать, моя дорогая?

— Да, доктор.

— Тогда слушайте внимательно.

Второе Основание было миром ментальных ученых. Оно было зеркальным отражением нашего

мира. Но только психология, а не физика была там основной наукой.

Победным голосом он воскликнул:

— Вы понимаете?

— Нет.

— Но думайте же, Бейта, шевелите мозгами. Хари Сэлдон знал, что психоистория может предсказывать только вероятности, а не определенности. Всегда существовала возможность ошибки, и со временем она возрастала в геометрической прогрессии. Естественно, Сэлдон старался предохраниться от этого всеми возможными методами. Наше Основание было технически

блестящим и процветающим. Оно могло создавать новое оружие и побеждать армии. Оно могло противопоставить силу силе. Но что получилось при ментальной атаке одного мутанта?

— С этим могут справиться психологи Второго Основания! — продолжила его мысль Бейта и почувствовала, как внутри у нее все задрожало от возбуждения.

— Да, да, да, конечно!

— Но ведь они пока что ничего не сделали.

— Откуда вы это знаете?

Бейта задумалась.

— Я не знаю. А у вас есть доказательства обратного?

— Нет. Существует множество факторов, о которых я не имею ни малейшего представления. Второе Основание тоже не могло быть сразу создано полноценным — не более чем наше. Мы развивались, медленно набирая силу, видимо, так же, как и они. Одни звезды знают, на какой они сейчас высоте. Достаточно ли сильны, чтобы бороться с Мулом? Знают ли они вообще об опасности? Есть ли у них способные вожди?

— Но если они следовали Плану Сэлдона, тогда Мул должен проиграть Второму Основанию.

— Ах, — сказал Эблинг Мис, и его лицо нахмурилось, выявляя все морщинки. — Опять та же песня. Но

Второе Основание было создано с гораздо большими трудностями, чем первое. Второе Основание по сути сложнее первого, следовательно, увеличивается и вероятность ошибки. И если Второе Основание не победит Мула, тогда конец всему. Может быть, конец всей человеческой расе, такой, какой мы ее знаем.

— Не может быть.

— Может. Если потомки Мула унаследуют его ментальные способности... хомо сапиенс не выдержит конкуренции. Будет новая доминантная раса — новая аристократия, а хомо сапиенс будут рабами, низшей расой. Вы

понимаете?

— Да, доктор.

— И даже если каким-нибудь чудом Мул не оставит наследников, он все же организует новую Империю. Она будет держаться только на его власти, власти одного человека, она умрет вместе с его смертью. Но Галактика сразу же отбросится далеко назад, откуда все началось. Кроме того, в ней не будет больше Оснований, на которых могла возникнуть новая Вторая Империя. Это означает тысячи лет варварства. Причем конца этому варварству не будет видно.

— Но что мы можем сделать? Сможем ли мы предупредить Второе

Основание?

— Нужно это сделать, ведь они действительно могут ничего не знать. Нельзя так рисковать, но, к сожалению, у нас нет возможности предупредить их.

— Никакой?

— Я не знаю, где они обосновались. Они на другом конце Галактики, а это значит, что придется выбирать из миллионов миров.

— Но, Эблинг, неужели здесь ничего об этом не говорится?

И, она указала на стол, заваленный лентами.

— Нет, я еще ничего не обнаружил. К этой тайне должен

быть какой-нибудь ключ. Наверное, были причины...

Внезапно новая мысль поразила ученого, и он отсутствующим взглядом окинул Бейту:

— Но все-таки лучше бы вы ушли, я и так уже потерял слишком много времени, а его все меньше и меньше... все меньше и меньше...

Он сердито нахмурился и углубился в окуляры аппарата.

Раздались мягкие шаги Магнифико.

— Ваш супруг дома, миледи...

Эблинг Мис не обратил на клоуна никакого внимания. Он неотрывно смотрел в аппарат.

В тот же вечер, внимательно

выслушав Бейту, Торан сказал:

— И ты думаешь, он прав, Бей?

Ты думаешь, он не...

Торан заколебался.

— Он прав, Тори. Он болен, и я знаю это. Перемена, которая с ним произошла, потеря веса, странная речь — все это говорит о том, что он болен. Но как только речь заходит о Муле, о Втором Основании или о чем угодно, над чем он работает, ты только послушай его. Его мысль точна и ясна. Он знает, о чем говорит, и я ему верю.

— Тогда, значит, есть надежда?

Это был скорее вопрос, чем утверждение.

— Я... дай мне подумать. Может

— да! Может — нет. Но с настоящей минуты я никуда не хожу без бластера.

Она взяла в руки небольшой бластер со сверкающим дулом и рукояткой.

— На всякий случай, Тори. На всякий случай.

— На случай, скажи, чего?

Бейта засмеялась, и не по себе становилось от этого истерического смеха.

— Неважно, Тори, может быть, я немного помешалась, как Эблинг Мис.

А Эблингу Мису оставалось жить всего семь дней, и эти семь дней тихо прошли один за другим.

Для Торана время протекало впустую. Теплые дни и тишина навевали сон и скуку. Казалось, вся жизнь замерла в ожидании неизвестно чего.

Мис никому не показывался на глаза и лихорадочно работал. Он забаррикадировался. Ни Торану, ни Бейте никак не удавалось увидеть его. Только по тому, что Магнифико приходил и уходил, они догадывались: Мис еще жив.

Магнифико тоже стал молчалив и задумчив, на цыпочках подносил и выносил подносы с едой и тихо сидел в уголке, наблюдая.

Бейта взяла себя в руки, ее яростные вспышки больше не

повторялись, и она, казалось, почувствовала в себе уверенность. Она тоже старалась быть побольше одна. Как-то Торан набрел на нее и снова увидел как она вертит в руках бластер. Быстро спрятав его в карман, она выдавила улыбку.

— Что ты с ним делаешь, Бей?

— Просто держу. Разве это преступление?

— Ты прострелишь свою глупенькую головку.

— Значит, прострелю. Небольшая потеря.

Женатая жизнь научила Торана, что спорить с женщиной, когда она в плохом настроении, бесполезно. Он пожал плечами и ушел от нее.

В последний день Магнифико, задыхаясь, вбежал к ним в комнату. Испуганный, он стал хватать их за руки.

— Ученый доктор зовет вас. Ему нехорошо.

Ему действительно было нехорошо. Он лежал на кровати и смотрел прямо глазами, как блюдца, и неестественно яркими. Он был грязен, трудно было узнать ученого.

— Эблинг! — закричала Бейта.

— Дайте мне сказать, — прохрипел психолог, с трудом приподнимая на локте свое исхудалое тело. — Дайте мне сказать, со мной покончено, и я хочу передать вам свою работу. Я не

сохранил никаких записей, все свои вычисления я уничтожил. Никто другой не должен знать, все должно остаться только в вашем мозгу.

— Магнифико! — неожиданно грубо, глядя прямо на клоуна, сказала Бейта. — Выйди наверх.

Неохотно клоун поднялся и сделал шаг назад. Его печальные глаза смотрели на Миса. Мис слабо махнул рукой.

— Он не помешает, пусть остается. Оставайся, Магнифико.

Клоун быстро сел на место. Бейта глядела на пол. Медленно-медленно она закусилла нижнюю губу.

Хриплым голосом Мис продолжал:

— Я уверен, Второе Основание может выиграть, если оно преждевременно не будет атаковано Мулом. Оно держало свое существование в тайне, и эту тайну надо сохранить. Потому что она имеет определенную цель. Вы должны отправиться туда, ваша информация жизненно важна... Она может помочь им выиграть. Вы меня слушаете?

В нетерпении Торан воскликнул:

— Да, да! Скажи, как нам попасть туда, Эблинг? Где это?

— Я скажу, — раздался слабый голос.

Но он ничего не сказал.

Бейта, смертельно бледная, подняла бластер и выстрелила. Эхо выстрела пронеслось по комнате. Верхней части тела у Миса больше не было. А в стене зияла огромная дыра. Из онемевших пальцев Бейты бластер выскользнул и со стуком упал на пол.

16. Конец поисков

Не было произнесено ни одного слова. Эхо выстрела прокатилось по соседним комнатам и замерло в отдалении. В самом конце оно слилось со стуком выпавшего из рук Бейты бластера, пронзительным криком Магнифико и ревом Торана.

Затем наступила резкая тишина.

Бейта наклонила голову, и слезы потекли по ее лицу. Никогда раньше она не плакала. Мускулы Торана скрипели от напряжения, но он не расслабился, и ему казалось, что он теперь уже никогда не сможет разжать сжатых зубов. Лицо Магнифико было увядшей

безжизненной маской. Наконец Торан выдавил:

— Значит, ты женщина Мула? Он добрался и до тебя?

Бейта подняла голову, рот ее исказила болезненная улыбка.

— Я? Женщина Мула? Это даже не смешно.

Она снова улыбнулась, что далось ей с трудом, и откинула назад свои волосы. Постепенно ее голос стал нормальным или, по-крайней мере, близким к нормальному.

— Все кончилось, Торан. И теперь я могу говорить спокойно. Не знаю, долго ли мне удастся прожить. Но я могу начать...

Напряжение Торана прошло,

уступив место полной апатии.

— О чем, Бей? О чем здесь говорить?

— О несчастьях, которые нас преследовали. Мы уже отмечали это раньше, Торан. Ты помнишь, как поражение всегда следовало за нами по пятам и никогда не настигало нас. Мы были на Основании, и оно пало, в то время как независимые торговцы все еще боролись. Но мы успели вовремя скрыться. Когда мы оказались на Убежище, оно тоже пало, в то время как остальные еще боролись. И вновь нам удалось ускользнуть. Мы отправились на Неотрантор, а к тому времени он уже несомненно присоединился к Мулу.

Торан слушал и качал головой.

— Я не понимаю.

— Тори, так не бывает в жизни.

Мы с тобой — мелкие сошки, мы не можем перемещаться в гуще политических событий, то тут, то там на протяжении целого года, если, конечно, **ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА ЭТИХ СОБЫТИЙ НЕ НАХОДИТСЯ ВМЕСТЕ С НАМИ!** Теперь ты понял?

Губы Торана сжались. Он с ужасом остановил свой взгляд на кровавых останках психолога и на лице его появилось болезненное выражение.

— Пойдем отсюда, Бей. Пойдем на свежий воздух.

По небу плыли облака. Ветер

растрепал волосы Бейты, закинув их за спину. Магнифико, согнувшись, шел за ними и становился невольным свидетелем разговора.

— Ты убила Эблинга Миса, — жестко сказал Торан, — потому что считала; он и есть этот человек?

Взгляд ее глаз поразил его. Он прошептал:

— Мис был... Мул?

Торан и сам не верил в то, о чем говорил

Бейта резко рассмеялась.

— Бедный Эблинг — Мул? Великая Галактика! Конечно, нет. Я не смогла бы убить его, если бы он был Мулом. Он бы разгадал эмоцию, сопровождавшую такое желание, и

тут же переменил бы во мне ее на любовь, поклонение, обожание, ужас — на все, что ему взбрело бы в голову. Нет, я убила Эблинга Миса потому, что он НЕ БЫЛ Мулом, но знал, где расположено Второе Основание, и ровно через две секунды выдал бы Мулу этот секрет.

— Выдал бы Мулу этот секрет, — глупо повторил Торан, — выдал бы. Мулу этот секрет...

А затем он громко вскрикнул, повернулся и с ужасом уставился на шута, скорчившегося за колонной, и непонятно было, слышал он это или нет.

— Но ведь Мулом не может быть Магнифико?

Торан задал этот вопрос шепотом.

— Послушай, Тори, — сказала Бейта. — Ты помнишь, что произошло на Неотранторе? Ох, подумай, Тори.

Но он покачал головой и, все еще не понимая, смотрел на Бейту. Она продолжила голосом слабым и тихим:

— На Неотранторе умер человек. Хотя к нему никто и пальцем не прикоснулся. Разве это не странно? Магнифико играл на Визи-Сонаре, а когда кончил принц был мертв. Разве это не подозрительно? Создание, которое так всего боится, что теряет голову от

страха, обладает способностью убивать?

— Музыка и световые эффекты, — сказал Торан, — способны на глубокое эмоциональное воздействие...

— Да, влияние на эмоции! И достаточно сильное. Кстати, эмоциональный эффект — главная способность Мула. Я не думаю, что случайно создание, с головы до ног заполненное страхом, обладает способностью убивать по желанию. Ну допустим, Мул специально развил в нем эту эмоцию. Но, Торан, во время его игры на Визи-Сонаре меня охватило такое же отчаяние, как и во Временном Сейфе и затем на

Убежище. Это чувство я ни с каким другим не смогла спутать.

Лицо Торана помрачнело.

— Но... я почувствовал... то же самое. Я забыл... я никогда не думал...

— А мне именно тогда пришла в голову эта мысль. Мной овладело странное состояние: Интуиция подсказывала: здесь что-то не так, но мне не за что было зацепиться. А когда Притчер сказал нам, кто такой Мул и в чем заключается его мутация, мне все стало ясно. Мул вызвал отчаяние во Временном Сейфе, Мангифико — такое же чувство на Неотранторе. Абсолютно одинаковая эмоция. Следовательно,

Мул и Магнифико — одно лицо. Разве не так, Тори? Это похоже на геометрическую аксиому: два треугольника, каждый из которых равен третьему, равны между собой.

Казалось, с Бейтой сейчас случится истерика, но она заставила себя успокоиться, собрав всю силу воли, и продолжала:

— Это открытие перепугало меня до смерти. Если Магнифико — Мул, значит, он может понять мои эмоции и переделать их в такие, какие ему захочется. Я не могла этого допустить и старалась избегать его. К счастью, он тоже меня сторонился: был слишком занят Эблингом Мисом. Тогда у меня появился план

— убить Эблинга, прежде чем он заговорит. Чтобы план не сорвался, я даже сама себе не осмеливалась признаться в нем. Если бы можно было убить самого Мула, но нельзя было рисковать. Он мог что-либо заподозрить, тогда вообще ничего бы не вышло.

Бейта остановилась, казалось, она сейчас лишится чувств. Резко, тоном, не вызывающим возражений, Торан почти кричал:

— Я не верю. Посмотри на это жалкое создание. МУЛ! Он даже не слышит, о чем мы говорим.

Но когда он повернулся к Магнифико, тот стоял прямой и напряженный и темными

сверкающими глазами пристально смотрел на них. Он заговорил, и от прежнего акцента не осталось ни следа:

— Я слышу все, друг мой. Я просто сидел и размышлял о том, что, несмотря на весь мой ум и проницательность, я не могу не делать ошибок и поэтому так много теряю.

Торан попятился назад, словно испугавшись: вдруг клоун сможет дотронуться до него или обжечь своим дыханием.

Магнифико больше не казался смешным, его худые руки, ноги, огромный нос перестали бросаться в глаза. В нем не было больше страха,

осанка стала твердой. Клоун исчез, появился Мул, ощутивший себя хозяином положения с привычной легкостью. Он повелительно махнул рукой.

— Садитесь и не бойтесь. Теперь вам нечего терять, поэтому располагайтесь поудобнее. Игра сыграна, и я расскажу вам одну историю. Это моя слабость. Я хочу, чтобы люди понимали меня.

Мул смотрел на Бейту взглядом усталым и печальным карих глаз клоуна Магнифико.

— В моем детстве нет ничего особенного, — начал он быстро и нетерпеливо. — И мне почти нечего вспомнить. Моя худоба — результат

нездоровых желез, с таким носом я и родился. Мое раннее детство трудно назвать нормальным. Мать умерла, так и не увидев меня. Отца я не знаю. Вероятно, случайность явилась причиной того, что я не погиб. Но жизнь не была мне в удовольствие. Душа моя разрывалась от жалости к себе и ненависти к другим. Окружающие называли меня странным ребенком и избегали: многие, потому что не любили, некоторые — из страха. Странные вещи происходили... ну, да не важно. Хватило разных случаев, которые помогли в свое время капитану Гану Притчеру понять, что я мутант. А мне это стало ясно лишь на

двадцатом году жизни.

Торан и Бейта слушали, и им обоим казалось, как будто это происходит не с ними. Они сидели на траве, а клоун Мул ходил перед ними маленькими шагами, скрестив на груди руки.

— Понимание моего превосходства далось мне не сразу, оно приходило ко мне медленно, неуверенными шагами. Я все никак не мог в это поверить. Людской мозг мне казался циферблатом, стрелки которого указывали на преобладающую эмоцию. Это бледное, конечно, сравнение, но как еще я могу вам объяснить. Не сразу и не скоро, но я все-таки понял, что

могу проникать в эти умы, поворачивать стрелки, куда хочу, более того, оставлять в этом положении навечно. А когда я убедился, что другие не могут этого, меня охватило желание власти, а вместе с тем сознание, что я могу расквитаться за то жалкое существование, которое я вел до сих пор. Может быть, вам трудно понять меня. Нелегко быть уродом, умным, все понимающим, но уродом. Надо мной смеялись, со мной поступали жестоко. Но я не хотел быть аутсайдером. Я решил стать другим. Вы никогда не испытывали подобного.

Магнифико посмотрел на небо,

слегка приподнялся на носки, затем снова твердо встал на землю.

— И вот я понял, что к чему, и решил — смогу править Галактикой. Они делали со мной все, что хотели. Я страдал и терпел все 24 года. Теперь моя очередь, терпеть будут все окружающие. Причем шансов у Галактики больше! Я один — их триллионы! Честная игра!

Он замолчал и быстро посмотрел на Бейту.

— Но у меня есть одна слабинка. Сам по себе я ничего не значу. Если мне и суждено завоевать Галактику, то только с помощью других. Первый успех пришел ко мне благодаря среднему классу в

обществе. Все произошло так, как говорил вам Притчер. Воспользовавшись пиратами, я устроил себе базу на астероиде. Дальше мне «помог» один промышленник: стал контролировать планету. Потом при помощи других я добрался до наместника Калгана, завоевал Калган, а вместе с ним и флотилию звездолетов. После этого пришел черед Основания, и тут появились вы.

Основание, — продолжал он, — было самой трудной задачей, что мне пришлось решать. Слишком многое требовалось преодолеть, чтобы победить и уничтожить его. Можно было сделать это постепенно, но мне

хотелось побыстрее, и я стал искать выход. В конце концов, если сильный человек может поднять пятьсот фунтов, это не значит, что он будет с удовольствием делать это постоянно. Мой эмоциональный контроль не такая уж и легкая работа. Я предпочитаю не пользоваться им, если в этом нет необходимости. Поэтому я завел себе союзников при первой же атаке на Основание. Превратившись в своего собственного клоуна, я решил найти агента или агентов Основания, которых неизбежно должны были прислать на Калган исследовать мою жалкую личность. Сейчас я знаю, что тогда мне нужен был капитан

Притчер. Но по иронии судьбы я нашел ВАС! Действительно, я телепат, но частично. Вы, миледи, родом с Основания, и это ввело меня в заблуждение. Правда, ничего страшного не произошло, потому что Притчер присоединился к нам впоследствии. Фатальная моя ошибка была в другом.

В первый раз за все время Торан пошевелился. Он заговорил с плохо скрываемой яростью:

— Подождите. Вы хотите сказать, что, спасая вас, когда я стоял перед лейтенантом с парализующим пистолетом в руке, я с моими эмоциями находился у вас под контролем?!

От гнева у Торана начали трястись руки:

— Значит, все это время я был игрушкой?!

Тонкая улыбка заиграла на губах Магнифико.

— А почему бы и нет? Вы думаете, что это невозможно? Спросите себя сами: будучи в здравом уме, разве рискнули бы вы жизнью ради странного уroda, которого никогда не видели раньше? Я думаю, вы сами — поразились тому, как разворачивались события, когда немного остыли и имели возможность подумать над всем происшедшим.

— Да, — спокойно вмешалась

Бейта. — Так оно и было. Он никак не мог понять, что же произошло. Это очевидно.

— Как бы то ни было, — продолжал Мул, — Торану ничего не угрожало. У лейтенанта был строгий приказ отпустить вас. Поэтому я, вы и Притчер отправились на Основание. Дальше вы сами знаете, как происходила моя кампания. Когда Притчера предали трибуналу (мы при этом присутствовали), я не терял времени даром. С судьями, председательствовавшими на этом процессе, я расквитался попозже. Они командовали войсками во время войны и очень легко сдались в плен, в результате мой флот выиграл битву

при Хорлеггоре и другие мелкие стычки. Благодаря Притчеру я встретил Эблинга Миса. Психолог принес мне Визи-Сонар. Он сделал это из своих собственных побуждений и немыслимо упростил мне задачу. Разве что только ЭТО не было его собственным желанием.

Бейта перебила его.

— Концерты! Я все пыталась понять, зачем они были нужны. Теперь все ясно.

— Да, — кивнул Магнифико. — Визи-Сонар прекрасно фокусирует излучение. Грубо говоря, он сам по себе является простым устройством для контролирования эмоций. С этим прибором на руках я был в состоянии

с легкостью управлять эмоциями масс и еще легче отдельных индивидуумов. Концерты, которые я давал на Основании и потом на Убежище, очень сильно приблизили их конец. Приложив некоторые усилия, я сделал бы принца на Неотранторе почти идиотом, но я не мог убить его без Визи-Сонара. Теперь понимаете? Конечно, самой важной моей находкой был Эблинг Мис. Он мог бы...

Чувство досады не давало Магнифико говорить, но он все-таки продолжил:

— Есть одна особенность в моем эмоциональном контроле, о которой вы пока еще не знаете.

Интуиция, или внутреннее зрение, называйте это как хотите, для меня та же эмоция. По крайней мере, у меня это получается. Вы не понимаете, о чем я хочу сказать?

Он не стал ждать отрицательного ответа.

— Человеческий мозг работает с малой эффективностью. Обычно приводится цифра в 20 %. Иногда происходят вспышки большой силы, и тогда их называют интуицией, или внутренним зрением. Я очень рано понял что могу поддерживать эту вспышку... в мозгу, заставляя его работать долго и на пределе. Правда, человек после этого умирает, но приносит при этом огромную пользу.

Атомный гаситель, например, использованный мной в войне против Основания, — результат эффективной работы мозга одного инженера с Калгана. Как видите, снова я использовал в своих целях других. Эблинг Мис как психолог был удивительным упрямцем. Его потенциальные возможности ученого были колоссальными. И он был мне нужен. Еще до того как началась война с Основанием, я послал своих делегатов договариваться со старой Империей. Именно тогда я начал свои поиски Второго Основания. Естественно, я его не нашел, но знал, что должен это сделать, и Эблинг Мис мог сказать, где искать. При

возбуждении его мозга он, возможно, оказался бы в состоянии повторить работу Хари Сэлдона. Частично ему это удалось. Я довел его до полного самоизнеможения. Возможно, процесс был безжалостен, но его следовало завершить. Мис умирал в конце, но он дожил...

Вновь досада помешала ему говорить.

— И он дожил до того, чтобы все сказать. Вместе, втроем, мы могли бы отправиться на Второе Основание. Это была бы последняя битва, если бы не моя ошибка.

Торан заговорил стараясь, чтобы голос его звучал твердо:

— Почему вы так на это

упираете... что же это за ошибка?.. И кончайте скорее.

— Ну что же, я скажу: моя ошибка — ваша жена. Она необыкновенная. Я никогда не встречал такой женщины, такого человека в своей жизни. Я... я...

Внезапно голос Магнифико прервался. С большим трудом он взял себя в руки. Весь какой-то угрюмый, он продолжал:

— Я нравился ей, несмотря на то, что мне ни разу не пришлось вмешаться в ее эмоции. Я не вызывал в ней отвращения, и она не смеялась надо мной. Она жалела меня. Я ей **НАРАВИЛСЯ!** Неужели вы не понимаете? Неужели вы не видите,

что это для меня значило? Никогда еще до сих пор, никто... Ну, да ладно... Я лелеял эту мечту... Мои собственные эмоции подвели меня, несмотря на то, что я управлял эмоциями всех остальных. Я опасался забираться к ней в мозг и ничего не делал с ней. Для меня слишком дорого было ее ЕСТЕСТВЕННОЕ чувство. Обидно, но... Это моя первая ошибка.

— Так были и другие?

Клоун, не отвечая, продолжал:

— Вы, Торан, находились под контролем. Вы ни разу меня не заподозрили, не задавали вопросов, никогда не видели во мне ничего странного или непонятного.

Вспомните «филийский» звездолет, который остановил нас. Там знали мои координаты, между прочим, потому что я был с ними в постоянном контакте так же, как и со всеми моими генералами. Когда нас остановили, меня взяли на борт, чтобы я обратил Гана Притчера. Его взяли в плен. Когда я уходил, он уже был полковником, командиром звездолета и человеком Мула. Все, что произошло, было очевидным даже для вас. И тем не менее вы приняли мое объяснение, полное неувязок. Понимаете, о чем я хочу сказать?

Торан скривился и ответил вопросом на вопрос:

— А как же вы поддерживали все это время связь с вашими генералами?

— Это было нетрудно.

Портативный

ультракоротковолновый передатчик легко управляем. Да меня и невозможно было поймать. Уж если бы кто-то и встрял в мою передачу, он тотчас же забыл бы об этом. Так, кстати, один раз и произошло. Но речь не об этом. Мои глупые эмоции подвели меня еще раз на Неотранторе. Бейта не была под моим контролем, но даже и тогда она не заподозрила бы меня, если бы я сдержался и не убил принца. Но его намерения по отношению к Бейте

слишком раздражали меня. Это было глупо, конечно. Небольшая драка сослужила бы ту же службу. И все равно ваши подозрения никогда не превратились бы в уверенность, если бы я вовремя остановил болтовню Гана Притчера или обращал больше внимания на вас, а не на Миса.

Он пожал плечами.

— Значит, теперь этому конец? — спросила Бейта.

— Конеч.

— Что же дальше?

— Буду продолжать свою программу. Сомневаюсь, что удастся найти такого другого человека, как Мис. Придется искать Второе Основание как-то иначе. В

определенном смысле вы победили меня.

И тут Бейта вскочила и заговорила как никогда свободно.

— В определенном смысле?! Нет, Мул. Мы победили тебя ПОЛНОСТЬЮ!!! Все эти победы над Основанием ничто, так как Галактика сейчас — вакуум варварства. Тебе надо победить Второе Основание — ВТОРОЕ ОСНОВАНИЕ, слышишь? — но именно оно победит тебя. Да, у тебя был шанс, один-единственный: узнать, где находится Второе Основание, и напасть первым. Теперь ты этого не сможешь сделать. С каждой минутой им все легче и

легче отразить нападение. В конце концов твой короткий отрезок власти кончится и в истории ты займешь место на очередной кровавой странице всего лишь как еще один бывший завоеватель.

Бейта тяжело дышала, почти задыхаясь в своем неистовстве.

— Мул, мы победили тебя — Торан и я. Теперь можно умереть спокойно.

Но Бейта не видела, что сейчас на нее смотрел не Мул, а Магнифико своими печальными темными глазами.

— Я не убью ни тебя, ни твоего супруга. В конце концов, вас всего лишь двое и вы больше не сможете

принести мне вреда, а то, что я вас убью, не вернет мне Эблинга Миса. Свои ошибки я делаю сам и сам полностью несу за них ответственность. Ты и твой муж свободны! Идите с миром во имя нашей дружбы.

Но вот внезапно исчез Магнифико и Бейта с Тораном услышали слова, произнесенные с гордостью:

— А тем временем я все еще Мул — самый могущественный человек во всей Галактике! И я сокрошу Второе Основание!

Бейта холодно выпустила свою последнюю стрелу:

— Никогда! Я верю в мудрость

Сэлдона. Ты — первый и единственный представитель своей династии, у тебя нет и не будет наследников.

Что-то дрогнуло в Муле-Магнифико.

— Мои наследники?.. Династия?.. Да, я часто думал об этом, хотелось верить, что дело мое не умрет вместе со мной, что у меня будет достойная наложница...

Бейта вновь поймала на себе взгляд Магнифико, но одновременно и Мула. И в ужасе замерла, внезапно уловив страшный смысл его слов.

Он покачал головой и медленно произнес:

— Я чувствую твое отвращение,

но это глупо с твоей стороны.
Искусственный экстаз не показался б
ненастоящим. Но ты меня не поняла.
Я называю себя Мулом не из-за своей
силы... это очевидно.

Он повернулся и ушел, ни разу
не оглянувшись.